ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Коллективная монография

**Издательство
Нижневартовского
государственного
университета
2014**

ББК 81.18
Л 59

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижневартовского государственного университета

Авторы:
канд. филол. наук *С.С.Авакимян*;
канд. филол. наук, доц. *С.А.Зыкова*;
преп. *Я.В.Крайчинская*;
д-р филол. наук, проф. *Л.В.Кушнина*;
доц. *С.И.Малоземова*;
канд. филол. наук, доц. *Л.В.Новикова*;
канд. филол. наук, доц. *Н.М.Перельгут*;
д-р филол. наук, проф. *Э.М.Рянская*;
канд. филол. наук, доц. *М.А.Степанова*

Рецензенты:
д-р филол. наук, профессор *Н.С.Олизько*
(Челябинский государственный университет);
канд. филол. наук, доцент *А.Ю.Вычужанина*
(Тобольская государственная социально-педагогическая
академия имени Д.И.Менделеева)

Л 59 **Лингвокультурный компонент в переводческом пространстве:** Коллективная монография / Отв. ред. Э.М.Рянская. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. — 135 с.

ISBN 978–5–00047–148–7

Монография посвящена исследованию проблем переводоведения с точки зрения лингвокультурологического, лингвокоммуникативного и лингвокогнитивного подходов. Авторы ставят своей целью рассмотрение как теоретических, так и практических вопросов, актуальных для современной переводческой деятельности.

Издание предназначено для специалистов-лингвистов, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

ББК 81.18

ISBN 978–5–00047–148–7

© Издательство НВГУ, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 4

Глава 1. Переводческое пространство как стратегия межъязыкового и межкультурного взаимодействия 6

Глава 2. Лингвокультурный компонент в переводе гендерообразующих единиц испанского языка 38

Глава 3. Стратегии передачи образности (на материале переводов художественных текстов с английского языка на русский)..... 53

Глава 4. Ирония и/или идеология: переводческие проблемы при передаче прецедентных единиц в рамках медиаполитических текстов (на примере перевода высказываний В.В.Путина) 71

Глава 5. Пространство и контекст: соотношение понятий..... 87

Глава 6. Предпереводческие аспекты подготовки специалиста-переводчика 103

Глава 7. Формирование профессиональных компетенций переводчика: возможности интегративных учебных пособий при освоении периферийных пластов лексики (на примере темы «Биатлон») 117

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная эпоха характеризуется существенными изменениями в сфере мировоззренческой парадигмы перевода, что находит отражение как в теоретических изысканиях ученых, так и в профессиональной переводческой практике.

Авторы коллективной монографии «Лингвокультурный компонент в переводческом пространстве» попытались изложить свое видение актуальных переводческих проблем сквозь призму лингвокогнитивного и лингвокоммуникативного, лингвокультурологического подходов к процессу перевода, которые противостоят традиционному для отечественной науки сугубо лингвистическому представлению. Можно условно выделить три периода в развитии современного отечественного переводоведения. Первый период связан с работами основателя советской школы перевода А.В.Федорова и относится к 50—60-м гг. XX в. Многие идеи великого ученого до сих пор актуальны, а некоторые его мысли еще ждут своего подтверждения. В период 70—80-х гг. прошлого века появилась целая плеяда талантливых ученых, чьи труды стали классикой отечественной науки. Это работы Л.С.Бархударова, В.Н.Комиссарова, Л.К.Латышева, Р.К.Миньяр-Белоручева, Я.И.Рецкера, А.Д.Швейцера и др. Теория перевода строилась преимущественно на материале художественных текстов и касалась в основном письменного перевода. В конце прошлого и начале нынешнего века, когда на смену изоляции отечественных ученых в области перевода пришло сотрудничество с зарубежными коллегами, когда культурные барьеры между исследователями постепенно преодолеваются, появляются новые воззрения на переводческую деятельность, а вместе с ними новые концепции, что открывает новые научные горизонты. Современное переводоведение строится на результатах научных достижений таких отечественных ученых, как И.С.Алексеева, Л.М.Алексеева, Н.Л.Галеева, Н.К.Гарбовский, В.Е.Горшкова, Г.В.Денисова, Т.А.Казакова, И.Э.Клюканов, В.В.Сдобников, А.Л.Семенов, Ю.А.Сорокин, В.Д.Табанакова, Н.А.Фененко, А.П.Чужакин и др. Можно сказать, что в настоящее время отечественные переводческие школы переживают сложный период. С одной стороны, устоявшиеся переводческие парадигмы присутствуют во многих работах, включая диссертационные исследования

по специальностям «теория языка» и «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», в рамках которых происходит защита диссертаций по переводу на соискание ученой степени кандидата или доктора филологических наук. С другой стороны, появляются новые работы, авторы которых пытаются отойти от традиционного подхода к переводу, рассматривая перевод не как череду переводческих трансформаций, а как систему транспонирования смыслов текста из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Ключевым понятием перевода становится смысл, а анализ смысла совершается не только в рамках текста или дискурса, но в рамках культуры, которой принадлежит данный текст и в которой происходит взаимодействие личностей, порождающих и воспринимающих дискурс. Так формируется новая переводческая традиция, новая философия перевода, которая вписывается в современную когнитивистику, имеющую в качестве ведущего принцип антропоцентризма. Языковая личность переводчика занимает в этой традиции особое место. Переводчик не является более невидимым субъектом, он становится «медиатором» культур, поскольку обеспечивает межъязыковое и межкультурное взаимодействие представителей разных лингвокультурных сообществ, их взаимопонимание, их взаимосовершенствование.

Именно в этом ракурсе авторы коллективной монографии пытаются решить свои исследовательские задачи, которые помогут приоткрыть тайну процесса перевода для своих коллег и учеников.

Л.В.Кушнина

Глава 1

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СТРАТЕГИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Л.В.Кушнина

Основная цель данной главы состоит в том, чтобы выяснить, какие изменения претерпели современные трактовки перевода и переводческой деятельности в свете новейших лингвофилософских, лингвокогнитивных, лингвокоммуникативных, лингвосинергетических воззрений.

Начнем с того, что в XXI в. теория перевода видит свои перспективы в аспекте всестороннего рассмотрения межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Если раньше все усилия специалистов в области переводоведения были направлены на изучение возможных переводческих трансформаций, затрагивающих различные уровни языка, то в настоящее время пришло осознание того, что переводческие преобразования на уровне культуры играют гораздо более существенную роль для достижения конечной цели процесса перевода — обеспечения взаимодействия коммуникантов, принадлежащих к различным языкам и культурам.

Именно эта новая ситуация и актуализированная потребность взаимодействия явились основанием зарождения новой философии перевода, одной из форм проявления которой выступает концепция переводческого пространства.

Центральный вопрос при исследовании переводческого пространства — передача смысла. От того, как понимается категория смысла, зависит трактовка процесса смыслотранспонирования, включающего в себя множество эксплицитных и имплицитных смыслов, динамика и синергия которых имеют место в переводческом пространстве.

1.1. Трактовка смысла в переводческом пространстве.

Понимание природы перевода как процесса смыслотранспонирования, нацеленного на порождение гармоничного текста перевода, потребовало обоснования понятия «смысл» и установления его соотношения с понятиями «значение» и «содержание».

Если обратиться к этимологии русского слова «съмыслъ», то обнаружится, что оно восходит к греческому «phren», одно из переносных значений которого — «дух», «душа», т.е. изначально смысл обозначал духовное состояние человека. С позиций разрабатываемой нами концепции поиск смысла есть духовное состояние переводчика, стремящегося к достижению семантической гармонии между текстами оригинала и перевода, т.е. к смысловой гармонии.

Исследование смысла как переводческого феномена начинается с работ Ю.Найды, стоявшего у истоков современного переводоведения, и продолжается до сих пор ввиду дискуссионности самого термина, его неоднозначности и многоплановости. Рассуждая о динамической эквивалентности, Ю.Найда опирается на высказывания Э.Паунда, Е.Миллигана и др., утверждающих такие принципы, как «больше смысла и меньше грамматики», «в переводе не должно быть неясности смысла», «перевод должен передавать дух и манеру оригинала» [Найда, 1978]. Вслед за великим американским ученым общепринятым считается, что переводчик погружен в поиск смыслов.

Преодолевая «другость» языка и культуры, переводчик тем самым преодолевает препятствия в поиске смыслов, и каждое поле переводческого пространства мы расцениваем как очередное препятствие в процессе поиска смыслов. Важно подчеркнуть, что смысл — ключевое понятие процесса перевода, под каким бы углом зрения мы его ни изучали.

Лингвистические трактовки смысла ориентированы на разграничение понятий «смысл» и «значение». Если значением языкового знака называют его денотат, обычно соотносимый с лексическим значением, то смыслом называют его мысленное содержание, субъективный образ, возникающий при понимании этого знака. Смысл репрезентируется через значение. Языковые значения служат средством выражения смысла в конкретном высказывании.

Трудность понимания смысла объясняется его противоречивостью, о чем свидетельствуют работы А.И.Новикова, обратившего внимание на разграничение понятий «смысл» и «содержание». Ученый показал, что в основе формирования смысла и содержания лежат разные речемыслительные механизмы: содержание базируется на денотатных структурах, отражающих объективное положение вещей, а смысл представляет собой интерпретацию этой действительности.

Согласно мнению Л.А.Черняховской, под содержанием понимается то, что содержится в тексте, под смыслом — то, что в текст вкладывает автор или извлекает реципиент.

Такое понимание смысла лингвистами означает для специалистов в области перевода, что смыслом является и то, что извлекает и вкладывает в текст переводчик. Иными словами, каждый субъект переводческой коммуникации вкладывает в текст свой смысл, причем, при неизменности содержания, все эти смыслы могут не совпадать.

Наибольший интерес в рамках нашего исследования приобретает интерпретативная теория перевода (ИТП) Д.Селескович и М.Ледерер, согласно которой перевод — это не перенос единиц одного языка в другой, а процесс извлечения смысла, его девербализация, а затем — ревербализация средствами другого языка. Ученые поясняют: «Смысл — ключевое слово интерпретативной теории перевода. Для переводчика это продукт синтеза лингвистических значений и когнитивных сознаний, релевантных для конкретного текста или дискурса. Смысл является результатом девербализации звуковой или графической цепи и слияния лингвистических знаний и когнитивных сознаний. Смысл соответствует состоянию осознанности. Он одновременно и когнитивен, и аффективен» [Lederer, 1994: 215]. Результат извлечения смысла переводчиком М.Ледерер определила как такую «узловую точку» (point de capiton), в которой совершается это слияние когнитивного и аффективного, рационального и эмоционального, осознанного и неосознанного. Что касается процесса извлечения смысла переводчиком, М.Ледерер соотносит его с идеей образа, утверждая, что переводчик лишь тогда переведет текст, когда «увидит» его образ. С помощью образа текста переводчик воссоздает его смыслы, и поэтому образ становится единицей смысла для переводчика.

Ученый считает, что профессиональный переводчик не «обрабатывает» каждое слово одно за другим, он видит образ — единицу смысла, он описывает его таким, каким видит. Переводчик воссоздает образ, навеянный ему иноязычным текстом. В разных языках референт может быть один, а образы разные, соответствующие индивидуальному восприятию переводчика.

Концепция М.Ледерер послужила для нас отправной точкой и в понимании смысла текста и его транспонирования при переводе, и в уяснении единицы смысла.

Мы определили ее как образ-гештальт, т.к. для нас важно не только видение переводчиком образа текста, но и осознание целостности образа, что в психологии традиционно обозначается термином «гештальт». Мы полагаем, что в сознании переводчика возникает образ-гештальт, который приводит его к порождению интегрального смысла целого текста, выступающего, с одной стороны, результатом синергии дифференциальных смыслов всех полей переводческого пространства, с другой стороны, отражением переводческой лингвокогнитивной картины мира.

1.2. Единица смысла в переводческом пространстве.

В разрабатываемой нами концепции единицей смысла выступает образ-гештальт текста.

В переводческом пространстве сталкивается множество смыслов. Возникновение гипотезы о природе транспонирования, столкновения и взаимодействия смыслов текста при переводе основано на глубинной связи смысла и образа, и эта связь носит сущностный характер. Но если смысл неуловим, с трудом поддается описанию, представляется неким континуумом, то образ дискретен, его можно представить, описать вербально или невербально. Данное положение наводит на мысль о том, что, описав образ, мы окажемся на пути представления смысла, т.е. образ может отражать, воплощать смысл, поэтому его можно условно принять за единицу смысла. Но при этом следует иметь в виду, что образ отражает не весь смысловой континуум, стоящий за данным текстом, а только его часть. В результате описания образов, возникающих в переводческом пространстве, в процессе собственно перевода происходит генерирование нового текста, а смысл с глубинного уровня переходит на поверхностный.

Изучая проблему образа-гештальта текста как единицы смысла и признавая его неосознанный характер, мы столкнулись с проблемой соотношения осознаваемого/неосознаваемого при переводе. Решение этой проблемы осуществлялось в сотрудничестве с И.В.Беляевой, интересующейся вопросами нейролингвистического программирования. Напомним, что нейролингвистическое программирование (НЛП) изучает взаимосвязь языка, нервной системы, внешней речи, внутренней речи и психики. Перевод как процесс межъязыкового и межкультурного посредничества также может быть проанализирован с позиций нейролингвистического программирования. При переводе каждый субъект переводческой коммуникации, обладающий индивидуальным образом мыслей, своеобразием внутреннего лексикона, неповторимым сочетанием психических способностей, по-разному интерпретирует смыслы текста, что находит отражение в различном соотношении осознаваемых и неосознаваемых компонентов в процессе межличностного взаимодействия.

Виднейший представитель в области НЛП, американский ученый М.Эриксон считает, что существуют три уровня человеческой психики: подсознание, сознание, сверхсознание. Человеческий язык, будучи феноменом психики, реализующийся во внутренней и во внешней речи, тесно связан не только с деятельностью мозга, не только с сознанием, но и с подсознанием, и даже со сверхсознанием. Ученый поясняет, что большое количество информации, поступающей к человеку, связано с тремя каналами: визуальным, аудиальным, кинестетическим. В течение жизни эта информация накапливается, и любая новая информация «профильтровывается» сквозь уже известную, что вызывает соответствующее психоэмоциональное состояние, а также действие, поступок и пр. и позволяет принять наиболее рациональное решение искомой проблемы.

Мы задались вопросом: не является ли принятие успешного переводческого решения, которое мы соотносим с семантической гармонией, результатом такого интеллектуально-эмоционального фильтра? Где находится та «узловая точка» (термин М.Ледерер), которая «запускает» процесс перевода, что можно соотнести с «моделированием направленной фантазии» (М.Эриксон). Что способно разбудить фантазию переводчика-творца?

С позиций проводимого нами исследования закономерностей процесса письменного перевода таким интеллектуально-эмоциональным фильтром, такой узловой точкой, способной моделировать фантазию переводчика, является образ-гештальт текста.

Мы предполагаем, что анализ внешней и внутренней речи, осознаваемого и неосознаваемого посредством языка позволит нам раскрыть эвристическую значимость образа-гештальта в процессе перевода, проанализировать его «изнутри», тем самым попытаться провести наблюдение ненаблюдаемого процесса переводческого творчества.

Образ-гештальт вбирает в себя как смыслы всех полей переводческого пространства, так и темпоральные смыслы. Переводчик только тогда гармонично переведет текст, когда он пропустит через себя время автора-рассказчика, когда спрогнозирует восприятие читателя, т.е. гармонизирует их темпоральные смыслы. Это означает, что читатель, двигаясь от неосознанного к осознанному, от прошлого к будущему, благодаря переводчику, генерирует образ-гештальт, навеянный ему текстом.

Предметом нашего эмпирического анализа стал рассказ И.А.Бунина «Ночь» и его переводы на немецкий и французский языки.

Мы выбрали для лингвопереводческого анализа фрагмент рассказа, который можно рассматривать как литературный отклик писателя на другие произведения, описывающие «чужое» слово, что придает тексту особую смысловую множественность, создавая своего рода полифонию смыслов. Автор не просто ссылается на чужое слово, он размышляет о чужом времени и чужом племени, порождая в сознании читателя новые смыслы, конденсируя в семантически емкой форме большое историко-культурное содержание.

Приведем фрагмент оригинала.

«*… Начало, конец. Но страшно зыбки мои представления о времени, о пространстве. И с годами все больше не только чувствую, но и осознаю я это…*

Что это за разряд, что это за люди? Те, которых называют поэтами, художниками? Чем они должны обладать? Способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, не только самого себя, но и других…»

Как пишут исследователи творчества И.А.Бунина, писатель работал над текстом в течение одной ночи, а именно 17 сентября 1925 г. В своем тексте автор обращается к собеседнику, лирическому «я-герою», создавая диалог с самим собой, который можно объяснить как «поток сознания» в вечном пространстве жизни: между интуитивно воспринимаемым прошлым, осознаваемым настоящим, возможным будущим. В этой лирической миниатюре писатель предстает одновременно и «великим мучеником», и «великим счастливцем», т.к. он обладает способностью чувствовать не только свое время, но и чужое, понимать не только свое имя, но и прочие имена.

Приведем два перевода этого фрагмента на французский и немецкий языки.

Текст перевода на французском языке:

«*Commencement, achèvement. Mais ma perception du temps et de l'espace est extrêmement tremblante. D'une année à l'autre je le sens et je le comprends de plus en plus fort...*

Qu'est-ce que c'est que ce type des gens ? Ceux qui sont nommés poètes, artistes, peintres ? Par quelles qualités doivent — ils se distinguer ? Sont-ils capables de comprendre leur propre temps et celui des époques passées, leur propre pays, leur génération et ceux de leurs ancêtres, eux-mêmes et eux autres?»

Текст перевода на немецком языке:

«*Der Anfang, das Ende. Aber meine Forstellungendes Zeit, des Raums sind furchtbar schvanken. Und mit den Jahren fuhle ich es mehr, sondern auch besinne ich es...*

Was fur die menschen sind sie, was fur die Gruppe, solche Dichter und Kunstler genannt werden? Welche Faichkeiten sollen-sie besitzen? Nicht nur ihre Zeit sehr stark fuhlen, aber auch die fremde, die vergangene, nicht nur ihre land, ihren Stamm, sondern auch die anderen, nicht nur sich selbst, aber die ubrigen...»

Сопоставительный анализ текстов оригинала и переводов показал, что в сознании каждого переводчика возникают собственные образы-гештальты как результат индивидуальной переводческой картины мира, вбирающей в себя лингвокогнитивные образы двух культур, в данном случае, русской и французской или русской и немецкой. Поиск переводческого решения представляется нам эвристическим процессом, где осознаваемые и неосознаваемые

компоненты слиты воедино, где интуиция и компетентность переводчика порождают уникальный образ-гештальт и столь же уникальный текст перевода.

Эвристическая значимость категории образа-гештальта в том и состоит, что он вбирает в себя компоненты осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и невербализуемого, гипотетическое представление о которых позволяет нам проникнуть в глубинные тайны процесса перевода.

Поясним наше понимание. Так, например, при переводе на немецкий язык лексемы «осознаю» существуют два адекватных словарных соответствия: «anerkennen» и «besinnen», при этом ни одна немецкая лексема не передает полностью значение лексемы оригинала. Как переводчик осуществляет выбор? Интуитивно, неосознанно. Эта же лексема при переводе на французский язык приобретает более нейтральный характер, т.к. переводчик избирает глагол широкой семантики «comprendre» (букв. «понимать»). Кроме того, инверсия при использовании данного глагола в оригинале и переводе на немецкий язык совершенно неприемлема во французском, поэтому переводчик также неосознанно, интуитивно устраняет ее. При переводе сочетания «страшно зыбки» в немецком тексте использована лексема «furchtbar», синонимичная лексеме «schreklich», но переводчик также интуитивно избирает первую. При переводе на французский язык используется сочетание «extrêmement tremblante», что в обратном переводе означает «чрезвычайно зыбки», но интуиция переводчика подсказывает ему выбор данного сочетания в соответствии со сложившимся в его сознании образом-гештальтом, выступающим единицей смысла, единицей искомого переводческого решения.

Именно так происходит, по нашему мнению, гибкая смена языкового кода в переводческом пространстве. Образ-гештальт позволяет переводчику осознанно или неосознанно находить в языке перевода определенные вербальные стереотипы или осуществлять словесное творчество.

Создавая образ-гештальт в переводческом пространстве, переводчик понимает «другого» — автора текста как самого себя, он вживается в образ автора, приближаясь к нему, но не идентифицируя себя с ним. Мы осознаем, что образы-гештальты автора неидентичны, но психоэмоциональное состояние переводчика,

особенно если речь идет о художественном тексте, приближено к авторскому, что позволяет ему создать подобный образ-гештальт и что станет источником нового образа-гештальта читателя-реципиента, равно как его новых мыслей и чувств. Образ-гештальт становится в переводческом пространстве своего рода смысловым вектором, объединяющим в себе осознаваемые и неосознаваемые, а в некоторых случаях, возможно, и сверхосознаваемые компоненты процесса перевода.

Придавая особое значение идее образа-гештальта, мы понимаем сам процесс перевода как феномен генерации смыслового образа текста переводчиком. Успешность этого процесса означает успешность перевода в целом, осуществляемого в соответствии с объективными законами текстопорождения и текстовосприятия, а также с законами протекания творческих мыслительных процессов. При этом сам процесс осознавания/неосознавания мы ассоциируем с процессами понимания/непонимания.

В связи с этим уместно вспомнить гениальное высказывание В. фон Гумбольдта: «Никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает, как круг по воде, через всю толщу языка. Всякое понимание поэтому всегда есть вместе и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах — вместе и расхождение» [Гумбольдт, 2001: 84].

Так мы приходим к выводу, что стремление к полному пониманию всех смыслов всех полей переводческого пространства не представляется возможным и необходимым. Семантическая гармония в процессе перевода предполагает соразмерное соотношение осознаваемого/неосознаваемого, стереотипного/творческого, интуитивного/когнитивного, понимаемого/непонимаемого.

Полное понимание является иллюзией, квазипониманием. Пользуясь терминами герменевтики, можно сказать, что переводчик движется по герменевтической спирали, последовательно уточняя свое понимание, сопоставляя его с непониманием, возвращаясь на новом уровне к иному пониманию и давая новую интерпретацию.

Постановка этого вопроса связана с рассмотрением процесса гармонизации смыслов в переводческом пространстве, а его решение представляется нам перспективным и вместе с тем дискуссионным.

1.3. Динамика/синергия смыслов в переводческом пространстве.

Сейчас мы обращаемся к концепции переводческого пространства, представляющего собой динамическое, синергетическое образование, отражающее особое переводческое мировоззрение, которое мы определили как гармоничное.

Вернемся к некоторым теоретическим источникам, благодаря которым переводческое пространство приобрело статус концепции, объясняющей форму бытия межъязыкового и межкультурного взаимодействия, что находит отражение в протекании процесса письменного перевода.

Категория переводческого пространства восходит к понятию функционально-семантической категории как полевой структуры, имеющей ядро и периферию, внутреннее строение которой создается взаимодействующими и пересекающимися полями [Бондарко, 1978; Щур, 1974].

Перевод, как и любая другая сложная система, имеет свою структуру. Это структура нелинейной конфигурации, организованная в виде пространственно-временного континуума. Указанный континуум мы определили как переводческое пространство, которое формируется вокруг содержания текста оригинала и простирается до содержания текста перевода. Каждый из элементов переводческого пространства формирует свою полевую структуру смысла (поле). Взаимодействуя друг с другом в континууме переводческого пространства, эти поля влияют на смыслотранспонирование, вследствие чего сам процесс оказывается нелинейным.

Будем исходить из того, что переводческое пространство строится в рамках лингвосинергетического подхода к изучению целостных качеств текста как открытой неравновесной системы, означающего, что текст трактуется как саморазвивающаяся, самоорганизующаяся система, а процесс перевода понимается как своеобразная синергетическая система. Как показали фундаментальные исследования в области лингвистики текста, сам текст является открытой системой, а процесс коммуникации, будучи процессом обмена текстами, развивается по принципу неравновесных структур. Ранее было установлено, что текст, подлежащий переводу, является носителем информации, а сама информация является непрерывно создаваемым континуумом, включенным в

разветвленную сеть интертекстуальных связей, принадлежащих разным языкам и культурам. Процесс транспонирования смысла при переводе происходит на фоне взаимодействия старой и новой информации в рамках интертекстуальных связей на двух языках: родном и иностранном. В результате характер связей усложняется, обмен информацией поднимается на качественно новый уровень, что приводит к порождению новых смыслов. Наши исследования показали, что в переводческом пространстве, точнее, в поле переводчика, происходит генерация смыслов в виде образа-гештальта текста. Его специфика заключается в том, что он не является суммой смыслов, он есть интеграция смыслов, тот самый коллективный эффект, который характеризует синергетические процессы.

Будем исходить из того, что образ-гештальт выступает своего рода синергетическим компрессантом смысла в поле переводчика, а в поле реципиента происходит «разворачивание» смысла, его декомпрессия. В результате текст оригинала остается в родной культуре открытой системой, и текст перевода интегрируется в другую культуру, также приобретая черты открытой саморазвивающейся системы. Если этот же текст вновь станет предметом перевода, т.е. попадет в иное переводческое пространство другого переводчика, на другой язык, или даже того же переводчика, но в другое время, образ-гештальт будет иным, синергия смыслов приведет к качественно иному тексту перевода и так до бесконечности.

Таким образом, полевый подход, активно разрабатываемый в отечественной лингвистике, а также синергетический подход как общенаучная эвристическая стратегия современной мировой науки определили формирование концепции переводческого пространства. Кроме того, как мы покажем ниже, при описании текстовых полей мы воспользовались теоретическими положениями Л.Н.Мурзина о фатическом поле языка и идеями Н.Л.Мышкиной об энергетической жизни текста.

Переводческое пространство мы понимаем как целостную семантическую структуру нелинейной конфигурации, в центре которой расположено содержание текста — ядро. Вокруг него формируются поля трех субъектов переводческой коммуникации: автора (адресанта), переводчика, реципиента (адресата), образуя

периферию. Кроме того, происходит формирование еще двух текстовых полей, которые мы обозначили как энергетическое и фатическое (культурологическое). Эти поля взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга. В каждом из полей происходит порождение смысла. Вербальная репрезентация смыслов, а также их синергия становится либо источником взаимопонимания субъектов переводческой коммуникации, принадлежащих различным лингвокультурам, либо причиной взаимонепонимания и рассогласований коммуникантов.

Развертывание переводческого пространства, его осмысление переводчиком, осуществление синергии дифференциальных смыслов приводит к порождению гармоничного текста перевода, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала.

Мы установили, что переводческое пространство можно представить как вербально, так и схематически.

Значимость категории переводческого пространства нам видится в том, что оно не только моделирует реальный процесс перевода, показывая одну из возможных точек зрения на этот процесс, но становится реальным интеллектуальным инструментом переводчика. Говоря о практической значимости переводческого пространства, мы постараемся увязать это понятие с формированием особой переводческой картины мира. Это значит, что переводчик по-новому смотрит на перевод, он поистине «погружается в поиск» разнообразных смыслов текста. Переводчик сознательно «выстраивает» собственное переводческое пространство, извлекая разнообразные эксплицитные (явные) и имплицитные (скрытые) смыслы, каждый из которых имеет собственное смысловое поле. Мы предлагаем переводчику осуществлять поиск смыслов по следующим направлениям.

Во-первых, в поле автора формируется модальный смысл, в основе которого лежит предтекст. Иными словами, в тексте автор отражает свои намерения, предваряющие идеи, мотивы, предпосылки, пресуппозиции, аллюзии и пр., которые ему не всегда удается явно выразить. Задача переводчика состоит в том, чтобы расшифровать, декодировать скрытые смыслы, которые имел в виду автор. Разумеется, невозможно уловить и понять абсолютно все смыслы, заложенные в текст автором. Вместе с тем, мы полагаем, что поиск смыслов текста начинается именно в поле

автора, а затем он будет интегрирован в общий смысл текста перевода.

Во-вторых, в содержательном поле формируется фактуальный смысл. Это единственный эксплицитный смысл, который воспринимает переводчик, ориентируясь на тема-рематическую прогрессию текста, на его актуальное членение. Анализируя манифестацию фактуального смысла, мы пришли к убеждению, что если переводчику удается актуализировать все темы и все ремы текста перевода, т.е. вычленить их в тексте, найти словарные соответствия, а затем выстроить адекватную тема-рематическую прогрессию текста перевода, сам фактуальный смысл содержательного поля будет адекватным. Именно в рамках содержательного поля прослеживается первый уровень перевода — уровень адекватности. С позиций разрабатываемой нами концепции фактуальный смысл — это своего рода каркас будущего текста перевода. Его искажение приводит к переводческой дисгармонии, следовательно, адекватное транспонирование фактуального смысла — необходимое условие достижения качественного перевода. Примечательно, что даже в случае адекватного перевода эксплицитного смысла в содержательном поле мы транспонируем (условно!) 1/6 часть смысла, т.к. содержательное поле — одно из шести полей переводческого пространства.

Отмеченный случай означает, что в условиях учебного перевода фактуальный смысл представляется необходимым и достаточным уровнем перевода. Но в целях профессионального перевода, моделирование которого предполагает целостное восприятие переводчиком переводческого пространства — его профессиональную картину мира, — необходим поиск интегрального смысла, заключенного во всех шести полях, либо доминирование некоторых полей, что обусловлено типом текста, его жанрово-стилистической принадлежностью, лингво-коммуникативными и прагматическими параметрами текста, а также гендерными, этническими, социальными, возрастными и другими функциональными аспектами.

В-третьих, в поле переводчика формируется индивидуально-образный смысл. С нашей точки зрения, в поле переводчика формируется индивидуальный образ-гештальт текста, который формируется на основе понимания переводчиком подтекста, т.е.

глубинного смысла высказывания. Извлекаемый переводчиком подтекст вариативен, т.к. не только разные переводчики опираются на разные подтексты, но один и тот же переводчик формирует разные подтексты в разное время. Отсюда значимость переводческого времени. Если же речь идет о переводе текста на разные языки носителями разных культур, то их подтекст также будет существенно различаться, что приводит к бесконечному разнообразию подтекстов и индивидуально-образных смыслов, и что обусловливает разнообразие текстов переводов.

В-четвертых, в поле реципиента формируется рефлективный смысл. Он является своего рода рефлексией реципиента на понимание смысла текста перевода. Он не совпадает полностью ни со смыслом автора, ни со смыслом переводчика, он — иной. Рефлективный смысл накладывается на тот контекст, которым обладает реципиент. Естественно предположить, что для каждого реципиента этот смысл отличается настолько, насколько «внесловесная действительность» по-разному воспринимается разными реципиентами. Разумеется, рефлективный смысл прогнозируется переводчиком, который учитывает, для кого он переводит.

В-пятых, в энергетическом поле формируется эмотивный смысл. Мы выделили энергетическое поле в переводческом пространстве, основываясь на идеях лингвистов о текстовой энергии. Эти идеи развивались, начиная с работ В. ф. Гумбольдта, который соотносил язык с энергией. В работах неогумбольдтианцев, а также в исследованиях отечественных ученых выдвигаются идеи энергетики текста. Непосредственным источником наших рассуждений стали работы Н.Л.Мышкиной, описавшей процесс развития мысли в тексте в виде движения энергий, заложенных в текст автором. Принимая это положение, мы посчитали необходимым для переводчика транспонировать энергию текста оригинала в энергию текста перевода. Мы предположили, что энергия существует за пределами текста, в так называемом затексте, но если текст обладает энергией, задача переводчика — ее распознать и передать читателю.

И, наконец, в-шестых, в фатическом поле формируется культурологический смысл, который символизирует единение культурных смыслов двух контактирующих культур: родной и иностранной. Это единение осуществляется переводчиком благодаря

проникновению переводчика в интертексты двух культур, при этом культура понимается в самом широком смысле: культура этноса, культура страны, культура личности и пр. Мы считаем, что время также культурно окрашено, т.е. для представителей каждой лингвокультуры темпоральные маркеры имеют собственную значимость.

Так в кратком виде выглядят поля переводческого пространства.

1.4. Эксперимент в переводческом пространстве.

Идея эксперимента в переводоведении не нова. Первые эксперименты в отечественной переводоведческой науке относятся к моменту ее возникновения. Между тем, регулярных исследований в этом направлении явно недостаточно. Первые публикации относятся к 60-м гг. XX в. и отражены в «Тетрадях переводчика». Я.Рецкер опубликовал статью «Плагиат или самостоятельный перевод? (Об одной судебной экспертизе)». В статье речь идет о двух переводах романа К.Причарда «Золотые мили», выполненных последовательно С.С.Сперанским и Т.А.Озерской. Судебная экспертиза проводилась в связи с выдвинутым против переводчицы обвинением в том, что она использовала ранее изданный перевод и лишь отредактировала последний. Проведение научной экспертизы потребовало организации переводческого эксперимента, не подтвердившего факт плагиата и доказавшего самостоятельность каждого перевода [Рецкер, 1963].

В современном зарубежном переводоведении наше внимание привлекли статьи французского теоретика Д.Жиля, обосновавшего потребность эксперимента в теории перевода.

Ученый исследовал механизм порождения текста перевода и выявил наличие двух этапов: от идеи к сообщению и от оригинала к переводу. В эксперименте участвовали французские и иностранные студенты, изучающие технический перевод в школе INALKO. На первом этапе, в котором участвует половина испытуемых, студентам представляют идею высказывания либо в графической форме, либо в виде чертежа, либо вербально, но в виде изолированных слов. Испытуемые излагают эту идею письменно вербально в виде связного сообщения на родном языке. На втором этапе, в котором участвуют все испытуемые, студенты переводят это сообщение на иностранный язык. Как показал анализ

экспериментального материала, в процессе вербализации идеи происходит инкорпорирование в сообщение новых информационных элементов, чуждых высказыванию, что имеет самые серьезные последствия при переводе.

С нашей точки зрения, описанный Д.Жилем эксперимент представляет лишь начало и конец пути, т.к. сам механизм этого невидимого движения непосредственно не раскрыт или не представлен в публикации. Мы попытались восстановить этот пробел и ввели в эксперимент третью, основную стадию, которая включает в себя формирование образа-гештальта в переводческом пространстве, что позволяет нам мысленно «взглянуть» в содержимое «черного ящика» переводчика.

Проиллюстрируем наши положения на примере лингвопереводческого анализа текстов оригинала и перевода на русском и французском языках.

Предметом анализа стал фрагмент поэмы Б.Пастернака «Марбург», впервые увидевшей свет в 1916 г., а также два варианта его опубликованных переводов на французский язык.

Чего же я трушу? Ведь я, как грамматику,
Бессонницу знаю. У нас с ней союз.
Зачем же я, словно прихода лунатика,
Явления мыслей привычных боюсь?

Ведь ночи играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу,
Акацией пахнет, и окна распахнуты,
И страсть, как свидетель, седеет в углу.

И тополь — король. Я играю с бессонницей.
И ферзь — соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
Я белое утро в лицо узнаю.

...Pourquoi tremble-je? J'ai partie liée
A l'insomnie, j'en connais la grammaire.
Pourquoi craindrais-je donc comme l'entrée
D'un fou afflux des pensées coutumières ?

Les nuits vonts jouer aux échecs avec moi
Sur le parquet que la lune quadrille.

Par la fenêtre on sent les acacias
Et la passion dans son coin se fait grise.

Le peuplier est Roi. Et je fais face
A l'insomnie. Le rossignol est Tour.
Gagne la nuit, les figures s'éffacent,
A sa blancheur je reconnais le jour.

(traduit par Michel Aucouturier)

...Pourquoi cette crainte? Mieux que la grammaire
Je connais l'insomnie — un pacte nous lie.
Pourquoi ai-je peur des pensées familières
Comme d'un somnambule surgi de son lit ?

La nuit vient jouer aux échecs et me hante
Au parquet ou la lune a tracé son chemin
L'acacis embaume aux fenêtres béantes,
La passion, mon témoin, grisonne dans son coin.

Le peuplier fait le roi. L'insomnie me fait face
Le rossignol fait le fou. Vers lui se tend la main.
La nuit a vaincu, les figures s'éffacent
Et le clair matin au visage m'atteint

(traduit par Jacques Burko).

Сопоставим два текста переводов с текстом оригинала с позиций концепции переводческого пространства.

Поэтический текст «Марбург» входит в сборник «Поверх барьеров». Как писал позднее сам автор, это название периода или творческой манеры поэта, в которой преобладала мгновенная, рисующая движение, живописность.

В анализируемом фрагменте описаны чувства лирического героя в период бессонницы. Как отмечают исследователи творчества Б.Пастернака, именно бессонница всегда была для поэта творческим, благотворным состоянием.

1. Начнем с анализа энергетического поля текста, порождаемого затекстом.

Подчеркнем, что эмотивный смысл энергетического поля обычно менее четко локализован. Вместе с тем, энергетика поэтического текста наиболее эксплицирована, так как сам поэтический текст выступает как результат сопряжения семантического и прагматического начала в тексте. Лирическое стихотворение вызывает сопереживание читателя, его отклик, его собственное ощущение от бессонницы, которое когда-то довелось испытать. В период бессонницы все чувства обострены: и запах акации, и песнь соловья, и знакомые шахматные фигуры — все ново, необычно. Текст Б.Пастернака словно задает читателю некий энергетический импульс, который осознается и воссоздается переводчиками. Каждый из переводчиков рисует свой образ лирического героя, порождая собственные асимметричные элементы, в которых проявляется нечто новое и рождается новый смысл. Так, «белое утро» оригинала становится «jour» (букв. «днем») в переводе М.Окутюрье и «clair matin» (букв. «светлым утром») в переводе Ж.Бурко. Иными словами, в первом случае имеет место асимметрия темпоральных смыслов, во втором случае асимметрия начинается в содержательном поле и завершается в энергетическом поле переводческого пространства.

Ритмическая организация текста порождает различные мелодические рисунки текстов оригинала и переводов. Сравним завершающие строки текстов перевода. Во втором случае переводчику удается создать рифму внутри самой строки (matin — m’atteint), в результате перевод Ж.Бурко становится более поэтичным, более лиричным, а следовательно, гармоничным оригиналу.

2. Переходим к анализу содержательного поля. Изучение содержания основано на выявлении тема-рематической структуры текста оригинала, а также установлении словарных соответствий в текстах переводов.

Обозначим темы текста оригинала: я знаю, я трушу, я играю, я тянусь, лунатик, мысли, со мной, страсть.

Обозначим его ремы: грамматика, бессонница, союз, ночи, шахматы, фигуры, паркетный пол, акация, окна, тополь, соловей, утро.

В тексте перевода М.Окутюрье выделяем следующие темы: *tremble-je, j’ai partie liee, j’en connais, craindrais-je, pensees*

coutumieres, jouer avec moi, je fais face, je reconnais; и ремы *l'insomnie, la grammaire, les nuits, echecs, le parquet, la lune, les acacias, la passion, le peuplier, le rossignol, par la fenêtre, le jour, les figures*.

В тексте перевода Ж.Бурко выделяем следующие темы: *je connais, unpacte nous lie, ai-je peur, des pensees familieres, un somnambule, la nuit me hante, la passion mon temoin, se tend ma main, au visage m'attaint. и ремы: cette crainte, surgit de son lit, la nuit, jouer aux echecs, au parquet, la lune, le chemin, aux fenetres, le p[euplier, le roi, le rossignol, les figures, le clair matin, au visage*.

Как видим, темы и ремы совпадают во всех трех текстах лишь частично, что говорит об асимметрии на уровне содержательного поля. В некоторых случаях мы отмечаем инверсивное расположение темы и ремы, что приводит к искажению смысла. Так, например, в двух текстах переводов есть тема «la lune» («луна»), которая отсутствует в оригинале, автор говорит лишь «на лунном паркетном полу».

3. Следующий этап анализа — обращение к полю автора. С этой целью необходимо изучить творческий и жизненный путь поэта. Из его биографии мы узнаем, что Б.Пастернак приехал в Германию летом 1912 г. Стихотворения, написанные в Марбурге, Пастернак считал началом своей творческой биографии. Именно в это время он написал: «слагаются стихи навзрыд», именно поэтому М.Цветаева называет его поэзию «светопись», утверждая, что от самого Пастернака идут лучи, световые взрывы, световые пиршества. Из Марбурга Пастернак писал родным письма своим бисерным почерком. Поэт восторгается красивейшими местами, пытаясь передать то волнение, которое вызывает в нем вдохновенная природа, вторгающаяся в улицы средневекового города: «…Я учусь в старом Марбурге, в аудиториях с цветными окнами, сижу на скамьях, выбитых в стенах коридора, наваливаюсь всем телом на громадную, обитую железом дверь, которая не стала подвижнее от того, что ее 300 лет отпирают, любуюсь скворцом, свившим гнездо в актовом зале с органом, где рыцари в окнах, похожих на медовые соты и высокие дубовые стулья…» [Пастернак, 2004: 60]. Здесь, в Марбурге, поэту удается залечить свои душевные раны, преодолеть самомучительство предыдущих лет, осознать, какое место занимает искусство среди других занятий.

Изучение поля автора позволяет переводчику почувствовать светлую тональность его лирики, его богатый ассоциациями внутренний мир, его самобытность, свежесть создаваемых им образов.

4. Следующее поле, которое необходимо изучить, — поле переводчика. Как мы уже поясняли, в основе поля переводчика лежит подтекст и формируемый в нем образ-гештальт, который возникает у переводчика как коррелят понимания смысла текста. Индивидуальное восприятие подтекста порождает новую языковую материю и становится источником индивидуально-образного смысла.

Теоретической предпосылкой формирования индивидуально-образного смысла в поле переводчика является идея о принципиальной диалогичности текста: учение М.М.Бахтина о структуре диалогических текстов, исследования московско-тартуской школы Ю.М.Лотмана о диалогической природе восприятия текста. Мысли Ю.М.Лотмана о диалогической природе текста, сознания, культуры, о динамике и генерации смысла, возможного только в процессе диалогического обмена, приобретают особую актуальность, если другим текстом признается текст перевода, а другим сознанием — сознание переводчика как медиатора культур. Диалог «своего» и «чужого» неизбежно порождает новые смыслы, отражающие индивидуальную переводческую картину мира, его когнитивный и эмоциональный опыт, включенный в процесс дешифровки иноязычного и инокультурного текста.

Проанализируем первую строчку «*Что же я трушу?...*». Если в первом случае внутренний диалог автора транспонируется переводчиком «*Pourquoi tremble-je*», то во втором случае «*Pourquoi cette crainte*» он исчезает, обезличивая рассказчика. Образы-гештальты переводчиков совершенно не совпадают, что обусловливает вариативность смыслов в поле переводчика и вариативность самого текста.

5. Обратимся к полю реципиента. Переводчик прогнозирует восприятие читателя, формируя рефлективный смысл. В распоряжении реципиента могут оказаться оба текста перевода, при этом в его сознании возникнут различные системы смыслов. Осмысление различных текстов переводов реципиентом будет означать, что либо автор закодировал разные системы смыслов,

а каждый переводчик сумел транспонировать лишь одну из них, либо переводчики декодировали иные системы смыслов, не соответствующие авторским. В данном случае мы не констатировали нарушения авторской системы смыслов ни в одном из переводов, т.е. переводческой дисгармонии мы не отмечаем. Следовательно, оба переводчика формируют смысл адресата, который в целом можно признать гармоничным. При этом каждый реципиент выбирает свой вариант, основываясь на личных преференциях, ожиданиях, на личном восприятии поэтического творчества Б.Пастернака, на индивидуальном понимании его лирического героя.

6. Наибольший интерес представляет анализ фатического поля в переводческом пространстве и формируемого в нем культурологического смысла. Подчеркнем, что закономерности межкультурного диалога наиболее ярко проявляются в фатическом поле, которое расценивается нами как смысловое пространство двух контактирующих культур: культуры автора и культуры реципиента. Переводчик как медиатор этих культур генерирует в своем сознании все возможные интертекстуальные связи, порождаемые родной культурой, что становится своего рода темой текста перевода, и одновременно он постигает все потенциально существующие интертекстуальные связи иноязычной культуры, что можно сравнить с ремой текста. Именно такая тема-рематическая прогрессия приводит переводчика к порождению гармоничного текста перевода как качественного речевого продукта, в котором смыслы текста перевода соразмерны смыслам текста оригинала, сбалансированы с ними.

Анализ фатического поля потребовал обращения к основным постулатам теории межкультурной коммуникации, когда перед переводчиком как медиатором культур встает задача поиска «созначения» (термин Г.В.Елизаровой), т.е. речь идет о совместно выработанном значении, являющегося результатом восприятия текста через двойную призму двух культур. Как отмечает исследователь, в ходе межкультурного общения через переводчика часто происходит не передача значения, а его создание. С нашей точки зрения, этот процесс есть не что иное, как гармонизация смыслов в фатическом поле переводческого пространства. Переводческое пространство необходимо для того, чтобы раскрыть путь создания гармоничного текста перевода, чтобы обеспечить не только

межъязыковое, но, главным образом, межкультурное взаимодействие смыслов. Ни адекватность, способом достижения которой мы считаем поиск словарных соответствий, ни эквивалентность как результат различных переводческих трансформаций с целью обеспечения межъязыкового тождества текстов не затрагивают сущности смыслообразовательных процессов в фатическом поле. Функционирование фатического поля мы соотносим исключительно с гармоничностью, что будет показано ниже в рамках уровневой модели перевода.

Здесь же поясним, что происходит в фатическом поле. Для анализа используем другой поэтический текст Б.Пастернака и его перевод на французский язык, выполненный А.Абриль. Речь идет о знаменитом стихотворении «Зимняя ночь»:

«*Мело, мело по всей земле*
Во все пределы
Свеча горела на столе
Свеча горела…»
«Le vent, le vent chassait la neige
A l'infini
Sur la table brulait la mèche
D'une bougie...»

Этот перевод мы не можем признать гармоничным, т.к. именно в фатическом поле не произошло контакта двух культур. Тот незабываемый образ, который создал Б. Пастернак, чрезвычайно сложно передать на другом языке. Этот перевод даже нельзя признать адекватным, а адекватность мы считаем первым, необходимым уровнем гармоничности. Во французском языке отсутствует словарное соответствие лексемам «мело», «пределы», переводчик находит лексические аналоги «le vent chassait la neige», «à l'infini», лишенные той магической, поэтической силы, которая звучит в устах поэта и находит отзвук у русскоязычных читателей. Поэтому французскому читателю трудно уловить истинное настроение поэта, понять всю грусть и нежность его тонкой души. Поэтому столь загадочна русская душа писателя для французского читателя, поэтому остается ощущение «другости» при чтении текста перевода. Это не означает, что перевод дисгармоничен, но должной гармонизации смыслов не произошло. Возможно, новое время принесет новые переводы и новое осмысление

творчества великого писателя и поэта. В этом нам видится истинное предназначение переводческого труда и исследований в области перевода.

Итак, мы описали все шесть полей переводческого пространства. Их исследование продолжается. Данная концепция позволяет осуществлять лингвопереводческий анализ художественного текста, предназначенного для письменного перевода.

Кроме того, опираясь на данную концепцию, можно выполнять сопоставительный анализ в области разных лингвокультур, а также на материале текстов, принадлежащих к различным жанрам. Главное — не допустить столкновения культур и непонимания, а стремиться к взаимодействию и взаимообогащению культур, т.е. к пониманию.

Переводческое пространство — это та среда, в которой разворачивается многогранный процесс поиска смыслов и установлении смысловой гармонии.

1.5. Эвристика в переводческом пространстве.

Концепция переводческого пространства подводит нас к новому осмыслению сущности процесса перевода, к формированию нового переводческого мировоззрения, которое мы соотносим с гармонией. Стремление переводчика к гармоничному переводу реализуется в процессе поиска им гармоничного переводческого решения, но поскольку сама процедура поиска решения относится к области эвристики, целесообразно рассматривать переводческую деятельность в аспекте эвристики.

В этом нетрудно убедиться, если обратиться к исследованиям итальянского ученого Л.Сальмон и российского ученого А.Г.Минченкова [Минченков, 2007; Сальмон, 2007]. Л.Сальмон понимает эвристику как эвристическую стратегию, которая рассматривает из всех возможных решений только наиболее обещающие: «Эвристика — это стратегия специфического решения проблемы, которая считается с внешними параметрами» [Сальмон, 2007: 145]. Ученый сравнивает переводческий процесс с редактированием сонета, предусматривающим манипуляции с многочисленными переменными, обусловленными как формально, так и семантически, на основе процедур, которые приводят к неопределенному числу возможных решений, своего рода «недетерминистские алгоритмы».

А.Г.Минченков предлагает когнитивно-эвристическую модель перевода.

В рамках нашей концепции перевод также рассматривается как эвристический процесс, предполагающий исследование переводческого пространства по трем направлениям:

— включение в категорию переводческого пространства категории переводческого времени и темпоральных смыслов (И.Н.Хайдарова);

— обоснование гармонии как равноправной переводческой категории (С.С.Назмутдинова);

— выявление лингвопереводческого статуса категорий симметрии/асимметрии (Н.Г.Гончар);

— обоснование категории переводческого решения как синергетического процесса гармонизации смыслов текстов оригинала и перевода (Л.В.Енбаева).

Исследование категории переводческого пространства привело к осознанию того факта, что качественный перевод ориентирован на согласование смыслов исходного и производного текстов. Если переводчик стремится овладеть многообразием смыслов, порождаемых в переводческом пространстве, он сможет достичь качественного перевода. Но что является критерием качественного перевода текста?

Вероятно, смыслы текста оригинала должны быть транспонированы таким образом, чтобы они максимально соответствовали смыслам текста перевода, они должны быть им соразмерны, созвучны, равновесны, согласованы, т.е. гармоничны. Так мы пришли к выводу, что в переводческом пространстве происходит гармонизация смыслов, в результате чего текст перевода становится гармоничным тексту оригинала, что позволяет ему стать достоянием другого языка и другой культуры.

При описании полей переводческого пространства мы анализируем его эксплицитные и имплицитные смыслы, а сам процесс перевода расцениваем как операцию над смыслами. Подчеркнем, что смысл содержательного поля является эксплицитным, занимая тем самым промежуточное положение между содержанием и собственно смыслом, что придает ему инвариантный характер. Все остальные смыслы имплицитны, следовательно, вариативны. Они порождаются либо предтекстом (смыслы поля автора), либо

подтекстом (смыслы поля переводчика), либо контекстом (смыслы поля реципиента), либо затекстом (смыслы энергетического поля), либо интертекстом (смыслы фатического поля).

Соответственно дисгармония возникает в том случае, если в переводческом пространстве происходит столкновение смыслов, что является результатом непонимания и искажения смысла. Если же переводчику удается добиться взаимодействия смыслов, возникающего в результате понимания им имплицитных смыслов с последующей синергией в виде интегрального смысла текста, своего рода суперсмысла, можно говорить о переводческой семантической гармонии.

Итак, понимая перевод как межъязыковой и межкультурный процесс транспонирования смысла текста, мы расцениваем категорию смысла в качестве универсальной категории, где слиты воедино тексты, языки, культуры. Смысл является ключевым понятием переводческого пространства. В континууме переводческого пространства происходит своего рода «жизнь» смысла: его понимание и извлечение, инкорпорирование и транспонирование, дифференциация и интеграция, анализ и синтез и, наконец, синергия, что приводит к порождению гармоничного текста перевода.

Мы понимаем гармонию не только как переводческую категорию, но, главным образом, как мировоззрение переводчика. Развертывание переводческого пространства в сознании переводчика с целью создания гармоничного текста перевода означает новое переводческое видение. Система взглядов, убеждений, намерений переводчика подчинена идее гармонизации смыслов в переводческом пространстве. Более того, гармония является такой переводческой категорией, которая расценивается как высшая степень качественного перевода. Выдвинув идею гармонии в переводческом пространстве, мы не отрицаем традиционные категории адекватности и эквивалентности. Мы рассматриваем их как необходимые этапы в деятельности переводчика, как такие целевые установки, которые правомерны в определенных ситуациях переводческой коммуникации. Но при этом мы считаем, что адекватность и эквивалентность обладают ограниченными возможностями, в то время как гармония безгранична, а в некоторых случаях она даже недостижима, представляя собой некий идеал,

к которому стремится думающий переводчик-творец, ищущий переводчик-исследователь.

Выдвинув категорию гармонии на высшую ступень оценки качества перевода, где промежуточные ступени занимают соответственно адекватность и эквивалентность, мы полагаем, что на противоположном полюсе, в случае допущения переводчиком ошибки или несоответствия, можно говорить о категории дисгармонии. Так выстраивается система оценки качества письменного перевода.

Приведем пример гармоничного перевода.

В русско-французском словаре библеизмов читаем: «Евина внучка», в переводе на французский язык выражение имеет следующий вид: «Fille d'Eve», означающее «Евина дочь». В том и в другом случае речь идет о любопытной женщине, но в каждой культуре этот образ соотносится с разными типами, поколениями, возрастом женщин, т.е. если для русской культуры речь идет о внучке, то для французской культуры — о дочери. Именно такой вариант является приемлемым для каждой культуры, что с позиций теории гармонизации можно признать гармоничным.

Переходим к переводческому времени.

Изучая пространство как текстообразующую и смыслообразующую категорию, мы пришли к заключению, что пространство и время настолько взаимообусловлены в онтологии науки, что исследование одного пространства не может раскрыть полную картину явления. Кроме того, разыскания в области межкультурных коммуникаций американского культурантрополога Э. Холла, автора так называемой культурной грамматики, показали значимость категории восприятия времени и пространства представителями разных лингвокультур. Ученый ввел понятие монохронных и полихронных культур, что особенно важно при изучении переводческой коммуникации, т.к. русская культура принадлежит к полихронным, а западноевропейские культуры — к монохронным. Таким образом, время эмоционально и культурно окрашено, что является достаточным основанием для вычленения переводческого времени.

Итак, в переводческом пространстве формируется переводческое время, обозначающее, что категоризация времени в сознании разных субъектов переводческой коммуникации неидентична.

Каждый из них имеет собственную языковую картину мира, что создает различную культурную обусловленность времени, его различную ценность.

Для иллюстрации данного положения приведем пример. В романе М.А.Булгакова читаем фразу: «Было два часа ночи». Французский переводчик избирает следующий вариант перевода: «Il était deux heures du matin», т.е. переводит лексему «ночь» как «утро» (matin), хотя во французском языке есть слово «nuit» («ночь»). Именно такой перевод мы признаем гармоничным, т.к. он согласуется с французской лингвокультурой.

Совокупное рассмотрение переводческого пространства и переводческого времени мы определили как переводческий хронотоп.

Изучение переводческого хронотопа потребовало уточнения понятия темпоральности. Мы понимаем темпоральность как лингвопереводческую категорию, предназначенную для гармонизации смыслов текста, отражающую временную доминанту высказывания, а также расхождения субъектов переводческой коммуникации в их временном мировосприятии и в соответствии с национальной принадлежностью к монохронным или полихронным культурам. Темпоральность является единицей постижения переводческого времени в переводческом пространстве.

Подчеркнем, что переводческое время мы не идентифицируем с грамматическим временем, которое также не имеет однозначных соответствий в языках. Переводческое время — комплексное явление, которое имеет косвенное отношение к грамматическому времени, но его семантическое поле гораздо шире, так как речь идет не о поверхностных лексико-грамматических реализациях времени, а о глубинных процессах, «распаковка смыслов» которых осуществляется переводчиком в результате анализа всех полей переводческого пространства.

Мы ассоциируем переводческое время преимущественно с фатическим полем переводческого пространства, осознавая влияние лингвокультур на процесс и результат перевода.

Важнейшим постулатом теории гармонизации является системность процесса перевода. Переводческое пространство является синергетической системой, в которой происходит взаимодействие всех смысловых полей, а синергия смыслов приводит к порождению гармоничного текста перевода.

На чем основывается системность перевода, кроме переводческого пространства? Мы выдвинули предположение, что в основе системности процесса перевода — симметрично-асимметричные отношения между текстами оригинала и перевода. Иными словами, если гармония есть цель перевода, то симметрия-асимметрия — его сущность.

Действительно, всеобщий закон диалектики о единстве и взаимоисключении противоположностей, о тождестве и различии становится логической основой для понимания сущности симметрии-асимметрии в общенаучном смысле.

В лингвистике Ф. де Соссюр, Ш.Балли, С.Карцевский, В.Г.Гак установили важнейшую закономерность языкового знака, детерминирующую его эволюцию — его асимметричный характер.

Вслед за ними специалисты в области семиотики и межкультурной коммуникации пришли к выводу о существовании межъязыковой и межкультурной асимметрии. Ю.М.Лотман пишет, что «структура семиосферы асимметрична» [Лотман, 2004].

Исследуя переводческое пространство как систему транспонирования смыслов, характеризующуюся отсутствием единообразия в строении и функционировании текстов, принадлежащих разным языкам и культурам, мы предположили, что сама эта система асимметрична по своей сути, но при этом отдельные ее элементы могут быть симметричны.

Но значение категории асимметрии не ограничивается данным положением. Ее лингвопереводческая значимость гораздо глубже. В этом мы убедимся, если попытаемся соотнести цель процесса перевода — семантическую гармонию и его суть — семантическую асимметрию. На основании изученного материала мы пришли к выводу, что асимметрия смыслов в переводческом пространстве имеет двоякую природу: она приводит как к переводческой гармонии, так и к переводческим ошибкам.

Так мы подходим к принципиальным выводам теории гармонизации, которые можно представить в виде следующих переводческих стратегий:

а) симметричные отношения между текстами оригинала и перевода — адекватный перевод — словарные соответствия;

б) симметрично-асимметричные отношения — эквивалентный перевод — межъязыковые переводческие трансформации (в том числе, словарные соответствия);

в) асимметричные отношения;

г) дисгармоничный перевод, переводческие ошибки и несоответствия;

д) гармоничный перевод, межкультурные переводческие преобразования (в том числе словарные соответствия и межъязыковые переводческие трансформации).

Как явствует из концепции переводческого пространства и теории гармонизации перевода, деятельность переводчика письменных текстов не носит последовательный линейный характер. Это значит, что мы не переводим слово одно за другим, подбирая его однозначное словарное соответствие. Таких случаев чрезвычайно мало. Деятельность подобного рода может привести к появлению текста-абсурда, примером чего является перевод текстов с помощью компьютерных словарей. Вполне возможно, наступит время, когда компьютерный перевод не будет уступать переводу, выполненному «вручную». Но в настоящее время нам необходимо сосредоточиться на процессе перевода, в котором субъектом деятельности выступает думающая личность, обладающая определенной системой взглядов, ценностей, знаний, умений, компетенций, наделенная эмоциями и чувствами, ограниченная во времени и в пространстве.

Разрабатывая синергетическую модель перевода, мы пришли к выводу, что деятельность переводчика совершается скачкообразно, динамично, сочетая в себе аналитико-синтетическую и наглядно-образную деятельность, неотъемлемым компонентом которых выступает эвристика.

Выводы.

1. Аналитико-синтетическую деятельность переводчика мы ассоциируем с формированием особого переводческого мировоззрения, представленного особой переводческой картиной мира.

2. Переводческое пространство — синергетическая модель перевода, отражающая новую философию перевода, которая не ограничивается ни поиском закономерных или контекстно обусловленных соответствий между словами оригинала и перевода, ни поиском смысловых эквивалентов между исходным и производным

текстами или дискурсами, но ориентирована на установление лингвокогнитивной лингвокоммуникативной, лингвокультурологической гармонии.

3. Гармоничный перевод достигается в результате осмысления переводческого пространства, обусловленного взаимодействием осознаваемых и неосознаваемых интуитивных и когнитивных, эвристических и логических, эмотивных и рациональных, резистивных и адаптивных, вариативных и инвариантных, темпоральных и пространственных, природосообразных и культуросообразных компонентов, которые приводят к порождению уникального текста/дискурса перевода, естественным образом вписывающегося в принимающую культуру и обогащающего ее.

4. Переводческое пространство — это и модель перевода, и стратегия межкультурного и межъязыкового взаимодействия, и тот интеллектуальный инструмент, который поможет переводчику как медиатору культур объединять этносы и личности, воспринимать коллективное и индивидуальное сознание, порождать языковое и культурное сообщество, в котором своеобразие каждого становится условием его развития и совершенствования.

5. Переводческое пространство — это авторское видение особенностей процесса перевода, скрытого от непосредственного наблюдения. Другие видения в их совокупности позволят выявить глубинные закономерности, что приведет к построению интегративной теории перевода.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
3. Гончар Н.Г. Асимметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурный аспект: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2009.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
5. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб., 2004.

6. Енбаева Л.В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2009.

7. Кушнина Л.В., Беляева И.В. Соотношение компонентов дихотомии осозначаемое/неосознаваемое в процессе перевода // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. тр. Пермь, 2009. С. 293—301.

8. Кушнина Л.В. Основные принципы синергетики перевода // Вестн. Удмуртского ун-та. История и филология. Ижевск, 2011. Вып. 4. С. 173—177.

9. Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь, 2009.

10. Лотман Ю.М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2004.

11. Минченков А.Г. Когниция и эвристика в переводческой деятельности. М., 2007.

12. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

13. Мышкина Н.Л. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход: Дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 1999.

14. Найда Юдж. А. К науке переводить. Принципы соответствий / Пер. с англ. // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 114—123.

15. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.

16. Назмутдинова С.С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2008.

17. Пастернак Б.Л. Стихотворения / Сост. Е.Б.Пастернак. М., 1989 (двуязычное издание).

18. Рецкер Я.И. Плагиат или самостоятельный перевод? (об одной судебной экспертизе) // Тетради переводчика / Под ред. Л.С.Бархударова. М., 1963. С. 42—64.

19. Сальмон Л. Теория перевода. История. Наук. Профессия. СПб.; Астана, 2007.

20. Сахадзе С.Г., Хальтбруннер В.И. Краткий русско-французский словарь библеизмов. М., 2007.

21. Хайдарова И.Н. Исследование категории переводческого времени в сопоставительном аспекте (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2008.

22. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: Учеб. пособие. М., 2006.

23. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.

24. Lederer M. La traduction aujourd'hui. Le modèle interprétative. P., 1994.

Глава 2

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПЕРЕВОДЕ ГЕНДЕРООБРАЗУЮЩИХ ЕДИНИЦ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

С.А.Зыкова

Проблема определения единицы перевода в настоящее время является одной из центральных и наиболее дискуссионных в переводоведении. Существует целый ряд подходов к ее решению. Вопрос о выделении такой категории, как «единица перевода», которая может быть сведена к элементарному неразложимому элементу оригинального текста, обладать определенной самостоятельностью и регулярностью, обсуждается во многих современных работах по теории перевода. Так, А.Ф.Ширяев предлагает ввести такую категорию, как «единица ориентирования», которая способствует нахождению смыслового решения в переводе [Ширяев, 1979]. Л.С.Бархударов под минимальной единицей, подлежащей переводу, понимает «такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют таковых соответствий» [Бархударов 2008]. Согласно автору, единицей перевода во многих случаях может служить фрагмент исходного текста, протяженность которого может быть различной. Конечной задачей, однако, остается нахождение максимально естественных лексических сочетаний в языке-реципиенте при условии, что эти сочетания не дают основы для порождения новых смыслов или ассоциаций.

Определение единицы перевода и, как следствие, степени переводимости, равно как и достижение адекватности в переводческом процессе, зависит в первую очередь от типа переводимого текста. Однако доминирующим при переводе речевого высказывания, согласно исследованиям последнего десятилетия в области перевода, является культурный фактор. Так, интерпретация текста художественного произведения осуществляется только с учетом личности автора и реципиента (Ю.М.Лотман, З.Я.Тураева, В.А.Кухаренко, Н.А.Хрусталева и др.). В этом случае те или иные

особенности художественного текста выявляются на основе лексико-семантического анализа тех языковых единиц, при помощи которых автор художественного текста «выводит» некий интегрированный фрагмент реального мира из области своего сознания. За единицами языка, которыми пользуется автор художественного произведения, стоят концепты, фреймовые образы — ментальные образования, являющиеся результатом вербально-культурной переработки реального мира носителями определенного языкового коллектива. Концепты служат ключом к пониманию не только данной культуры, но и к интерпретации отдельного художественного творения, а значит, являются ориентирами текстового пространства для переводчика.

В этом отношении проблема осуществления адекватной передачи гендерных образов произведения, т.е. проблема правильного выбора языковых средств в процессе перевода лексических единиц, в основе смыслового содержания которых заключена прямая или косвенная референция к мужскому или женскому полу, представляется актуальной.

Рассмотрение данной проблемы требует обращения к понятию гендера как конструкта, с одной стороны, хранящего традиционно закрепленные в культуре представления об образах «мужского» и «женского», и с другой — отражающего культурные изменения и тенденции по отношению к их современному пониманию и восприятию, представленные в концептуальных содержаниях лексических единиц, их вербализующих [Зыкова, 2006: 67]. Гендерный аспект в таком ракурсе предстает в виде многоуровневого переводческого концепта, который необходимо учитывать для создания эквивалентного по содержанию и равного по ценности литературного произведения на языке перевода [Кирилина, 2001].

Факт наличия в языковых системах андроцентричности был доказан в целом ряде работ по гендерной проблематике на примере почти всех массово изучаемых языков (английский, испанский, немецкий и ряд других) и вполне может быть признан универсальным в современной лингвистической науке. Однако степень проявления андроцентричности может быть различной и зависит, как правило, от особенностей самого языка и культурно обусловленных стереотипов нации, говорящей на нем. Несоответствия в фемининно-маскулинных характеристиках разных лингвокультур

неизменно приводят к определенным трудностям и противоречиям в процессе поиска оптимальных переводческих решений и требуют учета не только внутриязыковых закономерностей, но и особенностей так называемого «кросс-идеологического переноса» [Nissen, 2002]. Переводческая задача в таком ключе состоит не только в поиске соответствующей лексической единицы, маркирующей тот или иной гендерный образ в языке, но и в максимально корректной передаче концептуального содержания, стоящего за этим образом. Такая задача подразумевает целый ряд дополнительных параметров, как то: исторический контекст, общественные изменения, коннотации категории рода, гендерные стереотипы и социальный статус референта, наконец, так называемая семантическая плотность рассматриваемой концептуальной области. Для успешного перевода необходимым представляется как анализ внутренней формы, так и семантический, контекстуальный и другие виды анализа, позволяющие реконструировать стоящие за переводимыми языковыми единицами концепты «мужественности» и «женственности». Кроме этого, нельзя снимать со счетов и того, кто решает эту задачу, — самого переводчика. Так, развивая теорию языковой личности, представители современной школы отечественного переводоведения все чаще ставят вопрос о необходимости учета индивидуальных знаний, личностных качеств и профессионального опыта переводчика, его способности синтезировать в языковом сознании информацию, принадлежащую другой культуре [Бушев, 2010: 4]. В нашем случае, следует добавить также значимость половой принадлежности переводчика в контексте его работы с текстом, изначально заданная структура которого может быть определена как «мужская» или как «женская», а значит, обусловливающая определенные параметры его восприятия в рамках категории гендера. Таким образом, как исходный, так и переводной тексты с учетом гендерного аспекта содержат и дают поле для исследования гораздо большего, чем может показаться на первый взгляд, объема информации.

Андроцентричность испаноязычной культуры традиционно считается одной из доминантных черт в ее восприятии как таковой, давая основу таким культурным маркерам, как, например, *тавромахия* или *мачизм*. Подтверждением тому послужили результаты проведенного нами раннее сопоставительного исследования

концептуальных основ русского концепта «мужественность» и схожего с ним в испаноязычной культуре — «hombría», позволяющие сделать вывод о неравнозначности ценностных компонентов их составляющих. Несмотря на ряд общих концептуальных признаков, испанская лингвокультура характеризуется наибольшей семантической плотностью, наибольшей яркостью лексического выражения концепта в этих признаках, что демонстрирует его доминантную значимость для данной общности языковых носителей. Кроме того, в каждом из признаков концепт характеризуется здесь наличием так называемых «национальных смыслов», лексических единиц, содержащих в своем значении культурно маркированные коды, обусловливающие неоднозначность и сложность их восприятия другими культурами. Наиболее яркими в этом ряду являются понятия, обозначаемые как *vigor, violencia, machismo, honor (honra)*, *torero* и другие [Зыкова 2009: 186]. Так, например, лексема *vigor* не имеет точных эквивалентов в русском языке и при переводе аккумулирует такие значения, как «жизненная сила», «сексуальная потенция», «мужская энергия», «активность», «напористость», «амбициозность», «целеустремленность». Сочетание силы и энергии воплощено в значении испанской лексической единицы *violencia.* Здесь — чуждый для русской культуры культ маскулинности, самцовости, физической силы и агрессивности. Как отмечает Н.М.Фирсова, данной лексической единице присуща некая семантическая диффузность, и в ряде контекстов (*un régimen de violencia*; *violencia domestica; violencia de género*) ее значение может варьироваться: от «горячность», «вспыльчивость», «применение силы» до «акт агрессии», «нападение», «жестокость» [Фирсова, 2007: 52].

Номинативная плотность гендерного концепта hombría, будучи свойственной испаноязычной культуре, зачастую не находит адекватного выражения у сходных концептов в других лингвокультурах, в частности, русской.

Если обратиться к лексическим единицам, номинирующим мужчину в испанском и русском языках, их история и, как следствие, коннотативный потенциал будут несопоставимы. Русская словоформа «мужчина», являясь лишь производной от менее функциональной формы в современном языке «муж», несравнима по объему значения с испанской лексической единицей *hombre*.

Называя «мужчину» и «человека вообще» одновременно, данная лексема в испанском языке дает основу ряду не просто положительных, но и возвышенных коннотаций. Так, русское «настоящий мужчина» распадается в испанском варианте, благодаря семантической гибкости *hombre*, на несколько оттенков данного признака, позволяя измерить, показать наличие или отсутствие необходимых качеств в мужчине: *muy hombre* (досл. «очень мужчина»); *todo un hombre* (досл. «весь, целиком мужчина»); *hombre hecho y derecho* (так сказать «мужчина, сделанный по всем правилам»); *mucho hombre* (досл. «много мужчины»); *poco hombre* (досл. «мало мужчины») и *hombre para poco* (досл. «мало для чего мужчина»). При охвате нескольких вариантов испанского языка огромным также представляется весь синонимический ряд фразеосочетаний с данной лексемой, несущих вышеуказанное значение: *hombre de pelea, hombre de pecho, hombre de manos, hombre de puños, hombre de calzones, hombre de corazón, hombre de ñeque, hombre de entraña y hígado, hombre complete, hombre de barba* и проч. Те из них, которые положительно коннотатированы, в русском находят эквиваленты, соответствующие стереотипно идеальным качествам, приписываемым мужчине: «умелый», «ловкий», «с характером», «смелый», «решительный», «твердый». Отрицательные же апеллируют к человеку с тем или иным недостатком мужских качеств и интерпретируются в русском, как «трус», «малодушный», «заячья душа». Таким образом, сочетаемостные возможности испанской лексемы несомненно шире, и в русском переводе, как правило, необходимо более полное и насыщенное словесное оформление для передачи нужного значения во всей его полноте:

Hijo, tienes ya catorce años y debes aprender un oficio, ser un hombre de provecho. No es por lo que puedas ganar, pero debes hacerte un porvenir. — «*Сынок*, тебе уже четырнадцать лет, ты должен *получить профессию*, научиться *настоящему делу*. Не ради тех грошей, что ты сейчас будешь получать, но надо позаботиться о твоем будущем» (*A. Gil. Tú no lo entiendes*. — пер. Левинтова, Фольф).

El tío Lucas era todo un hombre: un hombre como el de Shakespeare, de pocos e indivisibles sentimientos; incapaz de dudas; que creía o moría; que amaba o mataba... (…дядюшка Лукас был

настоящим мужчиной: подобно шекспировским героям, он умел скрывать свои чувства, был неспособен сомневаться; он верил или умирал, любил или убивал…) *(P.A. de Alarcón. El sombrero de tres picos* — пер. Левинтова, Фольф*)*.

В первом примере понадобилась замена на уровне фразы, за недостаточностью значения схожего сочетания в русском языке. Во втором фрагменте художественного текста перевод представляется более точным по степени эквивалентности, однако, принимая во внимание вышеперечисленные синонимические возможности испанского языка в передаче значения «настоящий мужчина», можно предположить, что некоторая часть значения все же теряется в переводе.

В следующих примерах, наоборот, уход переводчика от каких бы то ни было трансформаций делает перевод несколько искусственным из-за размытости или даже некоторой нескладности найденных русских эквивалентов:

Sus catorce años le daban un prestigio de hombre corrido que todos respetábamos. — «Ему было четырнадцать лет, что придавало ему в наших глазах престиж *многоопытного мужчины* и вызывало у всех нас почтение». — *(O.Castro. La vida simplemente.* — пер. Садиков, Нарумов*)*.

Era un hombre ya, tenía más de veintiún años y, francamente, eso de que yo fuese menos que otros, menos que cualquier bárbaro que a los nueve meses justos de haberse casado, o antes, tiene su primer hijo... a esto no me resignaba. — «Я уже был вполне мужчиной, мне минул двадцать один год, и, честно говоря, с мыслью, что я хуже других, хуже любого идиота, который ровно через девять месяцев после женитьбы или раньше получает своего первенца». — (*M. de Unamuno. Niebla.* — пер. А.Грибанова).

Упомянутая выше номинативная плотность гендерного концепта в испаноязычной культуре проявляется, прежде всего, во множественности образов мужской ипостаси, маркируемых языком как *hombre*, *varón, caballero, macho, mozo, torero, chico* и др. И здесь необходимо отметить, что, несмотря на морфологическую способность испанского языка к образованию гендерных пар (hijo — hija, niño — niña, tío — tía и т.д.), в нем существует явная дискриминация в отношении лексем, представляющих женский синонимический ряд. Так, лексема *mujer* составляет

гендерную пару одновременно и слову *hombre* (мужчина), и слову *marido* (муж). Но, с другой стороны, нейтрально-возвышенная лексема *varón*, не просто называющая мужчину в испанском языке, но делающая акцент на его маскулинности, подчеркивающая принадлежность к так называемому «привилегированному» классу, вообще не имеет эквивалентной гендерной пары, кроме уничижительного *hembra* (в дословном переводе — «самка»), в референции к ребенку женского пола: *Ni me turban el sueño llantos de niño, ni tenía que preocuparme de si será varón o hembra y qué he de hacer de él o de ella...* — «Мой сон не тревожит детский плач, мне не нужно беспокоиться, будет ли у нас мальчик или девочка и кого я сделаю из него или из нее…» (*M. de Unamuno. Niebla.* — пер. А.Грибанова).

Необходимо отметить, что лексические вариации в маскулинном ряду делают акцент на тех или иных положительных качествах или социальном статусе референта: *caballero* — «рыцарь, дворянин, господин, джентельмен»; *macho* — «крепкий, сильный, настоящий мужчина, орел и проч.»; *varón* — «лицо мужского пола, почтенный, уважаемый человек, муж»; у женщин же превалируют больше чисто биологические характеристики: *hembra* — «самка, особь женского пола»; *moza* — «статная, рослая девушка, девица, бабенка», в то время, как парная лексема *mozo* в отношении молодого мужчины используется нейтрально; señorita — обращение к незамужней, молодой девушке, señorito — малоупотребимо и только в значении «барин», как обращение слуги к хозяину. Таким образом, даже существительные, образующие гендерные пары, в испанском языке зачастую неэквивалентны в объеме своих значений. Так, гендерная пара лексеме *caballero* — *dama* реже используется в схожей референции к женщине и в современном использовании имеет ряд дополнительных значений, как то: «возлюбленная, любовница, сожительница».

Таким образом, в поисках нужного соответствия в русскоязычном тексте переводчик сталкивается, прежде всего, с двумя типами трудностей: недостаточностью семантического выражения и отсутствием, в большинстве случаев, подобной асимметрии в русской лингвокультуре. Так, в переводе отрывка из размышления главного героя в произведении Мигеля де Унамуно, где он озадачивается по поводу того, как будет звучать фамилия его

детей, если они будут мужского пола, переводчик для передачи нужного смысла лексемы *varón* использует развернутое фразовое сочетание «отпрыск мужского пола», тем самым сохраняя важные составляющие в значении испанской лексемы: *Pero, y nuestros hijos varones, ¿habrán de llevar por segundo apellido el de Dominga?* — «Ну, а как же наши *отпрыски мужского пол*а, им придется носить вторую фамилию Доминг*а*?» (*M. de Unamuno. Niebla* — пер. А.Грибанова).

В ряде случаев переводчик, пытаясь адаптировать соответствующее описание к стереотипам своей лингвокультуры, намеренно опускает некоторые семантические составляющие:

En esto pasó por la calle no un perro, sino una garrida moza, y tras de sus ojos se fue, como imantado y sin darse de ello cuenta, Augusto. — «В эту минуту по улице прошла не собака, а изящно одетая девушка, и за нею, притягиваемый ее глазами, как магнитом, пошел безотчетно Аугусто» (*M. de Unamuno. Niebla* — пер. А.Грибанова).

В данном отрывке наше внимание привлекла фраза «moza garrida». Лексическая единица *moza*, как отмечалось ранее, в различных сочетаниях апеллирует прежде всего к физиологическим характеристикам женского образа (*buena moza* — рослая (статная) девушка, *moza viva* — бабенка, *moza casadera* — девушка на выданье, *moza de cabello* — девственница), зачастую относится к разряду достаточно фамильярной или даже сниженной лексики и используется, как правило, в референции к девушке из небогатого сословия (*moza de cámara* — горничная, содержанка, *moza de fortuna* — проститутка), возможен контекст достаточно грубого выражения одобрения, симпатии в отношении внешности женщины. Прилагательное *garrido* используется чаще в испанском языке как референция к мужчине в значении «видный, статный, молодцеватый» и, будучи употребленной в таком контексте, согласно тенденции, существующей в испанском языке, обозначает высшую степень одобрения женской внешности. Переводчиком же здесь выбирается достаточно нейтральное сочетание в русском языке, а выбор характеристики «изящно одетая» апеллирует к несколько иному женскому образу. Смягчая, таким образом, оригинальное значение, переводчик создает при этом эстетически более скорректированный образ.

Некоторые лексические единицы, номинирующие мужчину или женщину в испанском языке, содержат ряд дополнительных культурно обусловленных коннотаций. Так, например, лексема *hombre*, помимо вышеупомянутых значений, существует также как гендерно нейтральная единица и при употреблении несет значение хорошего расположения, одобрения в отношении собеседника либо просто эмоциональной реакции на реплику представителя любого пола: *¡Qué va, hombre! ¡hombre, claro que me enfado!*

Другим примером служат варианты словоупотребления лексических единиц, называющих родственные связи в испанском языке (*hijo* — сын, *hija* — дочь; *tío* — дядя, *tía* — тетя). Крепкие семейные связи представляют собой одну из наивысших ценностей испанского общества, поэтому неслучайно, например, лексема *hijo (hija)*, при использовании ее в неформальном обращении, может выражать высокую степень заботы и нежности, как в нижеследующем примере из произведения Ф.Г.Лорки:

"¡Bah!; comprar, hija, comprarlo todo. Si yo hubiera tenido hijos hubiera comprado todo este montehasta la parte del arroyo"(F.G. Lorca. Bodas de sangre).

В русском языке схожими коннотациями обладают лексемы «дочка» и «сынок», которые могли бы быть использованы в переводе такого контекстуального содержания. Однако нас заинтересовала англоязычная версия перевода данного отрывка, где эквивалентность нарушается в силу отсутствия здесь подобных коннотаций у выбираемой переводчиком единицы:

No, woman! Buy! Buy everything! If I had sons, I'd have bought the whole of this hill, right up to the stream (пер. Gwyn Edwards).

Более того, лексема *woman* в таком контексте выражает в английском языке вполне определенный тип межличностных отношений, когда мужчина явно указывает на свое доминантное превосходство или большую осведомленность.

Нельзя не отметить, что гендерообусловленные аспекты перевода связаны прежде всего с особенностями корреляции маркеров категории рода в языковых системах. По определению род как в русском, так и в испанском языках выступает лишь формальным показателем грамматической категории, лишенным какой-либо семантической референции. Как отмечает В.В.Потапов, грамматическая категория не является, вопреки мнению некоторых

исследователей, отражением экстралингвистической оппозиции по естественному полу [Потапов, 1999: 296]. Однако степень выраженности, представленности данной категории в разных языковых системах может быть различной. В связи с этим в процессе перевода на те языки, где категория рода является скрытой, зачастую непросто произвести соответствующие морфологические или фразовые трансформации для корректной передачи соответствующей семантической характеристики, когда она соотносится с половой принадлежностью.

Русская и испаноязычная лингвокультуры в этом отношении скорее схожи и противостоят ряду других, таких как, например, англоязычная лингвокультура, где эта категория является слабовыраженной.

Так, в первой строчке отрывка стихотворения мексиканской писательницы Росарио Кастельянос использование грамматической формы первого лица *hago* («Я делаю») делает пол героя произведения скрытым от читателя, тогда как во второй строке все двузначности исчезают благодаря наличию в составе предикативной конструкции причастия, маркируемого окончанием женского рода в испанском варианте:

¿qué diablos hago aquí en la Ciudad Lux,
*presumiendo de cult**a** y de viajad**a***
sino aplazar la ejecución de una
sentencia que ha caído sobre mí?
(Ningueno. Rosario Castellanos)

Англоязычная версия стихотворения иллюстрирует то, как в языке со слабовыраженной категорией рода приходится прибегать к усложнению и иногда даже нагромождению фразы с использованием различных вариантов замены с целью донесения до читателя нужной информации, связанной с полом героя произведения:

What the devil am I doing here in the City of Lights
*putting on the airs of a cultured and well-traveled **woman***
but simply postponing the execution of a
sentence that has been pronounced upon me?
(Перевод: Magda Bagin).

При переводе же с английского на испанский и русский языки можно, в связи с этим, добиться противоположного эффекта. Так, в испано- и русскоязычных переводах сонетов В.Шекспира невольное использование родовых окончаний служит конкретизации гендерной идентичности адресата и одновременно разрушает некую мистическую ауру недосказанности, присутствующую в тексте оригинала:

Текст оригинала	Испанский перевод	Русский перевод
To me, ***fair friend***, you never can be ***old*** For as you were when first your eye I eyed Such seems your beauty still… (W.Shakespeare. Sonnet 104)	Para mis ojos nunca serás ***vieja***, Pues tan ***bella*** hoy pareces cual te vieron Por la primera vez (Soneto 104 — пер. S.Madariaga)	Ты для меня, мой друг, не можешь быть ***стара:*** ***Какою*** в первый раз ***явилась*** ты для взора… (Сонет 104 — пер. Н.Гербеля)

В каждом языке, где категория рода является функциональной, существует своя система морфологических особенностей и маркеров, ее идентифицирующих. При переводе с одного языка на другой такие маркеры заменяются на другие, принадлежащие языковой системе языка перевода, однако не во всех случаях такая замена возможна. В частности, не поддаются трансформации, например, имена собственные. В приводимом ниже отрывке из произведения Мигеля де Унамуно герой негодует по поводу того, что женщина носит фамилию с мужским окончанием *Domingo* и, позже, что его воображаемым будущим детям когда то придется носить женскую фамилию *Dominga*. Переводчик калькирует оригинальное написание фамилий в русском варианте, не давая при этом комментариев относительно используемых окончаний, что, на наш взгляд, следовало бы сделать в этом случае:

¡Veamos! Eugenia Domingo, sí, Domingo, del Arco. ¿Domingo? No me acostumbro a eso de que se llame Domingo... No; he de hacerle cambiar el apellido y que se llame Dominga. Pero, y nuestros hijos varones, ¿habrán de llevar por segundo apellido el de Dominga? Y como han de suprimir el mío, este impertinente Pérez, dejándolo en una P., ¿se ha de llamar nuestro primogénito Augusto P.Dominga? — «Посмотрим! Эухения Доминго, да, Доминго дель Арко. Доминго? Никак не привыкну, что она зовется Доминго…

Нет, придется заставить ее переменить фамилию, пусть зовется Доминга. Ну, а как же наши отпрыски мужского пола, им придется носить вторую фамилию Доминга? Моя-то противная фамилия Перес уберется, сократится до одного П., и, значит, нашему первенцу придется отзываться на имя Аугусто П.Доминга?» (*M. de Unamuno. Niebla* — пер. А.Грибанова).

Категория рода, по мнению ряда исследователей, в разных языках, и в частности в испанском, наделена яркой экспрессивностью и таит в себе богатые стилистические потенции [Фирсова, 2002: 71]. Как отмечает В.В.Виноградов, «смысловые отношения, потенциально заложенные в формах грамматического рода, ярко выступают при образном употреблении слова» [Виноградов, 1972: 60]. В связи с этим грамматическая категория рода часто используется в качестве средства метафорической персонификации. Для создания аллегорических образов, соотносимых с женским или мужским полом, привлекаются, как правило, имена существительные, обозначающие понятия, единственные в своем роде или относящиеся к явлениям природы, растительному или животному миру. При метафорическом употреблении имеет место соответствие грамматического рода названия предмета мужскому или женскому образу [Фирсова, 2002: 294]. Для испанской художественной речи традиционной, например, является персонификация понятий «деньги» (*el dinero*), «солнце» (*el sol*), «море» (*el mar*) с идеей маскулинности, а «смерть» (*la muerte*), «судьба» (*la fortuna*), «земля» (*la tierra*), «луна» (*la luna*) — с идеей фемининности. При переводе таких словоформ на другие языки переводчик действует в рамках морфологических, семантических и стилистических категорий одновременно с целью сохранения заложенной в оригинале образной структуры и красоты художественного замысла. В этом отношении, несомненно, наиболее адекватными для передачи являются образы, маркируемые в двух языках одинаковой родовой принадлежностью: *La muerte, borracha de sangre y ron, blandía en torno su guadaña* (прим.: A.Hernández-Catá). В противном же случае сложным представляется нахождение образного соответствия: *…si <u>el mar se casase</u> había de perder su braveza, pero don Dinero es más soberbio que el mar, y no perdía sus ínfulas* (Doña Fortuna y Don Dinero. F. Caballero). В первом примере легко воссоздать достаточно знакомый и в русской

лингвокультуре женский образ «смерти с косой». Во втором же — «море» не только маркировано лексемой мужского рода, но и предстает перед нами в развернутом мужском образе, когда ему приписывается маскулинное качество — сила, ярость (*braveza*) и действие — он женится. Наиболее близким русскому читателю здесь явился бы образ «морской царь», но дополнительную сложность создает присутствующий здесь второй маскулинный образ — «деньги», так же не находящий нужного соответствия в русском языке. Однако здесь спасает гендерномаркирующая форма почтительного называния мужчины в испанском языке — *Don*, легко узнаваемая русским читателем словарная единица, которая, как правило, калькируется в переводе и может служить для гендерной маркировки обеих переводных словоформ и в русском языке, например: «женился Дон Деньги и женился Дон Море».

Известно, что лексема «город» в испанском языке женского рода, но в стихотворении мексиканской писательницы С.Ривейра он предстает перед нами в ярком развернутом женском образе «коровы-кормилицы», «кормящей матери-наседки»:

La ciudad
es una vaca echada
nadie la vio pasar
pero llegaron a sus ubres
a aprender a mamar
(S.T.Rivera La ciudad).

Подобного рода примеры произведений, на наш взгляд, требуют от переводчика нестандартных решений и проще переводятся на языки, не имеющие собственных гендерообразующих маркеров, где воссоздание художественного образа не будет идти вразрез с семантикой, заложенной в собственной категории рода.

Таким образом, учет лингвокультурного аспекта в передаче коннотативного потенциала гендерообразующих языковых единиц, маркирующих мужчину или женщину в языке в той или иной ипостаси, является необходимым для успешного решения переводческой задачи. На данном уровне необходимо тщательное изучение всех контекстуальных и прагматических компонентов значения данных единиц, степень их прецедентности и лингвокультурной значимости с целью дальнейшего поиска соответствующих

эквивалентов в языке перевода. В художественном тексте гендерные характеристики могут составлять часть художественного образа и влиять на характер его восприятия представителем иной лингвокультуры.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода М., 2008.
2. Бушев А.Б Языковая личность профессионального переводчика. Тверь, 2010.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
4. Зыкова И.В. Гендер — конструкт фразеосферы русской и английской культур (к проблеме межкультурного общения) // Гендер: язык, культура, коммуникация: Материалы III международной конференции, 27—28 ноября 2003 г. М., 2006. С. 67—77.
5. Зыкова С.А. Специфика реализации концепта «мужественность» в языковой картине мира (на материале русского и испанского языков): Дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2009.
6. Кирилина А.В. Мужественность и женственность как культурные концепты // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И.А.Стернина. Воронеж, 2001. С. 147—162.
7. Потапов В.В. К опыту пересмотра гендерного признака в лингвистике (на материале английского языка) // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады I международной конференции, 25—26 ноября 1999 г. М., 2001. С. 289—301.
8. Садиков А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления. М., 1998.
9. Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки: Учеб. пособие. М., 2007.
10. Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка. Имя существительное. Глагол: Учеб. пособие. М., 2002.
11. Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. М., 1979.
12. García Á. López, Morant Ricardo Gramática feminina. Madrid, 2005.
13. Hernández Alonso C. Gramática functional. Madrid, 1984.

14. Nissen U.K. (2002). Aspects of Translating Gender. Linguistik Online, 2002. URL: http://www.linguistik- online.de/11_02/nissen.html

Источники примеров

1. Унамуно М. Туман. (На испанском языке). М., 2001.
2. Caballero Fernán: Doña Fortuna y Don Dinero / Cuentos del siglo XIX. Madrid, 1999.
3. Valera Juan: La muñequita / Cuentos del siglo XIX. Madrid, 1999.
4. Rivera C. La Ciudad. Poetry translation centre 2004—2011. URL: http://www.poetrytranslation.org/poems/filter/language/Spanish
5. Унамуно М. Туман / Пер. А.Грибанова. М., 1973.

Глава 3

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ ОБРАЗНОСТИ (на материале переводов художественных текстов с английского языка на русский)

С.И.Малоземова, Я.В.Крайчинская

Стиль художественной литературы (художественный, художественно-беллетристический, литературно-художественный), призванный обслуживать эстетическую сферу общения, «во всех своих разновидностях прежде всего характеризуется образностью, создаваемой различными языковыми средствами, которая вызывает чувственное восприятие действительности и тем самым способствует созданию желаемого эффекта и реакции на сказанное» [Нелюбин, 2007: 81].

Образность (в широком смысле слова — «изобразительность, яркость, живость» [Ожегов]) составляет универсальный и важнейший экспрессивно-стилистической компонент в структуре художественного произведения. Под словесной образностью понимается «система речевых средств, предназначенных для субъективного изображения объекта перцепции» [Халикова], дающая возможность передать читателю то «особое видение мира, которое заключено в тексте и присуще лирическому герою, автору или его персонажу и характеризует их» [Арнольд, 2002: 114]. Образность — это «двуплановое изображение, основанное на выражении одного предмета через другой» [Коралова], «реальное свойство языковых единиц, проявляющееся в способности вызывать в нашем сознании “картинки”» [Маслова, 1997: 20].

В языке художественной литературы образность получает наиболее полное выражение. «Образ является основным средством художественного обобщения действительности, знаком объективного коррелята человеческих переживаний и особой формой общественного сознания» [Арнольд, 2002: 113].

Словесный образ основан на использовании сходства признаков двух предметов, явлений, понятий, т.е. на ассоциации предметно-логического значения слова или словосочетания, реализующего номинативную функцию, и значения контекстуального,

связанного с прагматической функцией, где первое значение служит фоном для второго. Яркий, неожиданный образ является результатом контраста, акцентирующего черты сходства сопоставляемых предметов, явлений, понятий.

Авторы черпают материал для образов из разных источников (знания и представления о природе, животном мире, флоре, различных формах искусства, мифологии и т.п.), которые могут быть как универсальными, так и национально-специфическими, что обуславливается сходствами и различиями культур, географического положения страны, исторического развития, языковой картины мира, менталитета народа-носителя языка, традиций и образа жизни.

Кроме того, внутренняя форма и содержание образа могут быть личностными, индивидуальными, передающими своеобразное авторское видение мира, авторскую оценку событий, явлений, человеческих отношений. Поэтому внутри каждого языка принято различать образность узуальную, языковую, «застывшие» формы образности» (Н.В.Халикова), «анонимную» (И.Б.Голуб) и индивидуально-авторскую, окказиональную, возникшую в данном тексте, «живые образы» (Н.В.Халикова).

Словесная образность создается в художественном тексте иерархией всех языковых и речевых форм, единицами разных языковых уровней: фонетического (звукообразы, в создании которых используются аллитерация, ассонанс, звукоподражание, эвфония), морфологического (транспозиция, производные и сложные индивидуально-авторские окказиональные слова как экспрессивные элементы текста), лексического (эмоционально-экспрессивная и стилистически маркированная лексика, тропы), синтаксического (синтаксические стилистические приемы в сочетании с лексическим наполнением).

Тропы как обороты речи, в которых слова или словосочетания употребляется в переносном значении, являются важнейшим элементом художественного мышления и играют исключительно важную роль в создании образности.

Характеризующиеся семантической двуплановостью и одновременной реализацией номинативной и прагматической функций, тропы представляют определенные трудности при переводе.

Основополагающим требованием при переводе текста любого жанра является эквивалентность исходного и переводящего текстов, т.е. максимальная идентичность всех уровней содержания текстов оригинала и перевода [Нелюбин, 2003: 254].

Современные исследования в области теории перевода определяют эквивалентность не только на лингвистическом уровне, но и с учетом прагматических аспектов текста, отражающих функционирование исходного текста в иной коммуникативной культурной среде [Бреус, 2000: 95], т.е. неотъемлемую часть эквивалентности перевода художественного текста составляет адекватность эстетического воздействия, которое в значительной мере обеспечивается лексическими фигурами речи.

Способы передачи лексических фигур речи при переводе зависят прежде всего от того, является ли образ общенародным (языковым) или индивидуальным (авторским). В каждом языке имеется своя система способов создания образов: метафор, сравнений и других тропов, которые носители данного языка неоднократно используют в письменной и устной речи в процессе общения [Комиссаров, 1965: 152]. Такие воспроизводимые образные сочетания становятся настолько привычными, что получают словарную фиксацию, в том числе и в двуязычных словарях, т.е. с предлагаемым эквивалентом или эквивалентами другого языка. Например: *She had the tread of an Empress.* — У нее была царственная походка (БАРС); *The fire streamed up the side of the wall* — Огонь устремился вверх по стене (БАРС); *golden days* — золотые дни, счастливое время (БАРС). Однако это не означает, что словарь навязывает переводчику свой выбор. В процессе перевода на выбор той или иной стратегии в создании средствами языка перевода эквивалента образной структуры оказывает влияние ряд экстралингвистических (прагматических) факторов, таких как время и место создания оригинала и перевода, сложившиеся литературные традиции, вкусы переводчика и др.

Исследования переводческого механизма преобразования оригинального образа, создаваемого тропами, выявляют использование следующих стратегий:

— **буквальный перевод**, который означает транспонирование образа из одной лингвокультурной среды в другую;

— различные переводческие **трансформации**, обусловленные необходимостью лингвокультурной адаптации образа;

— **элиминация** образа в переводе.

I. **Буквальный перевод** (калькирование, транспонирование) или полный перенос образа из одной языковой среды в другую без изменений возможен в том случае, когда английские языковые метафоры, сравнения и другие фигуры речи имеют в русском языке эквиваленты, полностью совпадающие по образной структуре, т.е. если образному выражению находится полное соответствие как в плане совпадения отдельных элементов языковой картины мира, правил лексической сочетаемости, так и в традиции выражения эмоционально-оценочной информации, заложенной в образе.

Зачастую в переводе удается полностью сохранить простую (неразвернутую) метафору, избитые (трафаретные) эпитеты и сравнения. Это можно проследить в ряде примеров, приведенных ниже:

In the slanting beams that streamed through the open doorway *the dust danced* and was *golden* (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — В открытую дверь лились косые солнечные лучи, в них *плясали золотые пылинки*.

Daisy took her face in her hands as if feeling its lovely shape, and her eyes moved gradually out into the *velvet dusk* (Fitzgerald. The Great Gatsby). — Дэзи прижала обе ладони к лицу, словно проверяя на ощупь его точеный овал, а глаза все пристальней впивались в *бархатистый полумрак*.

В русском языке метафора *пылинки плясали* и эпитеты *золотые пылинки* и *бархатистый полумрак* создают такие же привычные образы, как и в английском языке *the dust danced, golden dust, velvet dusk*, что оправдывает их дословный перевод.

Полному переносу поддаются и образы, созданные развернутой метафорой, состоящие из нескольких компонентов, ассоциативно предполагающих друг друга, например:

The few words that Basil's friend had said to him — words spoken by chance, no doubt, and with willful paradox in them — *had touched some secret chord that had never been touched before,* but that he felt *was now vibrating and throbbing to curious pulses* (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Да, он чувствовал, что несколько слов,

сказанных этим другом Бэзила, *затронули в нем какую-то тайную струну, которой до сих пор не касался никто,* и сейчас *она трепетала, вибрировала порывистыми толчками.*

As he thought of it, a sharp *pang of pain struck through him like a knife,* and made each delicate fibre of his nature quiver (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — При этой мысли *острая боль, как ножом, пронзила Дориана,* и каждая жилка в нем затрепетала.

В приведенных выше примерах развернутая метафора *to touch a (secret) chord, vibrating and throbbing to curious pulses* и метафорическое сравнение *pain struck through him like a knife* имеют в русском языке полноценные соответствия, построенные на таких же образах и являющихся такими же стертыми, «штампованными», как и в английском, что позволяет передать эти образы в тексте перевода без потерь или модификаций.

Полная смысловая и коммуникативная эквивалентность возможна и при передаче авторских образов, построенных на индивидуальных субъективных ассоциациях. Более того, А.Л.Коралова, ссылаясь на сопоставительные исследования передачи художественной образности в переводе, считает, что «авторские, окказиональные образы легче поддаются дословному, полному переводу, так как на них реже лежит печать социальной специфики» [Коралова]. Следующие примеры иллюстрируют возможность воссоздания в переводе «живых» (авторских) образов, переданных метафорой и сравнением.

Nowadays *a broken heart will run many editions* (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — В наше время *разбитое сердце выдерживает много изданий.*

It was a limpid black *night*, *hung as in a basket from a single dull star* (Fitzgerald. The Great Gatsby). — *Ночь* была черная, но прозрачная, *точно в сетке подвешенная к одинокой тусклой звезде.*

Таким образом, транспонирование образа в переводе уместно в тех случаях, когда переданное дословно образное выражение не производит впечатления неестественности и несоответствия общепринятым стилистическим нормам языка перевода, в нем сохраняются первичные значения словесных комплексов, а также интенции автора и эстетическое воздействие оригинального текста, что отвечает требованиям адекватности перевода.

В процессе перевода художественного текста переводчик часто сталкивается с проблемой передачи образных структур, в которых отчетливо проявляются различия языков и культур, не позволяющие транспонировать образ и поэтому требующие лингвокультурной адаптации образа в тексте перевода.

II. **Лингвокультурная адаптация** понимается как приспособление текста при помощи определенных процедур к предельно адекватному его восприятию читателем иной культуры [Фененко].

Цель адаптации художественного образа в переводе заключается в создании такого переводного текста, который вызывал бы у читателя перевода эстетические чувства и эмоциональные реакции, аналогичные тем, которые испытывает носитель языка при восприятии оригинального текста, т.е. переводчик должен воссоздать в переводе тот же эффект, хотя часто ему приходится достигать этого, прибегая к совершенно иным языковым средствам [Левицкая, Фитерман, 1976: 48].

Лингвокультурная адаптация образа достигается путем различных переводческих трансформаций. Одним из наиболее распространенных способов являются **замены**, которые можно подразделить на несколько типов.

1 а) Замена образа — это трансформация, при которой происходит замена одного образа другим. Замену образа в переводе можно назвать **реметафоризацией**, поскольку в основе любого тропа лежит перенос значения.

Следующий пример иллюстрирует использование данной трансформации в переводе:

When *the subject* of Mr. Denby *fell of its own weight,* he essayed other equally irrelative themes, but each time the very deference of Dick's attention seemed to paralyze him, and after a moment's stark pause the conversation that he had interrupted would go on without him (Fitzgerald. The Great Gatsby). — Вслед за *темой* о мистере Ван Бюрене, которая *засохла на корню*, Маккиско испробовал еще несколько, столь же неудачных, но всякий раз его словно парализовала предупредительная вежливость Дика, и прерванный им разговор после короткой паузы шел дальше без него.

В данном примере метафора *the subject fell of it's own weight* является авторской, т.е. оригинальной, не зафиксированной в словарях, и переведена на русский язык устоявшимся фразеологизмом,

в основе которого лежит иной метафорический образ (*тема засохла на корню*), связанный причинно-следственными отношениями с оригинальным образом (*засохла на корню* и *упала под собственным весом*). В процессе перевода происходит трансформация образа темы разговора героев. В оригинальном тексте тема разговора представляет образ весомого предмета, настолько тяжелого и неуклюжего, что он падает под собственной тяжестью, неуместной в разговоре. При передаче на русский язык происходит замена образа — тема не *падает*, а *засыхает на корню*, тем самым она сравнивается с растением, посаженным на неподходящей для него почве — в неправильном обществе, где участники разговора не принимают ее. Данная трансформация оправдана тем, что в русском языке есть устоявшийся фразеологизм, который семантически и стилистически соответствует нормам русского языка, а также интенциям автора — изобразить тему разговора, как нечто, не вписывающееся в окружение, в ситуацию.

Замена образа неизбежна тогда, когда образ, созданный в оригинальном произведении, в силу культурной традиции, исторического опыта, различий в менталитете и т.д. не может адекватно восприниматься носителем языка перевода. «Образ, кажущийся благодатным для людей одной культуры, одной страны, становится бесцветным или даже низким в совершенно других регионах и при иных мироощущениях» [Латышев, Семенов, 2005: 51].

Следующий пример иллюстрирует прием трансформации образа, при котором существительное *wells* (*колодцы*) в метафоре *violet wells of passion*, заменено на слово *озера.* Такая замена оправдана тем, что в русской образной картине мира сравнение глаз с колодцами, скорее всего, имело бы негативную коннотацию, а образ *глаза как синие озера* передает те же положительные коннотации, что и образ в тексте оригинала. Кроме того, реметафоризация потребовала и замены цветообозначающих слов в соответствии с различиями в лингвокультурных цветовых ассоциациях.

Harry, imagine a girl, hardly seventeen years of age, with a little, flowerlike face, a small Greek head with plaited coils of dark-brown hair, *eyes that were violet wells of passion*, lips that were like the petals of a rose (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Гарри, представьте себе девушку лет семнадцати, с нежным, как цветок,

личиком, с головкой гречанки, обвитой темными косами. Глаза — *синие озера страсти*, губы — лепестки роз.

1 б) Замена живого образа стертым, избитым используется в том случае, если оригинальный образ, дословно перенесенный в текст перевода, воспринимается как перегруженный, не вписывается в лингвокультурную картину мира носителей языка перевода.

Так, в следующем примере необходимость отступлений от дословного варианта передачи авторского образа очевидна. Дословный перевод метафоры *the events … crept with silent bloodstained feet into his brain* (*события ... заползали на запятнанных кровью ногах в его мозг)* не соответствовал бы нормам лексической сочетаемости русского языка, не воссоздавал бы эффект ощущения жуткого трагизма, и больше бы соответствовал стилю жанра черного юмора.

Gradually *the events* of the preceding night *crept with silent bloodstained feet into his brain,* and reconstructed themselves there with terrible distinctness (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Постепенно *события* прошедшей ночи *бесшумной и кровавой чередой* с ужасающей отчетливостью *стали проходить в мозгу Дориана.*

Аналогичными причинами в следующем примере можно объяснить и замену живого образа *suck back the grave derision* на стертый образ, созданный с помощью устойчивого фразеологического оборота, в основе которого лежит метафорический образ *прикусил язык* (*с которого едва не сорвалось насмешливое замечание*).

An instinct made Dick *suck back the grave derision* that formed on his tongue; he asked the waiter to find out who they were (Fitzgerald. The Great Gatsby). — Дик инстинктивно *прикусил язык, с которого едва не сорвалось насмешливое замечание*; дождавшись официанта, он попросил узнать, что это за общество за соседним столом.

1 в) Замена одного стилистического приема другим в процессе перевода с одного языка на другой объясняется многими причинами, в частности, национальными особенностями стилистических систем каждого языка, которые выражаются в структурных особенностях, в различии функций, различной частотности употребления. Так, например, в английском языке, особенно в художественном стиле, широко используется так называемый

перевернутый эпитет, который строится на алогическом соотношении определения и определяемого. Такой эпитет не имеет эквивалента в русском языке и в переводе, как правило, подвергается семантическому развертыванию и трансформируется в стилистический прием сравнения, передающий тот же образ. Например:

A breeze blew through the room, blew curtains in at one end and out the other like pale flags, twisting them up toward the frosted *wedding-cake of the ceiling*, and then ripped over the wine-color rug, making a shadow on it as wind does on the sea (Fitzgerald. The Great Gatsby). — Легкий ветерок гулял по комнате, трепля занавески на окнах, развевавшиеся, точно бледные флаги, — то вдувал их внутрь, то выдувал наружу, вскидывая вверх к *потолку, похожему на свадебный пирог,* облитый глазурью, а по винно-красному ковру рябью бежала тень, как по морской глади под бризом.

Поскольку и эпитет, и метафора основываются на ассоциации сходства, в переводе на другой язык они легко заменяются на стилистический прием сравнения, образ при этом полностью сохраняется, как видно из следующего примера:

His cool, white, *flowerlike hands*, even, had a curious charm (Wilde. The Portrait of Dorian Gray). — Даже *руки* его, прохладные, белые и *нежные как цветы*, таили в себе странное очарование.

Таким образом, один и тот же образ может быть создан в оригинале и воспроизведен в переводе разными стилистическими средствами. Важно вызвать у читателя перевода сходную эмоциональную реакцию, само стилистическое средство может быть другим [Бреус, 2000: 11].

1 г) Привнесение образа, **метафоризация**, т.е. замена исходного неметафорического выражения метафорическим, создающим образ. Такого рода замены в переводе могут использоваться либо по причине невозможности найти эквивалентное нейтральное лексическое соответствие в языке перевода, либо по выбору переводчика, продиктованному теми или иными прагматическими факторами.

Так, в следующем примере устойчивые сочетания, где слова использованы в своих прямых значениях: *solve this social problem* и *it would solve itself — решить эту социальную проблему* и *она решится сама собой,* — получают метафорическую интерпретацию

в переводе *развязать затянувшийся узел отношений* и *он развяжется сам собой*, поскольку в буквальном переводе на русский язык эти сочетания звучали бы более официально, более штампованно, чем в оригинале.

He did not *solve this social problem* because he knew *it* was not of importance at the moment and *would solve itself* (Fitzgerald. The Great Gatsby). — Он не старался *развязать затянувшийся узел отношений*, потому что не придавал этому сейчас значения и знал, что *он развяжется сам собой.*

Мотивы отступления от дословной передачи исходного неметафорического сочетания не всегда поддаются четкой формулировке, как, например, замена свободного сочетания *speaking very slowly* на образное *медленно отчеканивая слова* в следующем переводе:

Speaking very slowly, he told him to tell the house-keeper that he wanted to see her, and then to go to the frame-maker and ask him to send two of his men round at once (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — *Медленно отчеканивая слова*, он приказал Виктору позвать к нему экономку, а затем сходить в багетную мастерскую и попросить хозяина немедленно прислать ему двоих рабочих.

Можно сделать вывод, что прием метафоризации используется в тех случаях, когда в русском языке существует адекватное, совпадающее по стилистическому регистру метафоричное соответствие неметафорическому устойчивому сочетанию в тексте оригинала.

Адекватность перевода сохраняется и в случаях, когда неметафорическому сочетанию в переводе соответствует фразеологизм, построенный на метафорическом образе. В качестве примера можно привести следующий перевод, где для глагола *bully* (со словарными значениями *грозить, запугивать, стращать*) с учетом ситуации подобрано контекстуальное идиоматическое соответствие *держать в ежовых рукавицах*.

He was a hero to his valet, *who bullied him*, and a terror to most of his relations, whom he bullied in turn (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Он героически воевал со своим камердинером, который *держал его в ежовых рукавицах*. Сам же он, в свою очередь, терроризировал многочисленную родню.

1 д) Замена образного выражения нейтральным, лишенным образной основы, т.е. **деметафоризация**, используется переводчиком при отсутствии соответствующего образного выражения в языке перевода или невозможности подбора образного аналога.

В следующем примере в оригинале присутствует развернутая авторская метафора, основанная на персонификации, а *large wardrobe of Humour's cast-off clothes*. Переводчик отказался от буквального перевода сложного образа или поиска другого образа, способного вызвать аналогичную реакцию читателя, и счел необходимым прибегнуть к деметафоризации с полной утерей приема персонификации. Теряется образ развернутой метафоры, в которой чувство юмора персонажа сравнивается с гардеробом изношенных вещей. Однако переводчику удается сохранить эпитет *cast-off (clothes) потрепанные (одежды)*, а метафору *a wardrobe Humour's clothes* заменить на *большой выбор острот*, что позволило полностью сохранить смысловое содержание оригинального образа, созданного метафорой, однако трансформация привела к снижению ироничности описания.

"They say that when good Americans die they go to Paris", chuckled Sir Thomas, who had *a large wardrobe of Humour's cast-off clothes* (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — «Есть поговорка, что хорошие американцы после смерти отправляются в Париж», — изрек, хихикая, сэр Томас, у которого *имелся в запасе большой выбор потрепанных острот*.

В следующем примере в оригинале движение персонажа передается глаголом *swim (into) — вплывать*, использованным в переносном значении, а следовательно, несущим в себе образ. На русский же язык образное *swim*, подразумевающее плавность движения, передается глаголом *попала*, лишенным образной нагрузки. Сохранение образа в переводе звучало бы высокопарно или насмешливо, поэтому снятие образа оправдано.

In a moment Nicole *swam into his field of vision,* whereupon he *disappeared* into his house and came out with a megaphone (Fitzgerald. The Great Gatsby). — Минуту спустя *в поле его зрения попала* Николь; он снова *нырнул* во флигелек и тотчас же вернулся — на этот раз с мегафоном.

2) Кроме трансформации замены передача образа может осуществляться путем **смыслового развития** (развертывания,

расширения, прагматической конкретизации, экспликации) образа, т.е. увеличением числа компонентов (слов), использованных для построения образа.

Лексико-стилистические требования к языку перевода непосредственно сплетаются с требованиями понятного и четкого раскрытия образа подлинника [Федоров, 1983: 258], что зачастую вызывает необходимость экспликации или развертывания образа в переводе. Такие преобразования могут осуществляться как по причине различных расхождений в системах языка оригинала и перевода, так и в силу субъективного решения переводчика. Поверхностная структура предложения или словосочетания, в том числе и образного, «может быть различной при одной и той же глубинной структуре, при переводе опущенные в тексте оригинала “уместные слова” нередко подвергаются “восстановлению”» [Бархударов, 1975: 222]. Кроме того, экспликация имплицитных смыслов или конкретизация в форме добавления может быть обусловлена различием культур, обслуживаемых языками оригинала и перевода. В художественном переводе такие трансформации направлены на эквивалентное представление содержания образа исходного текста в тексте перевода, наиболее точную его репрезентацию в единицах языка перевода, так как «прагматическая основа конкретизации при переводе на русский язык требует законченности мысли, выраженной в подлиннике образными средствами» [Рецкер, 1974: 141].

Так, в следующем примере дословная передача на русский язык яркой метафоры *white fingers creep through the curtains (белые пальцы пробираются сквозь занавески)* могла бы вызвать непонимание у читателя перевода, что заставило переводчика эксплицировать невыраженный компонент образной структуры *(рассвета*), поскольку имплицитность некоторых компонентов смысловой (образной) структуры менее характерна для русского языка, чем для английского:

Gradually *white fingers* creep through the curtains, and they appear to tremble (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Постепенно *белые пальцы рассвета* пробираются сквозь занавески, и кажется, будто занавески дрожат.

Единицы, «восстанавливающие» определенные детали или элементы образа или конкретизирующие образ в тексте перевода,

могут быть выражены как отдельным словом, так и словосочетанием или даже предложением, как мы наблюдаем в нижеприведенных примерах:

At last, *liveried* in the costume of an age, Reality entered the room in the shape of a servant to tell the Duchess that her carriage was waiting (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Наконец, Действительность *в костюме* нашего века вступила в комнату *в образе слуги*, доложившего герцогине, что экипаж ее подан.

В данном случае прием смыслового развертывания может объясняться различиями в морфологической структуре слов оригинала и перевода, так, для английского языка характерна продуктивная модель образования причастия прошедшего времени добавлением суффикса *-ed* к основе существительного для указания качества, которые придаются соответствующим предметам или лицам. Правила словообразования в английском языке намного более свободные, чем в русском, поэтому далеко не всегда удается найти эквивалент английскому производному или сложному слову в русском языке. В таких случаях требуется перевод каждой составляющей части. Так, в предыдущем примере производное слово в атрибутивной функции *livered*, играющее важную роль в создании образа, может быть переведено как *одетый в ливрею*, т.е. в форму, которую носят слуги. Но такое развертывание производного слова в переводе отяготило бы образ. Переводчик предпочел прибегнуть к смысловому развитию в форме метонимического добавления.

Добавление придаточного предложения *которыми одарили вас боги* в следующем примере можно объяснить необходимостью экспрессивно-прагматической конкретизации, сочетающей в себе экспрессивный элемент с логической основой. Без переводческого добавления образ в тексте перевода воспринимался бы как незавершенный, не вполне ясный:

Time is jealous of you, and wars against your lilies and your roses (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Время ревниво, оно покушается на ваши лилии и розы, *которыми одарили вас боги.*

3) Несколько реже используется трансформация **упрощения (сужения) образа**, т.е. сокращения числа компонентов образной структуры в процессе межъязыкового преобразования.

Образные структуры художественных произведений могут отличаться той или иной степенью смысловой или экспрессивной избыточности, то есть включать в свой состав слова, значения которых могут быть извлечены из лингвистического и прагматического контекста без их помощи. В таких случаях дословно переведенный на другой язык образ может получиться перегруженным, отдельные элементы его смыслового содержания или экспрессивности могут восприниматься как избыточные, что вызывает необходимость упрощения путем опущения определенных элементов образа в тексте перевода.

Так, в следующем примере в сравнении *the little clouds… like* raveled skeins of glossy *white* silk переводчик счел избыточным эпитет *white* (*белый*), поскольку *маленькие облачка* могут быть только белыми, а не какого-либо другого цвета:

“How horribly unjust of you!” cried Lord Henry, tilting his hat back, and looking up at *the little clouds that, like ravelled skeins of glossy white silk,* were drifting across the hollowed turquoise of the summer sky (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — «Как ты несправедлив ко мне!» — воскликнул лорд Генри. Сдвинув шляпу на затылок, он смотрел на *облачка, проплывавшие в бирюзовой глубине летнего неба и похожие на растрепанные мотки блестящего шелка.*

В следующем примере опущение части образной структуры (*some spider*) объясняется необходимостью избежать тавтологии в русском переводе (*паутина паука*):

The way seemed interminable, and the streets like the black web of *some* sprawling *spider* (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Казалось, езде не будет конца. Сеть узких улочек напоминала широко раскинутую черную паутину.

В следующем примере переводчик заменил эпитеты, выраженные сложными словами, в основе значения которых лежит сравнение (*rose-red* youth и *rose-white* boyhood), на эпитеты более простой семантики, не содержащие сравнения (*светлого* отрочества и *розовой* юности). В данном случае упрощение образа путем замены типа эпитета объясняется различиями в традиционных цветовых ассоциациях, присущих картинам мира языка оригинала и языка перевода и желанием избежать перегруженности образа.

You, Mr. Gray, you yourself, with your *rose-red youth* and your *rose-white boyhood*, you have had passions that have made you afraid, thoughts that have filled you with terror (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Да ведь и в вас, мистер Грей, даже в пору *светлого отрочества* и *розовой юности*, уже бродили страсти, пугавшие вас, мысли, которые приводили вас в ужас.

III. **Элиминация образа**, или опущение — это переводческое решение, результатом которого является потеря какого-либо компонента высказывания. Как правило, опущению подвергаются элементы, являющиеся семантически избыточными, то есть выражающие значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи.

При межъязыковом преобразовании художественного текста потери неизбежны, то есть в переводе допускается неполная передача значений, в том числе и образных. Текст перевода «никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника; задача переводчика заключается в том, чтобы сделать эту эквивалентность как можно более полной, то есть добиться сведения потерь до минимума» [Бархударов, 1975: 11]. Потери в передаче образности, или полная элиминация образа, могут быть оправданы либо явной смысловой и экспрессивной избыточностью, либо непередаваемостью образа, что случается довольно редко.

Поскольку эквивалентность перевода — это главное, к чему должен стремиться переводчик, полный отказ от передачи образности является нарушением этого правила. Рассмотрим несколько примеров.

People joined them as if by magic, accompanied them as specialists, almost guides, through a phase of the evening, dropped out and were succeeded by other people*, so that it appeared as if the freshness of each one had been husbanded for them all day* (Fitzgerald. The Great Gatsby). — Как по волшебству появлялись *новые* люди, с почти профессиональным знанием дела сопутствовали им часть времени, потом исчезали, и их место занимали другие.

В данном примере трудно увидеть причину элиминации. При переводе был утрачен значительный смысловой сегмент, подчинительное предложение, которое описывало значимые характеристики определенных персонажей. Можно предположить, что

таким образом переводчик старался избежать смысловой перегруженности высказывания и рассчитывал на то, что прилагательное *новые* сможет в полой мере компенсировать авторскую метафору *the freshness had been husbanded for them all day*.

Причину элиминации образа в следующем примере следует искать в широком контексте:

…second, that if the situation were allowed to develop naturally, no power on earth could keep the smear off Rosemary — *the paint was scarcely dry on the Arbuckle case* (Fitzgerald. The Great Gatsby). — Во-вторых: если дать событиям развиваться естественным путем, никакие силы на свете не уберегут имя Розмэри от скандала.

Следует отметить, что в передаче образности зачастую наблюдаются не отдельные трансформации, а их комбинации. Следующий пример иллюстрирует сочетание приема замены образного средства (эпитет *forget-me-not* (*eyes*) переведен сравнением *глаза, как незабудки*) и семантической экспликации путем добавления слова *голубыми*:

She laughed nervously as she spoke, and watched him with her vague *forget-me-not eyes* (Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Говоря это, она как-то беспокойно посмеивалась и внимательно смотрела на Дориана своими бегающими, *голубыми, как незабудки, глазами.*

В переводе первой части следующего предложения происходит утрата образа, так как опускается второй компонент сравнительной конструкции *smart as a whip*, но переводчик компенсирует эту утрату, добавив сравнение во вторую часть предложения (*веселая, как птичка*) и тем самым сохранив экспрессивность описания:

She was *smart as a whip* and *happy* as the day is long (Fitzgerald. The Great Gatsby). — Такая *умненькая, веселая, как птичка.*

Таким образом, создание полноценного художественного текста на языке перевода требует передачи художественно-эстетических достоинств оригинала [Комиссаров]. Для передачи образности как важнейшего компонента художественного текста, создаваемой тропами, используются различные переводческие стратегии, включающие транспонирование образа и различные трансформации, направленные на лингвокультурную адаптацию текста, а именно: различного вида замены, семантическое развертывание, упрощение образа и его полная элиминация. Случаи элиминации

образа исходного текста в тексте качественного адекватного перевода без последующей его компенсации крайне редки.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М., 2002.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
3. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учеб. пособие. 2-е изд, испр. и доп. М., 2000.
4. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 5-е изд. М., 2004.
5. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1965. Ч. 2.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учеб. пособие. URL: http://library.durov.com/Komissarov-089.htm
7. Коралова А.Л. Прагматические аспекты передачи образности в тексте перевода. URL: http://www.thinkaloud.ru/science/korobraz.pdf
8. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания. М., 2005.
9. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода. М., 1976.
10. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
11. Нелюбин Н.Н. Толковый переводческий словарь. М., 2003.
12. Нелюбин Н.Н. Лингвостилистика современного английского языка: Учеб. пособие. М., 2007.
13. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
14. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983.
15. Фененко Н.А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2001. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2001/01/fenenko.pdf.
16. Халикова Н.В. Категория образности художественного прозаического текста: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. URL: http://www.dslib.net/russkij-jazyk/kategorija-obraznosti-hudozhestvennogo-prozaicheskogo-teksta.html.

Источники примеров

1. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / Пер. М.Абкиной. URL: http://www.lib.ru/WOLDE/doriangray.txt

2. Фитцджеральд Ф.С. Великий Гэтсби / Пер. Е.Калашниковой // Фитцджеральд Ф.С. Избранные произведения. М., 1977. Т. 1. С. 287—493.

3. Wilde O. The Picture of Dorian Gray // Wilde O. Selections. M., 1979. Vol. 1. C. 77—346.

4. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. M., 1984.

Глава 4

ИРОНИЯ И/ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЕДИНИЦ В РАМКАХ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (на примере перевода высказываний В.В.Путина)

М.А.Степанова

Современного человека можно было бы без большого преувеличения назвать «человеком иронизирующим». Иронией пропитаны и частные беседы друзей, и разговоры коллег по работе, и материалы СМИ, и публичные выступления известных людей. Ирония стала некой защитной реакцией, помогающей укрыть от собеседника свои истинные эмоции — радость, страх, волнение, негодование, те эмоции, которые, как нам кажется, могут в данной конкретной ситуации быть не совсем уместными, которые могут раскрыть наше «Я» со всеми его слабостями. Такая «стержневая» для современного социума эмоциональная реакция не может не найти свое отражение и в медиаполитическом дискурсе.

Некоторые исследователи полагают, что в целом «модальными доминантами современных публицистических текстов являются стихии отрицательных эмоций и ироничности» [Марьянчик, 2011: 6]. Заметим, что автор высказывает эту мысль не только по отношению к публицистическим текстам, но и по отношению ко всему медиаполитическому дискурсу. С этим нельзя не согласиться, если учесть два фактора:

1) основная цель политического дискурса — дискредитировать политического конкурента/противника;

2) ирония, по определению, служит тому, чтобы «путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать явление, обратить внимание на его недостаток» [Литературная энциклопедия: 572].

При всей своей изученности (вспомним, что еще Квинтилиан в своих работах по риторике давал весьма подробные пояснения о разных видах комического [О подготовке оратора.., 1973]) природа

смешного остается притягательным явлением для исследований в разных областях науки. При этом, если говорить о современных гуманитарных науках, любое актуальное исследование проводится на стыке дисциплин. Так, предпринимая попытку проанализировать особенности перевода определенных фрагментов политического дискурса, иронических замечаний политиков, исследователь сможет объяснить переводческую стратегию и конкретное переводческое решение, только обратившись к научному инструментарию истории, политологии, политической лингвистики, риторики, стилистики.

Основным исследовательским материалом в рамках данной работы послужили официальные выступления В.В.Путина (в разное время президента/премьер-министра Российской Федерации), в том числе в формате телепрограммы «Разговор с Владимиром Путиным». Следует отметить, что указанная программа стала определенной медиаполитической традицией, своего рода неформальным отчетом главы государства/правительства о работе, проведенной в течение года. Видеозапись и стенограмма телепередачи, а также перевод текста на английский язык размещены на официальном сайте В.В.Путина. Таким образом, технические средства позволяют исследователю многократно просматривать/прослушивать необходимый материал, что, несомненно, делает исследование более глубоким и детальным, поскольку особую роль в дешифровке иронического замечания, безусловно, играет возможность видеть мимику и слышать интонацию произносящего данное замечание.

В работе не ставится цель описать все фрагменты выступлений В.В.Путина, содержащие иронию как полемический прием. Основным критерием отбора лингвистического материала стало использование в том или ином фрагменте высказывания каких-либо прецедентных единиц.

По мнению Е.А.Нахимовой [Нахимова, 2007: 8], в зависимости от того, какое научное направление представляет исследователь, для обозначения подобного явления используются различные термины:

— интертекстема (интертекст, проявление интертекстуальности);

— прецедентный феномен (прецедентное имя, прецедентный культурный знак);

— историческая (социальная, политическая) или литературная (театральная) метафора;

— текстовая реминисценция;

— логоэпистема;

— элемент вертикального контекста;

— антономазия и аллюзия как разновидности риторических тропов и фигур;

— имя собственное, использованное в значении имени нарицательного (перешедшее в имя нарицательное).

Исследователь полагает, что указанные термины отражают разные взгляды на принадлежности соответствующих феноменов к ментальной, языковой, культурной или понятийной сферам, и каждый из этих терминов используется в своей научной парадигме, отражая характерную для этой парадигмы систему взглядов [Там же].

В данной работе используется термин «прецедентные единицы», который, как нам кажется, объединяет как явления лингвистического порядка, так и явления внеязыковой действительности. Ведь, вне всякого сомнения, поле прецедентных единиц не является гомогенным, и именно этот факт определяет многообразие переводческих подходов и техник при передаче данного явления из одного лингвокультурного контекста в другой.

При комплексном исследовании к прецедентным единицам относят: **прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания (цитаты, афоризмы), прецедентные ситуации** (см. классификации Д.Б.Гудкова, В.В.Красных, И.В.Захаренко, Д.В.Багаевой).

Многоплановость явления прецедентности объясняет, почему гармоничная передача прецедентной единицы в новый лингвокультурный контекст зачастую становится для переводчика крайне трудоемким, многоступенчатым процессом. Такая работа порой осложняется еще и тем фактом, что используя некоторую прецедентную единицу, автор высказывания стремится достичь определенного иронического эффекта.

Как известно, ИРОНИЯ представляет собой совмещение данного и должного, т.е. ирония заключается в «подразумевании

противоположного во внешне положительных характеристиках» [Казакова, 2001: 273]. Вполне очевидно, что основные трудности при переводе иронии видятся в следующем:

1) подразумеваемое может выражаться в таких языковых единицах, которые сами могут вызывать затруднения при переводе;

2) существуют культурологические несоответствия традиционных способов выражения иронии.

Таким образом, выбор переводчиком того или иного приема при передаче иронии, основанной на использовании конкретной прецедентной единицы, будет напрямую зависеть от **типа** прецедентной единицы.

Выделим несколько критериев, которые, как нам кажется, должны определять основные шаги переводчика в работе над передачей иронических высказываний с прецедентными единицами.

1. Сферой-источником прецедентной единицы могут служить лингвокультурные контексты разного уровня. В самом упрощенном виде их можно обозначить как *глобальные* (известные в масштабе всей современной цивилизации), *национально специфичные*, *территориально значимые*, *индивидуально значимые*. Принадлежность прецедентной единицы к тому или иному «контекстному уровню» является одним из ведущих критериев в работе переводчика при передаче иронического высказывания, основой которого является данная прецедентная единица.

2. Другой важный параметр — принадлежность прецедентной единицы к собственно лингвистической/литературной сфере бытования (использование имени, названия, цитация, отсылка к сюжету литературного произведения и пр.) либо связь феномена прецедентности с внетекстовой реальностью (отсылка к историческому событию, ситуации).

3. В случае если прецедентная единица представляет собой литературную реминисценцию, особое внимание следует обратить на жанровую принадлежность исходного текста: как минимум, прозаическое это произведение или поэтическое.

Думается, что выявление указанных выше особенностей прецедентной единицы (цитата из произведения мировой классики; упоминание исторически значимых событий vs. реплика из

национально специфичного анекдота; малозначительная в историческом аспекте ситуация) будет способствовать пониманию переводчиком основной задачи: сохранить прецедентную единицу при переводе либо элиминировать ее.

Приведем несколько показательных примеров.

1) 19 ноября 2009 г., Ялта, Украина, совместная пресс-конференция премьер-министра Российской Федерации В.В.Путина и премьер-министра Украины Ю.В.Тимошенко.

Как комментировали многие СМИ, в ходе пресс-конференции российский премьер-министр позволил себе неоднозначные высказывания в адрес тогдашних президентов Украины и Грузии. Так, отвечая на вопрос российской журналистки, знает ли В.В.Путин о визите М.Саакашвили в Украину и о том, что президент Грузии провел переговоры с В.Ющенко и почтил память жертв Голодомора, В.В.Путин заявил: *«Вы думаете, я слежу за всеми передвижениями (Саакашвили)? <...> Чем занимались наши коллеги, понятия не имею, но думаю, что двум президентам всегда есть о чем поговорить, что-то обсудить, куда сходить»* [http://zik.ua/ru/news/].

Затем В.В.Путин продекламировал: ***«Бойцы вспоминали минувшие дни, и битвы, что вместе продули они»***. Далее последовало продолжение: *«Мы вот пойдем сейчас на ужин, меня коллега (премьер Ю.Тимошенко) пригласила. Будем говорить о Чехове. <...> Что можно еще посоветовать и порекомендовать? Двум президентам лучше проводить ужин, если они будут ужинать,* ***без галстуков. Галстуки ныне в цене, не дай Бог... ну вы меня понимаете. Слопает гость Ющенко еще галстук****»*.

Данный фрагмент содержит две прецедентные единицы, которые имеют некоторую общую сферу-источник, конкретные события новейшей истории: военную операцию со стороны России по принуждению к миру грузинской стороны в конфликте с Южной Осетией в августе 2008 г. Результатом этой операции стало признание Российской Федерацией независимости Южной Осетии.

Как известно, в разгар российско-грузинского конфликта 16 августа 2008 г. в эфире британской телерадиокорпорации BBC появился видеоролик, в котором М.Саакашвили, готовясь к телеинтервью, находился в студии, но, поскольку начало интервью было отложено из-за телефонного звонка, не обратил внимание на

то, что телекамеры уже ведут запись. Во время телефонного разговора президент Грузии проявлял явные признаки нервозности и стал жевать свой галстук. По мнению многих, этот инцидент стал элементом пропаганды в информационной войне вокруг вооруженного конфликта в Южной Осетии и послужил темой для многочисленных шуток и анекдотов.

Тематическое сходство прецедентных единиц в этом фрагменте, несомненно, делает высказывание мощным коммуникативным центром в рамках определенного речевого отрезка, что объясняет множественные повторы высказывания в средствах массмедиа. Однако формат прецедентности в каждом случае разный.

В первом случае перед нами не просто упоминание об известных событиях, но и отсылка к литературному произведению — «Песнь о Вещем Олеге» А.С.Пушкина — перефразированная поэтическая строфа:

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

В случае цитирования В.В.Путиным пусть искаженной, но узнаваемой для русскоязычной аудитории стихотворной строфы эффективность и эффектность речевого акта сливаются воедино. Коэффициент воздействия на публику переоценить трудно. Присутствовавшие на пресс-конференции, без сомнения, испытали определенное эстетическое удовольствие от очевидно заготовленной заранее, но удачно использованной PR-фразы.

Возвращаясь к основному объекту исследования, переводческим стратегиям при работе с прецедентными единицами, отметим, что поэтический перевод этого фрагмента выступления В.В.Путина англоязычными СМИ не использовался. Основная причина, на наш взгляд, — малоизвестность указанного литературного произведения для среднестатистического носителя английского языка. Так, в издании The Telegraph в статье под заголовком «Putin derides tie-chewing Georgian leader» автор приводит нерифмованную фразу ***«The fighters reminisced about past days***

and battles that they have lost together» (пер. «бойцы вспоминали прошедшие дни и битвы, которые они проиграли») с оговоркой ***«he mused»*** (пер. «процитировал, продекламировал он») [www.telegraph.co.uk].

Таким образом, коммуникативно-прагматический эффект данной иронично-саркастической фразы нивелируется при внедрении ее в иноязычное медиаполитическое пространство. Отсутствие узнаваемой рифмованной формы, а также использование нейтральной лексемы «lost» (проиграли) вместо эквивалента просторечно-разговорной единицы «продули» способствует утрате стилистического эффекта, как следствие, основной функцией текста становится скорее информативная, чем воздействующая.

Другая часть высказывания В.В.Путина представляет собой отсылку уже к собственно комической ситуации с «жеванием» галстука. Прецедентной единицей является не литературная реминисценция, а реальная ситуация. Российский политик жестко иронизирует посредством утрирования (по сути, доведения до абсурда) нелицеприятного для его коллеги факта, который крайне негативно отразился на имидже президента М.Саакашвили.

Следует сказать, что эта часть высказывания В.В.Путина приводилась англоязычными СМИ в ее дословном переводе: *«The two presidents would be better off holding a dinner — if they are to hold it —* ***without ties. Ties are pricey these days... Well, you understand what I mean. Yushchenko's guest will scarf up his tie****»* [www.telegraph.co.uk/expat].

Очевидно, что принципиальной сложности для переводчика данная часть высказывания не представляет, поскольку изначально «галстучная» ситуация достаточно широко обсуждалась в англоязычном медиапространстве, получив номинацию в виде сочетания лексем ***tie*** и ***chew/eat/nibble:*** *Saakashvili chewing his tie* (BBC News); *Russian Media Accuse Saakashvili of Nervous Breakdown Over Tie-Chewing Footage* (http://worldnews.about.com); *Maccain receives gun from tie chewing president* (http://www.liveleak.com); *Saakashvili eats his tie* (YouTube).

Заметим, что серьезную роль в организации этого информационного потока сыграли и новые российские массмедиа, формат которых предполагает освещение событий в выгодном для российского государства ракурсе на английском языке. К таким

СМИ, в частности, относится медиакомпания RT, которая начала вещание осенью 2005 г., а в 2013 г. была названа крупнейшим поставщиком новостного контента на международном видеохостинге, став первым в мире новостным телеканалом, который преодолел отметку в 1 млрд просмотров на YouTube.

Вот заголовок одного из материалов, размещенных на портале компании RT: *Chewing ties, Saakashvili style* (Поедание галстуков: в стиле Саакашвили) (URL: http://rt.com/news/chewing-ties-saakashvili). Изначально журналистский материал рассчитан на англоязычную аудиторию, что предполагает некую пропагандистскую установку: если этот политик может себя ТАК вести, достойна ли уважения его политика в целом?

Интересно, что первоначально название медиа-компании RT в кадре расшифровывалось как Russia Today — «Россия Сегодня», однако позднее акцент на принадлежность компании к российским СМИ ушел (осталась собственно аббревиатура), вероятно, для нивелирования у англоязычной аудитории психологического эффекта недоверия предлагаемому медиаконтенту.

Из вышесказанного следует вывод о важности прагматической составляющей, казалось бы, ироничных высказываний, «вбрасываемых» политиками в медиаполитический контекст, и необходимости понимания переводчиком прагматического потенциала конкретной единицы высказывания.

Приведем еще один пример.

2) Передача «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение», 4 декабря 2011 г.

М.Китаева: Я хочу перейти в «Северную столицу» <...> и слово передать почетному гражданину Санкт-Петербурга маэстро Гергиеву.

В.Гергиев: <...> Я живу в Петербурге и возглавляю крупнейший театр. Хотелось бы рассказать Вам одну короткую историю. Вот великий композитор, а для меня — величайший русский композитор XX-го столетия, Сергей Прокофьев подарил Мариинскому театру (тогда — Кировскому) партитуру балета «Ромео и Джульетта», — ныне знаменитейшее произведение, — и после премьеры, весьма успешной, прогуливаясь недалеко от театра, неожиданно встретился с человеком, который его остановил, одернул и сказал:

— ***Вы — композитор Сергей Прокофьев?***

— ***Да.***

— ***Я слышал, между прочим, Ваше произведение — безобразное, мне страшно не понравилось, — уже несколько раз.***

<...>Почему я утруждаю сейчас всех? <...> Мне кажется, доверяйте своему инстинкту, мне очень импонирует то, что наш разговор сегодня не идет вокруг удач или неудач «Единой России», а идет разговор о России. Вот за это второе спасибо.

В.Путин: Валерий Абисалович, Вам спасибо за оценку, за поддержку. Мы с Вами давно знакомы и дружим. Вот Вы сейчас сказали про Прокофьева, про его музыку к балету «Ромео и Джульетта». Это очень хороший пример того, как все быстро меняется и оценки меняются. Вы помните, наверное, когда эта музыка была представлена зрителю, то некоторые очень известные и очень авторитетные люди в этом мире сказали: ***«Нет повести печальнее на свете, чем музыка Прокофьева в балете»****. Вот с тех пор очень много изменилось, и оценки изменились.*

Источник трансформированной цитаты совершенно прозрачен: финальные строки трагедии Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта». Основная задача переводчика — сохранить формат шекспировского текста, включив в него новый фрагмент. В переводе стенограммы телепередачи выделенная фраза была представлена следующим образом: ***Never was a tale of greater woe than Prokofiev's music to Romeo.***

Следует отдать должное специалисту, делавшему перевод речи В.Путина: ему удалось сохранить «узнаваемость» классической шекспировской фразы:

For never was a story of more woe
Than this of Juliet and her Romeo.

Как нам кажется, в этом фрагменте дискурса очень важным является приводимое известным во всем мире маэстро В.Гергиевым сравнение деятельности В.Путина как политика с гениальными произведениями Сергея Прокофьева. Использование же самим политиком фразы, основанной на цитате из классики мировой литературы, имплицитно расширяет значимость сравнительного ряда. Благодаря этому фрагменту дискурса в совмещенный ассоциативно-оценочный ряд входят следующие элементы:

— политическая деятельность В.Путина и «Единой России»;

— мнение, высказанное блистательным маэстро В.Гергиевым;

— гениальная музыка С.Прокофьева к балету «Ромео и Джульетта»;

— бессмертная трагедия У.Шекспира «Ромео и Джульетта».

Выводы напрашиваются сами собой: нынешнюю власть можно критиковать, не принимать, отвергать, но «истинные ценности бессмертны». Очевидно, удачная работа переводчика будет продуктивно транслировать этот «посыл» и за пределы России.

В предыдущих примерах мы рассматривали случаи, когда сфера-источник прецедентной единицы относится к области классической литературы. Первостепенная для переводчика задача заключается в необходимости принимать решение сохранять ли при передаче такой прецедентной единицы формат исходного текста, в том числе и поэтического, или жертвовать отсылкой к оригиналу текста, передавая содержание в произвольной форме. Вероятно, ответом на этот вопрос является уровень узнаваемости исходного текста в принимающей лингвокультуре.

Особую категорию прецедентных единиц составляют реминисценции на произведения (сюда относятся, несомненно, и кинопроизведения), популярные в пределах только исходной лингвокультуры. Приходится признать, что при передаче таких единиц на другой язык часто происходит значительная смысловая утрата, уходит отсылка к исходному тексту, фраза воспринимается в своем прямом значении, без аллегории. Покажем это на следующем примере.

3) Передача «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение», 4 декабря 2011 г.

Ведущий (озвучивает вопрос, заданный по электронной почте): «Правда, что регионы, не поддержавшие правящую партию, будут исключены из программ социального развития Российской Федерации?» И, как следствие, вопрос, встречающийся чаще всего: «Не пора ли вернуться к прямым губернаторским выборам?»

В.Путин: Это важный вопрос. Что касается того, что кто-то будет исключен по результатам голосования, это полная чушь. Это, знаете как, ***«не придете на выборы — мы вам свет отключим и канализацию закроем»****. Конечно, это ерунда, и ни*

одно здравомыслящее правительство никогда таким образом поступить не может, и наше никогда не поступит.

Очевидно, что в этом фрагменте премьер-министр делает отсылку к известной фразе из кинофильма режиссера Л.Гайдая «Бриллиантовая рука»: ***А если не будут брать*** (лотерейные билеты — *М.С.*) — ***отключим газ!*** Неслучайно в стенограмме передачи этот фрагмент приводится в виде цитаты, в кавычках.

В контексте фильма фраза воспринимается зрителями двояко, происходит столкновение «данного и должного»: вкладываемый смысл — явная угроза, воспринимаемый смысл — совершенный абсурд («не купишь лотерейку, останешься без газа»). Таким способом сценаристу и режиссеру удается создать совершенно комичный контекст. Использование политиком сходной фразы мощно «впечатывает» в сознание аудитории идею о том, что высказанное предположение — *это полная чушь, ерунда.*

В лингвистическом аспекте перевод прецедентной единицы *«не придете на выборы — мы вам свет отключим и канализацию закроем»* не представляет значительной трудности. Основная сложность заключается в возможности/необходимости сохранения эффекта узнаваемости текста.

Переводчик приводит фразу в следующем варианте: *Just imagine:* ***"If you don't vote we will cut off your power and block your sewage pipes."*** (досл. пер. «Просто представьте себе: если вы не проголосуете, мы вам отключим (электро)энергию и заблокируем водосток/канализацию»). Представляется, что в смысловом отношении ситуацию абсурдности переводчику удается сохранить. Однако принципиальное отсутствие у англоязычного реципиента фоновых знаний о популярном советском кинофильме делает фразу достаточно жесткой несмотря на явную несуразность идеи о «перекрытой канализации» за отказ прийти на выборы. Расхождение отмечается и на уровне вводной части фразы, до собственно цитирования:

— оригинал: *Это, знаете, как...* (политик апеллирует к ЗНАНИЯМ реципиента)

— перевод: *Just imagine... Просто представьте себе...* (в переводе автор фразы апеллирует к ФАНТАЗИИ реципиента).

Говоря об особенностях «узнавания» прецедентной единицы, нельзя не затронуть тему ухода актуальности определенного

лингвокультурного контекста: старые советские фильмы, конечно, показывают, в том числе и по центральным российским телеканалам, однако они перестали быть «глыбами», их размывает широчайший информационный поток, улицы больше не пустеют, когда вечером идет какой-то популярный отечественный фильм. Современное поколение 20-летних (те, кто родился после развала СССР) вряд ли идентифицируют фразу про «билетов пачку» и «водокачку».

Сегодня даже в рамках одной лингвокультуры наблюдается явление все возрастающей «диверсификации» потребляемой информации разными группами населения. Множественность каналов получения информации, в том числе и развлекательного характера, стала «разламывать» общество, дробить на «группы по интересам». Общество, как кажется, стало терять единый стержень культурно-эстетических впечатлений (за исключением, пожалуй, произведений из школьной программы и, как ни печально, рекламных роликов).

В этом аспекте следует подчеркнуть, как важно акцентировать внимание нынешних студентов, будущих специалистов в области перевода, на том, чтобы видеть, ощущать цитирование, искать, проверять возможные источники цитации, понимать суть используемой текстовой реминисценции. Из собственного опыта можем сказать, что русскоязычные студенты-переводчики, к сожалению, не владеют значительной частью тех фоновых знаний, которые «привязаны» к советской эпохе и являются неотъемлемой составляющей современной русскоязычной лингвокультуры. Вероятно, определенную часть практических занятий по переводу с русского языка на иностранный совершенно необходимо отводить работе по интерпретации специально подобранного материала, включающего значительное количество прецедентных единиц такого рода (например, подборка заголовков из актуальных материалов российских СМИ).

Еще одна сфера-источник прецедентных единиц, которая, несомненно, представляет значительную трудность для переводчиков, в том числе много и успешно практикующих, — анекдоты.

Поскольку анекдот как элемент фольклорного жанра представляет собой короткую смешную историю, передаваемую из уст в уста, очевидно, что он известен большому числу людей,

проживающих в пределах конкретного социума. Вполне естественно, что опытный политик в расчете на положительную эмоциональную реакцию аудитории может даже в официальной обстановке процитировать какую-то популярную фразу. Однако часто такие фразы используются вовсе не шутки ради, они являются квинтэссенцией всего высказывания. Смысловая глубина фразы накладывает определенные обязательства на переводчика при работе с такого рода текстами. Покажем это на примере.

4) Передача «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение», 16 декабря 2010 г.

Местные власти недофинансируют эту сферу [ЖКХ], — сказал премьер. — Своевременно не повышают тарифы. ***Им хочется быть белыми и пушистыми*** *перед своим микрорайоном, городом, поселком. Вовремя не делают. Потом загоняют в тупик, и вынуждены резко повышать. Сети разрушаются, система недофинансирована.*

Источник цитаты — известный анекдот:

Сидит на берегу лягушка, а мимо проплывает крокодил и спрашивает:

— А что это ты, лягушка, такая скользкая, липкая, противная?

А лягушка ему отвечает:

— Я просто болею, а на самом деле я ***белая и пушистая****.*

Переводчик стенограммы выступления В.В.Путина дает следующий вариант при переводе фрагмента высказывания политика: *The local authorities underfinance this sector, do not raise the rates as scheduled because they want to appear* ***all white and furry*** *before their local community, city or village.*

Вполне понятно, что переводчик «выдает» обоснованный вариант перевода: знакомый с этим анекдотом человек находит смешной идею о «белой и пушистой» ЛЯГУШКЕ. Лягушка не может быть такой. Она всегда ЗЕЛЕНАЯ и БЕЗ МЕХА. Исходя из этих элементов концепта, переводчик и предлагает дословный вариант перевода «белые — white» и «пушистые — furry».

Однако мы имеем дело не с переводом анекдота как такового, а с переводом выступления политика, где он, цитируя известную фразу, высказывается достаточно жестко о проблемных сферах в деятельности государства. Контекст расширяет смысловое поле

фразы. Здесь и начинаются «трудности перевода». Приведем выдержку из переписки участников интернет-форума на сайте «Ассоциации лексикографов Lingvo» (http://www.lingvoda.ru/forum/actualthread.aspx?tid=855):

Alice, *29 дек 03, 01:17.* Просто достало это выражение — слышу по 20 раз на день. А как переводить будем? Что-то вроде **cherubic**?

П.Палажченко, *29 дек 03, 15:01.* Это из какого-то мультфильма. Cherubic не подходит, так как это чисто внешнее (аналогично baby face(d)), а здесь смысл, кажется, другой — «добрый», «не страшный», «не надо меня бояться». Простор для поиска вариантов перевода огромный, начиная с **nice and sweet**, но возможен и дословный перевод или почти дословный (что-нибудь вроде **warm and fuzzy**) с пояснением.

M.R., *29 дек 03, 23:32.* Возможный вариант: **lily-white**. <...> Maybe this administration is as lily-white and heroic as it makes itself out to be. But the point is, we shouldn't take their word for it. (http://www.theatlantic.com/politics/)

Alexei G., *30 дек 03, 10:15.* Я встречал именно **«warm and fuzzy»** в книге «The Runaway Jury». Речь в том контексте шла о коварных табачных компаниях, которые, зная о вреде своей продукции, тратят массу денег на создание себе положительного имиджа. В том контексте «белый и пушистый» ложилось идеально — и по смыслу, и стилистически (ирония).

V, *6 фев 07, 02:12.* Думается, наше выражение «мягкий и пушистый» в последнее время стало употребляться в двух все более удаляющихся друг от друга значениях: а) «я не страшный», «не надо меня бояться» (и тут я полностью согласен с постом ПРП от 30.12.03 в 15:59 — думаю, действительно отлично ложатся и упомянутые **warm and fuzzy** etc, и прочие подобные им), и б) «абсолютно чистый» в финансовом, правовом и прочих отношениях, в смысле законопослушный, делающий все by the book. И вот во втором его значении, в частности применительно к (российским, но не только) компаниям, выходящим на IPO, я с нарастающей частотой вижу уместность употребления английского оборота **squeaky clean** именно для передачи значения «не замешанный в сомнительных делах/сделках», «с прекрасно подготовленной, выверенной, аудированной и т.п. финотчетностью» и т.п.

victoria karacan, *9 авг 04, 11:54.* Еще встретилось **'whiter than white'**: The Russian traffic police will always be on the lookout for a backhander. Everyone here says so. Even the traffic cops themselves admit they are not exactly whiter than white. (BBC)

Alexei G., *9 авг 04, 17:00.* Все-таки whiter than white больше относится к э-э-э... «чистоте помыслов», так сказать; к безупречности репутации. А «белый и пушистый» (он же warm and fuzzy) — это нестрашный, добрый и ласковый.

Incognito, *13 авг 04, 14:36.* Lily white — это, наверное, скорее «весь в белом».

V., *4 июн 07, 17:01.* Похоже, что эти словечки вполне можно без ущерба для смысла переставлять — вот недавно, читая работу серьезного лингвиста на сайте ITI о бизнес-жаргоне (все эти cutting-edge, to leverage, own the process, drive the performance,... etc :-)), встретил фразу (this jargon is designed to make business look) **warm and cuddly** — явно напрашивается «белый и пушистый» :-)

Red Threat, *23 сен 07, 13:39.* Встретил вот интересный вариант: **all smiles and sunshine**. По-моему, само то. «While none of this is to say that Putin **is all smiles and sunshine**, he is an immeasurable improvement upon his predecessor, which is why ordinary Russians are deeply suspicious of western pronouncements on the themes of «democracy» and «human rights» (Irish Times. August, 9, 2007. Putin's success in stabilising Russia belittled and misunderstood, by Daragh McDowell).

Резюмируем: дискуссия, которая продолжалась на форуме в течение нескольких лет, выявила ряд интересных нюансов в переводе данного популярного выражения. При этом ни один из участников дискуссии не предлагает использовать вариант, выбранный переводчиком выступления российского политика. По всей видимости, задача переводчика в данном случае — передать основное значение фразы — «милый и приятный», попытка же сохранить «узнаваемость» текста, вероятно, не имеет сколько-нибудь серьезного прагматического потенциала, поскольку цитируется совершенно не распространенный в принимающей лингвокультуре текст.

Подводя определенный итог своим рассуждениям, подчеркнем, что, работая с медиаполитическими текстами, переводчик должен

понимать: такие тексты призваны манипулировать массовым сознанием, и эта цель может быть реализована средствами всех языковых уровней. Таким образом, переводчик работает не только с тем, что́ сказано, но и ка́к это сказано. Вот почему переводчику следует самым тщательным образом подходить к выполнению своей задачи, работая и с содержанием, и с формой текста.

Литература

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация. М., 1998. Вып. 4. С. 82—94.
2. Захаренко И.В., Красных В.В, Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М., 1998. Вып. 1.С. 82—103.
3. Казакова Т.А. Практические основы перевода. СПб., 2001.
4. Квинтилиан. О подготовке оратора (отрывки) // Идеи эстетического воспитания. Антология: В 2 т. М., 1973. Т. 1: Античность, Средние века / Сост. С.С.Аверинцева. С. 347—402.
5. Литературная энциклопедия. URL: http://alcala.ru/literaturnaia-enciklopedia/ slovar-I
6. Марьянчик В.А. Аксиологическая структура медиа-политического текста: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2011.
7. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.
8. Сорокин Ю.А., Красных В.В., Вольская Н.П., Гудков Д.Б. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация. М., 1998. Вып. 4. С. 5—34.

Глава 5

ПРОСТРАНСТВО И КОНТЕКСТ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

С.С.Авакимян, Н.М.Перельгут

В названии настоящей коллективной монографии фигурирует понятие переводческого пространства. Следует сказать, что понятие «пространство» довольно широко используется в современной лингвистике. Ю.С.Степанов в одной из работ заметил: «Нет ничего более естественного, как представлять себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи» [Степанов, 1998: 175]. Имеется немало работ, в которых исследователи оперируют этим термином и говорят о языковом, речевом, коммуникативном, ценностно-смысловом, дискурсивном или переводческом пространстве. Оно может быть сужено до определенного типа дискурса, например, «коммуникативное пространство СМИ и рекламы» [Ильясова, Амири, 2012], «интернет-пространство» [Цурикова, 2011: 135—136] и др. Нередко данное понятие не получает точного научного определения и применятся в нетерминологическом смысле.

Целью настоящей главы является рассмотрение содержания понятия пространства, в том числе переводческого, и его соотношения с понятием «контекст».

Толковые словари рассматривают пространство как объективную реальность, форму существования материи, характеризующуюся протяженностью и объемом; а также место (территорию), где что-нибудь вмещается [Ожегов, 1988: 507]. Философия смотрит на пространство как на категорию, обозначающую формы бытия вещей и явлений, которые отражают их со-бытие, сосуществование в пространстве [Грицанов, 1998: 555]. Философы утверждают, что пространство (наряду со временем) являет собой «несущую конструкцию любой известной до сих пор объяснительной картины мира». Важным для лингвистики в философской интерпретации пространства, на наш взгляд, является то, что оно рассматривается как способ представления фундаментальных параметров бытия, необходимое условие процесса постижения человеком мира.

Существенным является осознание многомерности пространства, одной из координат которого считается время [Там же].

Для лингвистических исследований представляет интерес философское видение пространства, понимаемого как нечто общее всем *переживаниям* (= ощущениям), возникающим благодаря органам чувств, что близко к определению Канта (в «Критике чистого разума»): пространство — форма всех явлений внешних органов чувств, то есть формальное свойство восприятия внешнего мира, благодаря чему возможны наши внешние наглядные представления [ФЭС, 1997: 369].

Современная психология подчеркивает, что пространство наполнено множеством систем отношений между различными предметами [ФЭС, 1997: 370], выделяя жизненное и семантическое субъективное пространство [СлПП, 1998: 452]. Считается, что чем менее жестко оформлено жизненное пространство, тем больше его структура зависит от индивидуальных особенностей. Семантическое субъективное пространство — модель категориальной структуры индивидуального сознания, на основе которой осуществляется классификация объектов и понятий путем анализа их значений [СлПП, 1998: 452—453].

Признавая возможность применения пространственного параметра при описании языковых явлений, С.Н.Плотникова предлагает различать три вида пространства: языковое, дискурсивное и коммуникативное [Плотникова, 2008]. Языковое пространство автор понимает как абстрактную, невидимую логическую среду, в которой существует человек, языковая личность; это пространство «первичных, языковых смыслов, позволяющих языковой личности создавать вторичные, дискурсивные, смыслы [Плотникова, 2008: 132; Плотникова, 2009: 103]. Исследовательница полагает, что языковое пространство является фундаментальным и что вокруг человека может быть столько языковых пространств, сколькими языками он владеет [Плотникова, 2008: 132].

Дискурсивное пространство, по мнению автора, подобно языковому представляет логическую среду, в которой находится человек и которая включает в себя произведенные им дискурсы [Там же]. Дискурсивное пространство, в понимании Н.Н.Казыдуб, составляет фрагмент языковой картины мира, в котором фиксируется и посредством которого передается знание, человеческий опыт.

Для дискурсивного пространства, в интерпретации автора, характерна сложная многоуровневая структура, поскольку дискурс рассматривается как социальная деятельность. Многомерность дискурсивного пространства Н.Н.Казыдуб видит в том, что оно включает следующие компоненты: культурологический, психологический, семиологический, типологический, исторический [Казыдуб, 2006].

Коммуникативное пространство в определении С.Н.Плотниковой — это пространство общающихся друг с другом людей, находящихся как в непосредственной близости, так и на расстоянии [Плотникова, 2008: 134]. По мнению автора, понятия языкового, дискурсивного и коммуникативного пространства представляют собой неотъемлемую часть «общей территории» существования человека [Там же: 136]. Понятие пространства неразрывно связано с понятием языковой личности, на что указывает С.Н.Плотникова, выделяя наряду с языковой, дискурсивную и коммуникативную личности [Там же: 131]. Коммуникативное пространство предполагает взаимодействие более чем одной (коммуникативной) личности, в отличие от языкового и дискурсивного пространств, в центре которых находятся языковая и дискурсивная личности, соответственно, и при рассмотрении которых не столь важен параметр общения.

В лингвистических исследованиях в области переводоведения используется еще одно понятие — «переводческое пространство», концепция которого предложена Л.В.Кушниной для описания смысловой модели перевода в качестве «интеллектуального инструмента» переводчика [Кушнина, 2003]. Переводческое пространство рассматривается как ментальное образование, которое отражает реально существующие процессы и отношения, возникающие при переводе. Оно определяется как форма бытия межъязыкового и межкультурного взаимодействия со своим ядром, или центром, в виде содержания исходного текста (фактуального и имплицитного), вокруг которого формируются поля автора, переводчика и реципиента (субъектов переводческого процесса). Прилегающими к содержанию текста являются еще два текстовых поля: энергетическое и фатическое. Энергетическое поле может быть выражено категориями эмотивности и напряженности (градации), в то время как фатическое поле создается

ассоциативно-семиологическим смыслом текста за счет интертекстуальности.

Таким образом, переводческое пространство составляют следующие компоненты: фактуальный (эксплицитный) смысл, или содержательное поле; имплицитный, или модальный смысл, создающий энергетическое поле (поле автора), индивидуально-образный смысл (поле переводчика), рефлективный смысл, отражающий поле реципиента [Кушнина, 2003: 12, 44—48].

Возникает вопрос, как соотносится понятие «пространства» с традиционным в лингвистике понятием «контекст», который может включать различные компоненты и использоваться для характеристики участников коммуникации или речевой деятельности, включая переводческую; представляет ли он часть различных видов пространства или может быть эквивалентен ему. Так, Национальный корпус русского языка (НКРЯ) приводит толкование контекста как некоего пространства, или среды, в которой существует объект и которая характеризуется наличием границ пространства и времени, например: «Понять, каков контекст и где твое (наше) в нем место» («Известия». 2001. 21 октября) [НКРЯ]. В связи с этим рассмотрим структуру понятия «контекст» в лингвистической науке.

Контекст в большей или меньшей степени всегда интересовал лингвистов, равно как и представителей других областей знаний. Понятие контекста является центральным в антропоцентрической лингвистике и активно исследуется как за рубежом, так и в России. Среди зарубежных ученых, активно изучающих данную проблему, можно выделить имена таких известных лингвистов, как М.Халлидей, Р.Хасан, А.Хьюинс, М.Хьюинс, К.Крамш, Дж.Р.Ферт, Д.Хаймс, Т. ван Дейк и многих других. В отечественной лингвистике ее рассмотрение связано со следующими выдающимися языковедами: Н.Н.Амосова, И.В.Арнольд, Л.С.Бархударов, В.Г.Гак, И.Р.Гальперин, Я.И.Рецкер, И.Т.Касавин, Г.В.Колшанский, В.Я.Мыркин, И.Г.Торсуева, З.И.Хованская и другие.

Слово «контекст» произошло от латинского *contextus: con* — «вместе» + *textum* — «ткань, сплетение, тесная связь, соединение», *contexere* — «сплетать, соединять вместе» [NOAD; Online Etymology Dictionary; СлИС, 1981]. Согласно толковым словарям, термин «контекст» имеет относительно простое определение,

а именно: ситуация, события или информация, которые связаны с предметом или явлением и которые помогают понять это явление. В словарях приводится также значение, в большей степени относящееся к языку: отрывок письменной или устной речи, необходимый для определения смысла отдельного входящего в него слова или фразы [NOAD; LDCE, 2001; СлИС, 1981: 254].

Несмотря на кажущуюся простоту словарной дефиниции контекста, точное определение понятия в терминологическом смысле представляется весьма проблематичным. Следует отметить, что границы контекста и детали его характерных особенностей определяются задачей, которую ставит перед собой исследователь, и материалом, с которым он работает. В узком понимании контекст любого высказывания (т.е. устного или письменного вклада в общение) — это то, что существует вокруг этого высказывания, или, в более широком смысле, все, что включает в себя общение наряду с языком. Существует несколько подходов к определению термина «контекст» как в узком, так и в более широком понимании.

В узкой интерпретации, в рамках внутрисистемного описания языка, под контекстом понимается предшествующее и/или последующее языковое окружение той или иной лингвистической единицы [Бархударов, 1975: 169]. При этом различают микроконтекст (в пределах предложения) и макроконтекст («текстовой» контекст, лежащий за рамками предложения). В этом случае внешние границы контекста не имеют определенного очертания и могут охватывать группу предложений, абзац, главу и даже все произведение в целом [Там же]. Микроконтекст описывается в терминах уровневой теории языка и в зависимости от способа выражения делится на *синтаксический* (т.е. синтаксическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или предложение) и *лексический* (т.е. совокупность конкретных лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых встречается данная единица). Помимо синтаксического и лексического контекстов, Энквист [1980] также упоминает фонетический (качество голоса, скорость речи и т.д.), фонемный, морфемный контексты.

Безусловно, ученые понимали, что нередко при анализе языковых явлений собственно лингвистического контекста недостаточно, и обращались к так называемой экстралингвистической

ситуации, включающей в себя ситуацию общения, или предметную обстановку (место и время, к которому относится высказывание), речевую ситуацию (обстановку и условия коммуникации, отношение говорящего к собеседнику и окружению, общую направленность высказывания), предмет сообщения и участников коммуникации [Бархударов, 1975: 172; Рецкер, 2004: 37—38; Гак, 1998: 580]. Аналогичным образом Г.В.Колшанский выделяет два фактора контекста — экстралингвистический и интралингвистический, которые сопровождают коммуникацию [Колшанский, 2010: 73]. К экстралингвистическим факторам относится сама речевая ситуация, а также сумма фоновых знаний участников коммуникации. К интралингвистическим факторам контекста относится лингвистическое окружение высказывания, т.е. словосочетание, предложение, текст [Там же: 134].

На значимость контекста особое внимание обращается в переводческой области, а также при функционально-стилистическом описании языка, где затрагивается природа и функция контекста (узкого и широкого) как фактора, влияющего на процесс актуализации языковых единиц (Л.С.Бархударов, В.Н.Комиссаров, И.В.Арнольд; И.Р.Гальперин, З.И.Хованская). Так, З.И.Хованская определяет контекст как «вербальное окружение анализируемой единицы в пределах ее непосредственных и опосредованных семантических связей» [Хованская, 1984: 225]. Уточняя понятие контекста, автор, хотя и подчеркивает его вербальную сущность, все же считает его явлением коммуникативного порядка, в построении которого участвуют единицы всех уровней языка. В связи с этим деление контекста на лексический и синтаксический, равно как и речевой и стилистический, признается неправомерным, поскольку при анализе контекста необходимо, по мнению автора, учитывать как лексические, так и грамматические характеристики элементов высказывания в совокупности [Там же: 223—225].

Понимая, что при рассмотрении вопроса о варьировании языковых средств в процессе их актуализации невозможно ограничиваться чисто языковым контекстом, среди факторов, влияющих на данный процесс, З.И.Хованская выделяет и коммуникативные условия, которые включают: 1) коммуникативную сферу (общественную деятельность, личную жизнь, социальные и профессиональные

группы); 2) ситуативную специфику речевого акта (обстановку, в которой протекает коммуникация — официальная, деловая, непринужденно-фамильярная; межличностный аспект коммуникации — отношения между говорящими, обусловленные их предшествующим опытом; материальное присутствие или отсутствие предмета речи); 3) социальный, культурный и психологический тип собеседника и его фоновые знания; 4) коммуникативное задание говорящего, из всего арсенала языковых средств выбирающего лишь те, которые наиболее точно передают его коммуникативное намерение [Там же: 224].

С движением лингвистики от внутрисистемного описания языка к анализу дискурса (речи, «погруженнной в жизнь» [Арутюнова, 1990: 137]) понимание контекста расширилось и стало охватывать то, что рассматривалось отдельно как коммуникативный экстралингвистический уровень. Как справедливо отмечает М.Я.Блох, «языкознанию по необходимости <...> приходится подвергать изучению не только внутренне-системную реальность языка, но также и его внешне-системную реальность, выявляющуюся в *речевом пространстве* (курсив наш. — *С.А., Н.П.*), которое задается параметрами говорящего, слушающего, текста сообщения и условий общения, что обобщенно передается единым понятием “ситуация общения” и выражается также в подтексте понятия “речевой акт”» [Блох, 2008: 4; Карасик, 1991].

Считается, что изучение влияния контекста на язык и исследование проблемы интерпретации отдельно взятого высказывания с учетом совокупности множества факторов не только вербального, но и невербального свойства началось с работы антрополога Бронислава Малиновского в первые годы XX в. [Malinowski, 1994] Б.Малиновский проводил этнографические исследования народов Восточной Новой Гвинеи и отметил трудности перевода слов и идей родного языка островитян. Исследование Б.Малиновского позволило ему прийти к выводу о важной роли контекста в общении. Б.Малиновский писал: «Все слова, которые описывают местный общественный порядок, все выражения, относящиеся к местным убеждениям, определенным обычаям, обрядам, магическим ритуалам, — все эти слова, очевидно, отсутствуют как в английском, так и во многих европейских языках. Такие слова могут быть переведены на английский не путем подбора их

псевдоэквивалентов — настоящий, очевидно, не может быть найден, — но с помощью объяснения смысла каждого из них с учетом точного этнографического компонента: социологии, культуры и традиций местного населения» [Malinowski, 1994: 1]. Таким образом, для Б.Малиновского слова приобретают особый смысл не только в силу особенностей контекста ситуации, в котором они произносятся, но и благодаря более широкому контексту культуры. Другими словами, по мнению Б.Малиновского, понять конкретную ситуацию или действие можно лишь на основе знания о происходящем в данный момент и общего культурного фона ситуации.

Несмотря на то, что Б.Малиновский подчеркивал значимость контекста в коммуникации, он не ставил перед собой задачи детально описать характер контекста и его влияние на выбор языка. Позднее такие исследователи, как Дж.Р.Ферт, Делл Хаймс и Майкл Халлидей подробно изучили связь между контекстом и языком, а также особенности организации языка, обеспечивающего коммуникацию. Все три исследователя имели огромное влияние на современную интерпретацию контекста. Кратко опишем их подходы.

Вклад Дж.Р.Ферта заключается в определении множества переменных ситуаций, позволяющих предсказать язык, который будет использоваться в данной ситуации. Он предложил следующие аспекты ситуации как потенциально влияющие на выбор языковых единиц:

А) особенности участников коммуникации, их личностные качества и социальная роль;

Б) действия участников коммуникации:

(а) словесные действия участников;

(б) невербальные действия участников;

В) объекты и события, имеющие отношение к происходящему;

Г) влияние словесного действия (что изменилось благодаря словам участников коммуникации) [Firth, 1957: 182].

В качестве иллюстрации приведем ситуацию в театральной кассе, где клиент покупает билет на предстоящее представление. Значимые особенности участников могут заключаться в том, что один участник — это покупатель, который хочет проверить наличие свободных мест и купить билет, а другой — кассир, имеющий

доступ к информации о наличии билетов и способах получения платежа. Вербальные действия могут быть связаны с приветствием, проверкой, запросом, подтверждением и т.д. Невербальные действия могут включать ввод информации на компьютере, указание схемы посадочных мест и передачу кредитной карты. Объектами, имеющими отношение к ситуации, могут быть компьютер, схема посадочных мест, кредитные карты и машина для принятия платежа по кредитным картам. Влияние словесного действия заключается в том, что клиент получает билет на представление, а также места, зарезервированные кассиром.

Интерес Дж.Р.Ферта в установлении особенностей контекста, которые могут иметь отношение к форме, уместности и смыслу высказываний, также разделял Делл Хаймс [Hymes, 1962, 1964, 1974]. По существу Д.Хаймс [1974] предлагает перечень контекстуальных факторов, которые важны для исследователя при изучении им коммуникативных событий, представив их в виде мнемосхемы SPEAKING:

S (*settings, scene*) относится к окружающей обстановке, включая время, место и конкретные физические условия, в которых происходят события;

P (*participants*) относится к вовлеченным в общение участникам. Некоторые события, такие как диалог, могут иметь только двух участников, последовательно выступающих в роли то говорящего, то слушающего; в то время как формальные лекции подразумевают много участников, но только одного говорящего;

E (*ends*) относится к цели или задаче мероприятия/события. Некоторые события имеют очень четкие цели. Например, цель следующей реплики, объявленной через громкоговоритель во время антракта в концерте, очевидна: «Дамы и господа. Представление в этот вечер будет возобновлено в течение пяти минут. Пожалуйста, займите свои места в зрительном зале»;

A (*act sequence*) относится к последовательности или форме и содержанию «события». Такие мероприятия, как лекции, чат, список покупок и руководство по эксплуатации, будут вызывать ассоциации, выраженные совершенно различными письменными или разговорными словосочетаниями, а также разными стилями языка;

K (*key*) ссылается на «ключ», т.е. тон, в котором происходит коммуникативное действие, например, серьезный или не серьезный;

I (*instrumentalities*) относится к средствам, в том числе каналу, по которому происходит общение, например, устная и/или письменная речь, а также иные способы общения;

N (*norm of interaction and interpretation*) ссылается на нормы общения и интерпретации, например, нормы, связанные с поведением во время службы в церкви, или правила общения с незнакомцем;

G (*genre*) относится к жанру, например, стихотворение, проповедь или шутка.

Работы Д.Хаймса способствовали возобновлению интереса ученых к многообразным способам использования языка в разных культурах.

Еще одним исследователем, значение идей которого относительно контекста трудно переоценить, является М.Халлидей. Взяв за основу работу Дж.Р.Ферта, Майкл Халлидей [Halliday, 1978] исследовал, каким образом различные аспекты контекста влияют на то, как мы используем язык. По его мнению, контекст любой ситуации состоит из тех общих свойств, которые в совокупности функционируют как детерминанты текста, поскольку они определяют семантические конфигурации, как правило, выделяемые говорящим в контексте конкретного типа. Эти общие свойства М.Халлидей объединяет в три группы — *поле* (field), *образ* (tenor) и *форма/стиль* (mode), — которые служат для интерпретации социального контекста текста, среды, в которой происходит общение. Поле дискурса относится к тому, что происходит, к природе социального действия, т.е. к тому, чем занимаются участники ситуации, где язык занимает центральное место. Образ относится к особенностям участников коммуникации, к роли взаимоотношений между людьми, участвующими в обмене информацией. Значительными переменными являются относительный статус действующих лиц коммуникации, частота происходящего взаимодействия между ними, степень их эмоционального и ситуационного вовлечения. Форма/стиль относится к тому, как язык функционирует в конкретной ситуации: например, устно или письменно [Halliday, Hasan, 1989].

Когнитивно-дискурсивное направление современного языкознания, связанное с изучением дискурсивной деятельности человека, предлагает свое видение контекста, который рассматривается как сложное образование когнитивной и коммуникативной природы [Дубровская, 2011: 14]. Когнитивная природа связана с познавательной деятельностью человека (когнитивной обработкой и структурированием поступающей к человеку информации) вообще и в процессе коммуникации, в частности. Когнитивное направление в исследовании языка показало ограниченность системно-функционального понимания контекста. Делая акцент на способах познания, когнитивная лингвистика раздвигает границы контекста и позволяет рассматривать его в терминах субъективных ментальных моделей — контекстуальных моделей участников интеракции [Van Dijk, 2008]. “Contexts are not some (part of a) social situation, but a subjective mental model of such a situation” [Van Dijk, 2008: X]. Контексты в таком понимании — не объективные условия, а скорее субъективные концепты, сформированные и постоянно обновляемые во время общения собеседников как членов определенных групп и обществ. Такой подход, по мнению Т. ван Дейка, дает возможность объяснить индивидуальные различия между участниками коммуникации: своеобразие в их речепорождении, а также в восприятии и понимании дискурса.

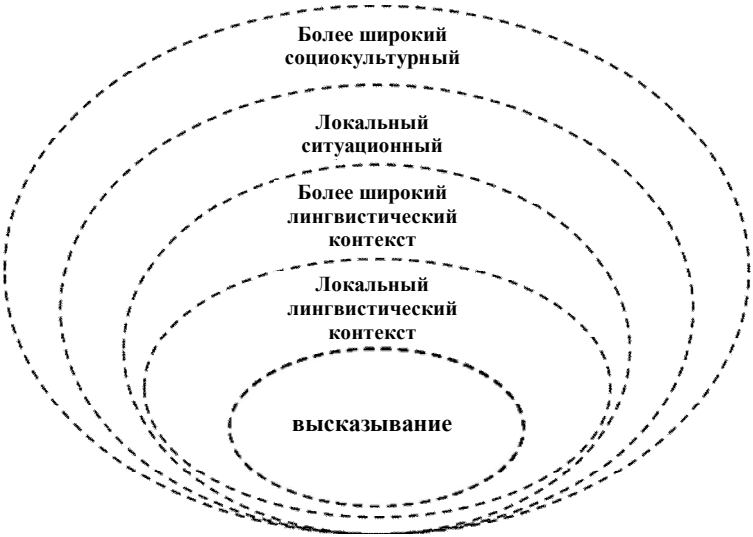
Очевидно, что «контекст» является обобщающим гиперонимическим понятием, которое охватывает различные компоненты. Несмотря на многообразие трактовок термина *контекст*, общепризнанно то, что элементы, которые в совокупности составляют контекст высказывания и помогают его интерпретировать, возможно разделить на языковые и неязыковые, а также то, что вербальный и невербальный компоненты тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга [Горелов, 2007; Колшанский, 2010]. По форме выражения он может быть эксплицитным и имплицитным. Кроме того, контекст включает элементы, находящиеся в непосредственном окружении высказывания, и элементы, обеспечивающие более широкий фон [Касавин, 2008: 234]. А.Хьюинс и М.Хьюинс, признавая сложность классификации контекстуальных факторов и их взаимодействия с дискурсом, выделили четыре уровня контекста:

1) локальный лингвистический контекст — предшествующий и последующий язык высказывания;

2) более широкий лингвистический контекст — отношение текста к другим текстам, «тип знаний, который мы привносим в текст из нашего опыта пересечения с другими текстами <…> того же типа»;

3) локальный ситуационный контекст — время и место коммуникации, а также возраст, пол участников и отношения между ними;

4) более широкий социально-культурный контекст, который включает в себя национально-специфические, социально-групповые и институциональные особенности речевого поведения и позволяет объяснить особенности поведения, типичные для одной культуры (социальной группы, института) и не характерные для другой. Приведем диаграмму Анны и Мартина Хьюинсов, представляющую контекстуальные уровни [Hewings, Hewings, 2005: 20—22]:



Основываясь на вышесказанном, полагаем, что применительно к понятию различных видов пространства контекст, в частности его широкий социокультурный слой, существует в сознании человека (языковой, дискурсивной и коммуникативной личности),

равно как и вокруг него, в окружающей его действительности. Этот контекст представляет собой фундамент личности, ее языкового, дискурсивного или коммуникативного пространства.

В переводческом пространстве социокультурный компонент контекста составляет основу поля автора, поля переводчика и поля реципиента, а также ядра переводческого пространства — содержания текста. Другие уровни контекста приобретают значимость, становятся релевантными в конкретном дискурсивном или коммуникативном событии или акте перевода и взаимодействуют с широким социокультурным фоном. Именно поэтому границы между контекстуальными уровнями мы представили в виде пунктирных линий. Таким образом, думается, что понятие пространства не тождественно понятию «контекст», хотя и тесно с ним связано.

Литература

1. Алиференко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка: Учеб.пособие. 2-е изд. М., 2012.
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для высш. учеб. заведений. 4-е изд., испр. и доп. М., 2002.
4. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
6. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук / Ред. С.Г.Бочаров. СПб., 2000.
7. Блох М.Я. Фактор слушающего в диалогической и монологической речи // Вестник Нижневарт. гос. гуманит. ун-та. 2008. № 4. С. 3—7.
8. Гак В.Г. Факторы и сферы реализации языковых преобразований // Языковые преобразования. М., 1998.
9. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка // Избранные труды. М., 2005.
10. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / Отв. ред. В.Н.Ярцева, предисл. В.И.Карасика. 3-е изд. М., 2007.

11. Демьянков В.З. Теория речевых актов в контексте современной лингвистической литературы: обзор направлений // Новое в зарубежной лингвистике / Общ. ред. Б.Ю.Городецкого. М., 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 223—235.

12. Дубровская О.Г. Когнитивно-коммуникативные основания категории контекста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4 (029). С. 14—25.

13. Казыдуб Н.Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель). Иркутск, 2006.

14. Карасик В.И. Семантика этикетного действия // Действие: Лингвистические и логические модели: тезисы докладов. М., 1991. С. 45—46.

15. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008.

16. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. 4-е изд. М., 2010.

17. Кушнина Л.В. Динамика переводческого пространства. Пермь, 2003.

18. Мыркин В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 1. С. 95—100.

19. Плотникова С.Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология: Язык. Культура. Коммуникация. Иркутск, 2008. Вып. 1. С. 131—136.

20. Плотникова С.Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // MagisterDixit — научно-пед. журнал Восточной Сибири. 2011. № 2 (06). URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_plotnikova_s.n..pdf

21. Плотникова С.Н., Домышева С.А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования / Раздел 1. Политическая коммуникация 1 (27) // Личность и модусы ее реализации в языке: Колл. монография. М.; Иркутск, 2009. С. 103—108. URL: journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling27/ling_27_09.pdf

22. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М., 2004.

23. Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998.

24. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. М., 1979.
25. Хованская З.И. Стилистика французского языка: Учебник для ин-тов и фак-тов иностр. языков. М., 1984.
26. Цурикова Л.В. Дискурс интернет-пространства как особый коммуникативный феномен // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: Мат-лы международ. науч. конф. М., 2011.
27. Энквист Н.Э. Параметры контекста // Новое в зарубежной лингвистике / Сост. И.Р.Гальперин. М., 1980. Вып. IX: Лингвостилистика. С. 256—270.
28. Dijk van T.A. Discourse and context: A sociocognitive approach. Cambridge, 2008.
29. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934—51. L., 1957.
30. Halliday M.A.K., Hasan R. Language, context, and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective. 2nd edn. Oxford, UK, 1989.
31. Hewings A., Hewings M. Grammar and context: An advanced resource book. L., 2005.
32. Hymes D.H. The ethnography of speaking // Language, culture and society / B.G.Blount (ed.). Cambridge, MA, 1962/1974. P. 433—451.
33. Hymes D. Ways of speaking // Explorations in the ethnography of speaking / R.Bauman, J.Sherzer (Eds.). N.Y., 1974. P. 433—451.
34. Hymes D.H. Towards ethnographies of communication: The analysis of communicative events // Language and social context / P.P.Giglioli (Ed.). Harmondsworth, 1964/1972.
35. Kramsh C. Context and culture in language teaching. Oxford, 1993 (2007).
36. Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages // The Meaning of Meaning / C.K. Ogden, I.A. Richards (Eds). L., 1923 // Language and Literacy in Social Practice / Maybin, J. (ed.). reprinted edited version. Clevedon, UK, 1994. P. 451—510.

Использованные словари

1. Грицанов А.А. Пространство // Новейший философский словарь / Сост. А.А.Грицанов. Минск, 1998.

2. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: http://ruscorpora.ru

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1988.

4. Словарь иностранных слов (СлИС) / Под ред. член-корр. А.Г.Спиркина. М., 1981.

5. Словарь практического психолога (СлПП) / Сост. С.Ю.Голованов. Минск, 1998.

6. Философский энциклопедический словарь (ФЭС) / Ред.-сост. Ф.Губский, Г.В.Кораблева, В.А.Лутченко. М., 1997.

7. Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE) / A.Gadsby (ed.). England, Edinburgh Gate, 2001.

8. New Oxford American Dictionary (NOAD). Application for Mac OS X v10.4 The New Oxford American Dictionary / E.McKean (ed.). 2nd edn. Oxford, 2005.

9. Online Etymology Dictionary. URL: http://www. etymonline.com/index.php?term=Context

Глава 6

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА-ПЕРЕВОДЧИКА

Э.М.Рянская

Подготовка специалистов-переводчиков предполагает формирование переводческой языковой личности, способной решать ряд профессиональных задач, в том числе:

— владеть языковыми и поликультурными знаниями;

— учитывать лингвострановедческую и культурологическую ценность языкового материала;

— уметь активизировать фоновые знания;

— владеть контекстуальными и личностными смыслами [Алексеева, 2010: 154—156] и т.д.

В связи с этим важным является формирование таких наиболее значимых компетенций, как лингвообразовательная, культурологическая, лингвострановедческая, межкультурная [Елизарова, 2010: 169].

Кроме специальных дисциплин, призванных формировать перечисленные компетенции, немаловажную роль играют предпереводческие знания, которые обеспечивают подготовительный анализ при переводческих решениях [Фетисов, 2010: 148—149]. Именно поэтому в настоящее время в фокусе переводческих исследований находятся не только собственно лингвистические и переводческие, но и лингвострановедческие, культурологические и когнитивные аспекты. Объектом такого изучения становятся языковые явления и факты, которые требуют поиска нестандартных, творческих переводческих приемов.

Лингвистический анализ, как полагает И.М.Кобозева, связан с извлечением информации исключительно благодаря знанию языка, в то время как экстралингвистическое содержание в эти знания не входит [Кобозева, 2004: 63—67]. Владение поликультурными знаниями позволяет выйти за пределы своей культуры и «приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности» [Елизарова, 2010: 169]. Развитие когнитивных наук все более направлено в такие области «внерационального», как

интуиция и креативность [Баксанский, Кучер, 2005: 102]. Концептологический подход расширяет общегуманитарные знания (универсальные и этноспецифические) [Иная ментальность.., 2005: 27—28] и повышает объяснительный потенциал и мотивированность переводческих решений, обеспечивает процесс их быстрого нахождения. Таким образом, проблема взаимодействия всех видов знаний в переводческой области является весьма актуальной.

В.В.Красных, рассматривая различные принципы изучения национально-культурной специфики языков, предлагает *лингвокогнитивный* подход, позволяющий выделять, анализировать и структурировать два вида компонентов: общелингвистический (позволяющий выявить универсальное) и культурно детерминированный (устанавливающий национально-специфические составляющие). Изучение второго компонента предполагает использование *этнопсихолингвистического* подхода [Красных, 2003: 316—317].

В.И.Карасик, исследуя проблему отражения в языке видения окружающей действительности [Карасик, 2004: 90], выделяет несколько подходов к изучению языковых явлений: культурологический, лингвострановедческий, концептологический, функциональный и др. *Культурологический* подход предполагает выявление языковых единиц, в концентрированном виде выражающих специфический опыт народа, пользующегося языком. Сюда автор относит имена собственные, культурно-исторические реалии, аллюзии, прецедентные феномены, а также слова с эмоционально-оценочным фоном. *Лингвострановедческий* подход предполагает изучение лакун, различного рода коннотаций, понятных только носителям языка. *Концептологический* подход включает этноспецифические, социально-групповые и индивидуальные характеристики языка.

Язык составляет ядро когнитивной способности человека, выступая в качестве отражения его познавательной деятельности. Поэтому следует также учесть мнение тех лингвистов, которые настаивают на важности *антропоцентрического* подхода к языку. Здесь уместно процитировать высказывание Р.М.Фрумкиной: «если вы хорошенько вдумываетесь в то, сколь многообразны отношения языка и культуры, языка и нашего способа описывать мир, мыслить о мире, то поймете, что наука о языке — важнейшая

составляющая науки о человеке как о мыслящем существе» [Фрумкина, 2007: 262].

Даже фрагментарный анализ направлений в изучении специфики языков свидетельствуем о том, что предлагаемые подходы должны быть объединены в одно целое. Взяв за основу положения, изложенные в работе В.И.Карасика [Карасик, 2004], мы попытались отобразить подходы, методы и единицы измерения этнокультурной специфики языка в следующей таблице:

Подходы	**Методы**	**Единицы измерения**
Культорологический	описание типов языковых единиц, выражающих специфический опыт народа; описание уникальных для культуры понятий; анализ ключевых слов культуры; изучение лексического и грамматического материала с позиций культурологических доминант	имена собственные, прецедентные феномены; реалии; культурно значимые слова; пословицы, сентенции, афоризмы; доминантные категории
Лингвострановедческий	составление развернутых комментариев	лакуны, регионализмы, топонимы, коннотации, понятные только носителям языка
Лингвокогнитивный	этимологический анализ; когнитивное моделирование (ключевые компоненты, образные компоненты, понятийные категории)	внутренняя форма слова; фразеологизмы, пословицы, метафоры; метонимия слова с эмоционально-образным фоном; специальная лексика

Типологический	сравнительно-типологическое описание	взаимные заимствования, обусловленные взаимодействием цивилизаций
Психолингвистический	эксперимент	типичные ассоциации, стереотипы

Применительно к переводческой сфере обозначенные единицы измерения, представляющие собой языковые коды культуры, являются носителями информации, которая может быть использована при различных когнитивных, т.е. связанных с обработкой [Кобозева, 2004: 68], операциях при переводе. В самом общем виде схема когнитивных операций включает последовательно следующие этапы:

Механизм когнитивных операций при переводе

ВОСПРИЯТИЕ
— целостное (нелинейное) восприятие ситуации
— распознавание информации

↓

ПОНИМАНИЕ
— выявление известных параметров
— первичная смысловая обработка информации

↓

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
— выявление компонентов смысловой структуры, включая прагматику и коннотативность
— активизация фоновых знаний
— смысловая компрессия (концептуализация и категоризация на ментальном уровне для реконструкции смыслового содержания оригинала [Алексеева, 2010: 154—156]

↓

ПЕРЕКОДИРОВКА

↓

НАХОЖДЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Рассмотрим особенности некоторых явлений, иллюстрирующих возможные проблемные ситуации на этапе подготовки к переводу.

Обратимся, прежде всего, к пласту лексики, включающей такие явления, как *реалии*, *локализмы*, *лакуны* (или *пробелы*). Все эти понятия роднит, во-первых, характер национального, местного, бытового своеобразия, во-вторых, отсутствие соответствий в других языках, в-третьих, ограничения в употреблении, связанные с особенностями обозначаемых ими явлений и предметов действительности.

Термин *«реалия»* используется в лингвистике, в методике преподавания иностранных языков, наиболее широко — в переводоведении. Под реалиями понимаются: названия предметов материальной культуры, исторических фактов, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ, присущих только определенным народам [Томахин, 1988: 5]; наименования национально-культурных объектов, мало или совсем не известных переводящей культуре [Казакова, 2000: 72]; «чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и в понятиях другого народа» [Федоров, 2002: 184]; наименования природно-климатических зон и их элементов, названия животных и растений, обозначения явлений природы, названия национальных блюд, предметов обихода [Корнилов, 2003: 149].

О.А.Корнилов различает обозначения национально-специфических реалий бытования народа и абстрактных понятий, отражающих ментальность, национальный характер. Подчеркивается, что уникальность вербального отражения действительности определяется как различиями объективных реальностей мира, данного конкретному этносу в непосредственных ощущениях, так и особенностями коллективного сознания [Корнилов, 2003: 149]. Кроме того, как считает автор, реалии делятся на два вида: обозначения специфических концептов, отсутствующих в других языках (*валенки, самовар, чум, шапка, щи*), и обозначения неспецифических концептов с разными прототипами. Первые не могут быть переведены на другой язык, поскольку в его системе кодирования знаний о мире нет соответствующих образов этих концептов, а в самом материальном мире отсутствуют подобные объекты. Во втором случае имеет место примерная эквивалентность

на уровне концептов и отсутствие ее на уровне образов прототипов [Там же: 155—156]. В таком случае речь идет о несколько ином, этноспецифическом обобщенном образе представителя соответствующего объекта.

Обратимся к природным реалиям. Наименования ряда природных зон, таких как *степь*, *тундра*, *лесостепь*, *лесотундра*, *тайга* передаются в других языках транслитерацией или полукалькой, например, во французском языке: *steppe (f), toundra (f), forêt-steppe (m), toundra (f) coupée de forêt, taïga (f)*. Неточности при передаче реалий могут свидетельствовать об отсутствии определенных фоновых знаний, как, например, в случае перевода на французский язык слова *лесотундра* как *la toundra* в новелле югорского писателя Юрия Вэллы «Возвращение» [Вэлла, 2001: 164]. Примерами французских реалий могут служить растительные ландшафты *bocage (m)* и *bosquet (m): бокаж* — поля, окаймленные лесными полосами; *боскет* — замкнутый участок парка с насаждениями правильной геометрической формы, ограниченный живой изгородью. Эти термины могут использоваться и в значении «роща», в таком случае они теряют статус реалий.

Лингвострановедческие знания необходимы и при передаче на другой язык национально-культурных объектов, мало или совсем не известных переводящей культуре. Отметим, например, существование во французской культуре понятия *conférence à l'heure du déjeuner* — «лекция в обеденный перерыв». Речь идет об одной из форм групповой работы национальных музеев Франции, рассчитанной на пропаганду культуры (рассказ об одном из экспонатов) среди широких масс [Франция, 1997: 253]. Другой пример национальной программы — *«Radio bleue»* — «Синее радио». Эта радиопередача, существующая с 1980 г., рассчитана на тех, кому за пятьдесят, пропагандирует французскую песню, стремясь укрепить связь между поколениями [Франция, 1997: 805]. Напрашивается аналогия с отечественной радиопередачей «Встреча с песней», известной в большей степени старшему поколению россиян.

Поиск перевода некоторых реалий приводит иногда к совершенно неожиданным вариантам, например: *Исакий* (Исаакиевский собор) — фр. *Saint Isaak*, *октябрятская звездочка* — фр. *une petite étoile rouge* (букв. «красная звездочка»); шапка — *la chapka* [Вэлла, 2001: 164].

Лакуны выявляются при знакомстве с другим языком и являются именами знакомых, понятных, но не названных в своем языке предметов мысли [Манакин, 2004: 40]. Под лакунарностью также понимается значимое отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой [Иная ментальность, 2005: 8]. Лексическая лакуна — это отсутствие в системе одного языка эквивалента для лексической единицы другого языка или отсутствие даже приблизительных соответствий определенным концептам того или иного языка [Корнилов, 2003: 180].

Различают лакуны по парадигматической характеристике, по степени абстрактности содержания, по внеязыковой обусловленности, по типу номинации, по принадлежности лакуны к определенной части речи. В зависимости от системно-языковой принадлежности выделяют межъязыковые и внутриязыковые лакуны [Стернин, 2003: 218—219]. В условиях одноязычного контекста лакуны не осознаются носителями языка. Выявление межъязыковых лакун осуществляется при сопоставлении языков, при этом, если в одном языке не обнаруживается лексического эквивалента какой-либо единице другого языка, то речь идет о наличии лакуны в первом языке и безэквивалентной языковой единицы в другом [Там же].

Явление лакунарности бесспорно связано с национальной концептосферой. Лексически не выраженные концепты в такой же степени участвуют в мыслительной деятельности народа, как и лексикализованные [Быкова, 2003: 22]. При этом отсутствие в каком-либо языке определенного слова не всегда означает, что в концептосфере носителей языка нет соответствующего концепта. Языковые единицы используются для номинации концептов, необходимых для процесса коммуникации, в том числе межъязыковой, т.е. служат для обозначения «только коммуникативно релевантных, коммуникативно “активных” концептов, имеющих ценность для национальной концептосферы» [Стернин, 2003: 225]. Согласно этой точке зрения, многие невербализованные концепты существуют в национальном сознании. Причины языковой невыраженности денотатов, существующих в национальной действительности, заключаются не в отсутствии концептов, а в том, что они коммуникативно не востребованы [Там же].

Особый интерес представляет разграничение актуальных и неактуальных концептов. Под актуальными понимаются регулярно вербализуемые концепты, необходимые и для мышления, и для коммуникации. Неактуальные в национальной концептосфере концепты могут быть, как отмечает А.А.Шунейко, актуальными в групповой и личностной концептосферах [Шунейко, 2003: 233]. На наш взгляд, актуальные для определенных этносов концепты формируются в том числе вследствие объективных условий, определяющих жизненное пространство человека. Различия в обозначениях предметного мира проявляются в зависимости от природной среды обитания или от природно-хозяйственной деятельности, что отражается в названиях объектов, предметов хозяйственной деятельности, домашнего обихода, быта, пищи, одежды, обуви и т.д. Так, в русском языковом сознании нет концепта «угол в доме, где хранятся малоупотребительные вещи», свойственного хантыйской концептосфере и обозначаемого специальным словом (ваховский диалект) *јаўтыв*. Особый жизненный уклад этого народа отразился в формировании ряда специфических концептов в обозначении природных явлений (*лəл* — «наиболее крепкий слой дерева, обычно с северной стороны, где годовые круги мельче и плотно прилегают друг к другу, из которого делают полозья нарт, луки»); объектов и предметов хозяйственной деятельности (*лорəм* — «шест, укрепленный на вершине дерева, для подъема перевеса»); предметов домашнего обихода (*пўтхот* — «место в избе, где хранится посуда») и других.

Классическими примерами национальной специфики являются также имена родства и цветообозначения. Детализация или специализация обозначений предметов и явлений есть следствие практической необходимости в этом или результат свойственного этносу особого членения познаваемого мира. В связи с этим принятие переводческих решений строится на основе межъязыковых и межкультурных сопоставлений.

При тождественности внешнего мира, как заметил К.Ажеж, языки по-разному разграничивают его. Примеры несовпадения лексических систем разных языков многочисленны, они обнаруживаются в обозначении разных сфер человеческой жизнедеятельности и объектов окружающей человека действительности [Ажеж, 2003: 60]. Так, обратившись к уже указанному выше переводу на

французский язык сборника произведений Юрия Вэллы [Вэлла, 2001], можно обнаружить многочисленные случаи использования наименований природных объектов или явлений, связанных со спецификой российского Севера. *Метель, вьюга, пурга* — типичные для русской зимы природные явления во французском варианте имеют обычно один эквивалент обозначения: *tempête (f) de neige* — «снежная буря», несмотря на то, что подобные «снежные бури» (в таких случаях говорят о природных катаклизмах), вероятно, хотя и очень редко, можно наблюдать в некоторых регионах Франции.

Согласно L.-J.Dorais, социокультурный опыт, воспринятый и осмысленный человеком, находит отражение в языковой репрезентации. Восприятие структурировано, а человеческая мысль в силу природного устройства мозга организует впечатления в соответствии с логическими схемами (включение, противопоставление, причинность и т.д.), общими для всех людей, т.е. универсалиями. И если структура восприятия универсальна, то ее содержание варьируется в зависимости от специфики членения мира, что порождает языковые различия. Совокупность когнитивных моделей, которыми владеет общество, составляет его культуру [Dorais, 1979: 37]. Автор приводит пример, иллюстрирующий отражение цветовосприятия в языке: у франкофонов Квебека цветовой спектр включает одиннадцать наименований: *noir, blanc, rouge, vert, bleu, jaune, orange, brun, violet, gris, rose.* В языке аборигенов Нового Квебека различается только семь оттенков цвета: *qirnitaq (noir,* черный*), qakuqtaq (blanc,* белый*), aupaqtuq (rouge, orange et rose* — красный, оранжевый и розовый*), tungujuqtaq (vert et bleu* — зеленый и голубой*), quqsutaq (jaune,* желтый*), kajuq (brun pâle,* бледно-коричневый и *roux,* рыжий*), isuqtaq (gris,* серый*).* Приведенные данные позволяют судить о существовании не только базовых цветообозначений, специфичных для той или иной цветовой картины мира, но и о различном восприятии колористических оттенков. Наличие одного термина для обозначения зеленого и голубого или для обозначения красного, оранжевого и розового одновременно затрудняет поиск переводческих решений в выборе цветового эквивалента. Заметим, что, в свою очередь, *bleu* во французском языке соответствует русским прилагательным *голубой* и *синий*, что также необходимо учитывать при переводе.

Наличие колористических соответствий в национальных языковых картинах мира совсем не исключает разного «прочтения» содержания лексических единиц. Речь может идти не о лакунарности концептов или понятий, а «о лакунах в понятийной, образной и ценностной составляющих соотносительных концептов» [Лебедева, 2009: 109]. Л.А.Лебедева, сопоставляя русский концепт *черный* и чешский *černý*, выявляет шесть совпадений значений и достаточно обширный пласт расхождений в семантике при совпадении лексического состава сочетаний, свидетельствующий, по мнению автора, о межъязыковой омонимии: *черное золото* (*нефть*) и *černé zlato* (*каменный уголь*) [Там же: 110—112]. Подобная межъязыковая лакунарность, по мнению автора, легко преодолима при переводе, в то время как лингвокультурные лакуны являются языковыми «пустотами», которые могут быть заполнены описаниями, содержащими сведения энциклопедического характера, например, рус. *черная сотня.* Примером ценностной составляющей рассматриваемых концептов может служит негативная оценка, присутствующая в определенных сочетаниях или фразеологических единицах (*черная неблагодарность*) [Там же].

Одной из важных проблем межъязыковых соответствий является наличие доминантных категорий в языковых картинах мира. Специфика русского языка позволяет пользователям варьировать семантические оттенки слова. Так, при помощи приставок, увеличительных или уменьшительных суффиксов расширяется потенциал оценочных средств: *сын — сынок, дед — дедушка — дедок, бабушка — бабка, большой — пребольшой — большущий* и т.п. В связи с этим можно говорить об общей доминанте эмоциональной оценки внешнего мира, характерной для русского менталитета [Рылов, 2006: 140]. Эти особенности создают определенные трудности для перевода на языки, в которых использование суффиксальных средств ограничено. Воспользуемся вновь примерами из перевода новелл Ю.Вэллы на французский язык. Для передачи на французский язык употребленного неоднократно в тексте слова *бабка* (*Бабка спрашивает: «Куда, дед?»*) переводчик использует нестандартный прием — опущение артикля: *Grand-mère demande: «Où vas-tu?»* [Вэлла, 2001: 166]. Иногда подобные языковые единицы вообще не переводятся, как, например, в следующем отрывке: *Из-за стенки елей, стоящих на окраине*

села, разворачивается вид. Такого раньше не было. Ну и видище! — Derrière le mur de sapins à la lisière du village, un spectacle se déploie… [Там же: 165]. Последнее предложение при переводе опущено. Вызвало затруднение и предложение *Стынь звонкая*. В данном случае переводчик не смогла подобрать эквивалент слову *стынь*.

Доминанта эмоциональности проявляется также в усилении признака с помощью приема повтора. Это наглядно представлено в сопоставляемых нами текстах на русском и французском языках. Интенсивность цвета и контраст с другим цветом, передаваемые в русскоязычном варианте повторами (*…виднеются на фоне синего-синего неба белые-белые шиферные крыши и черные-черные, закопченные временем бревенчатые стены)*, подчеркиваются во французском переводе наречием *tout* (совсем, целиком, весь): *sur un ciel tout bleu, ressortent les toits d'ardoise tout blancs, et tout noirs, enfumés par les ans, les murs des maisons en rondins* [Там же: 164—165]. Повторы глаголов, означающие длительность действия (*стрекочет и стрекочет о чем-то веселая стайка юных школьниц)* заменены в тексте перевода на два разных глагола со сходными коннотациями: *une joyeuse bande d'écolière jacasse et pépie*, т.е. «стрекочет и щебечет», при этом аспектуальный оттенок действия ослабляется. В другом случае в русском варианте повторы использованы для выражения интенсивности действия: *Ну почему же, почему это святое очищение для города выгребают-выгребают лопатами, выметают-выметают метлами неуклюжие сутулые дворники….* Во французском переводе сохраняется оттенок интенсивности действия благодаря использованию конструкции с глаголом *s'empresser de* (усердствовать), но не передается эмоциональность высказывания, присущая русской фразе: *Pourquoi des concierges zélés et maladroits s'empressent-ils d'effacer de leurs pelles, d'anéantir de leurs balais cette purification magique de la ville…* [Там же: 161, 164].

Таким образом, наличие определенных доминантных категорий как наиболее «акцентированных» участков концептуальной сферы [Рылов, 2006: 12—13] обусловлено в определенной степени спецификой языка. Мы остановились лишь на некоторых особенностях проявления доминанты эмоциональной оценки, характерной для русского языка. Подобные проявления характеризуют

лингвокультурологический аспект фоновых знаний и также предполагают поиск нестандартных переводческих решений.

С точки зрения лингвокогнитивного подхода интерес представляет переводческий «ход», обнаруженный нами в переводе новеллы Ю.Вэллы «Снегопад в Ленинграде» [Вэлла, 2001: 161, 164]. Фраза «*Несколько рабочих оживленно беседуют между собой, один из них рубит ладонью воздух и обещает кому-то показать, где раки зимуют»* содержит известный фразеологический оборот. Автор перевода не воспользовалась эквивалентами, которые бы соответствовали русскому фразеологизму: *il lui apprendra à vivre, il verra de quel bois il se chauffe, il lui fera voir du pays* (разг.). Выражение, к которому прибегает переводчик, создает иллюзию незаконченности фразы: *qu'il lui ferait voir, lui…*, т.е. «он ему покажет…». При этом каузативная конструкция «заставить увидеть» позволяет передать оттенок угрозы, отмеченный в контексте русскоязычного текста. Можно предположить, что для рассматриваемого контекста более уместным для переводчика представляется разговорный вариант. Следует отметить, что в разговорной речи ряда языков присутствуют выражения «я ему покажу!», «он тебе покажет!». Так, в русской разговорной речи скорее можно услышать именно этот вариант, не обязательно ассоциируемый с рассматриваемым фразеологизмом. Во французском языке подобная разговорная версия также отмечена в словарях: *tu vas voir!* («ты сейчас увидишь!»). В немецком языке наряду с эквивалентом фразеологического оборота «я тебе покажу, где раки зимуют» — *ich werde dir zeigen, wo der Pfeffer wächst* (буквально «я тебе покажу, где перец растет») также существует разговорное выражение: *Dir werde ich es zeigen!* — Я тебе покажу! [Городникова, 1998]. Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что одна и та же денотативная ситуация может находить в языках как универсальное стереотипное выражение, так и обозначения, построенные на различной образной основе.

Подводя итог, отметим, что в рамках данной главы мы рассмотрели не все аспекты предпереводческой подготовки. Но даже представленный здесь материал позволяет сделать вывод о том, что будущий переводчик не может ограничивать область своих знаний специальными переводческими или лингвистическими аспектами. Не на последнем месте должны находиться компоненты

информации, формирующиеся за счет экстралингвистических, лингвострановедческих и этнокультурных знаний. В своей совокупности эти знания составляют концептологическую основу предпереводческой подготовки и требуют выполнения одного из важных условий — целостного восприятия информации, содержащейся в языковом материале, предоставленном для перевода.

Литература

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с фр. М., 2003.
2. Алексеева Е.А. Особенности языковой подготовки переводчиков // Герценовские чтения. Иностранные языки: Мат-лы межвуз. науч. конф., 28—29 апреля 2010 г. СПб., 2010. С. 154—156.
3. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивные науки: от познания к действию. М., 2005.
4. Быкова Г.В., Пылаева О.Б. Словарь «несуществующих слов»: фантастика или реальность? // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Ю.А.Сорокина, проф. Г.В.Быковой. Благовещенск, 2003.
5. Вэлла Ю. Триптихи // Пер. на фр. Е.Тулуз. Ханты-Мансийск, 2001.
6. Городникова М.Д., Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь речевого общения. М., 1998.
7. Елизарова Г.В. К вопросу о сопоставительном изучении культур // Герценовские чтения. Иностранные языки: Мат-лы межвуз. науч. конф., 28—29 апреля 2010 г. СПб., 2010. С. 168—169.
8. Иная ментальность / В.И.Карасик, О.Г.Прохвачева, Я.В.Зубкова, Э.В.Грабарова. М., 2005.
9. Казакова Т.А. Практические основы перевода. СПб., 2000.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2004.
12. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
13. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

14. Лебедева Л.А. Межкультурные лакуны в структуре концептов (русский концепт черный и чешский černý) // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск, 2009. С. 108—114.

15. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. Киев, 2004.

16. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М., 2006.

17. Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А. Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Ю.А.Сорокина, проф. Г.В.Быковой. Благовещенск, 2003.

18. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. М., 1988.

19. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 035700 «Лингвистика (квалификация (степень) бакалавр)»: Утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 мая 2010 г. № 541.

20. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак-тов иностр. языков. СПб.; М., 2002.

21. Фетисов А.Ю. Объем понятия «проблема перевода» в аспекте категории переводимости // Герценовские чтения. Иностранные языки: Мат-лы межвуз. науч. конф., 28—29 апреля 2010 г. СПб., 2010. С. 144—149.

22. Франция. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Л.Г.Ведениной. М., 1997.

23. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2007.

24. Шунейко А.А. К проблеме элиминирования лакун в художественной литературе (на материале масонской символики и терминологии) // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Ю.А.Сорокина, проф. Г.В.Быковой. Благовещенск, 2003.

25. Dorais L.-J. L’anthropologie du langage. Montréal, 1979.

Глава 7

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРЕВОДЧИКА: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАТИВНЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПРИ ОСВОЕНИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ПЛАСТОВ ЛЕКСИКИ

(на примере темы «Биатлон»)

Л.В.Новикова

Возросшее значение перевода в современных межэтнических отношениях, порождаемое расширением межкультурных контактов и миграционных процессов, ставит перед преподавателями языковых и специальных переводческих дисциплин новые задачи. Современная методология обучения переводу предусматривает смещение акцентов со структурно-системного направления в переводе на формирование искусственного билингвизма через приращивание индивидуального когнитивного опыта (в первую очередь тематически организованного) обучаемого.

Такой подход роднит труды отечественных и зарубежных переводоведов. Так, положения Д.Робинсона о роли подсознательных методов и эмпирического опыта в формировании компетенций переводчика [Робинсон, 2005] соотносимы с когнитивно-эмпирической моделью перевода, сформулированной А.Г.Минченковым на основе принципов когнитивной лингвистики и теории речевой деятельности [Минченков, 2008]. Существенное внимание уделяется овладению психологической структурой значения слова билингвом (Х.Хёниг, Э.А.Салихова), значимости дискурсивного сознания в становлении искусственного билингва (Е.К.Черничкина). Расширение информационного социокультурного пространства находит отражение в поиске альтернативных образовательных моделей (инфолингвистический путь развития интеллектуально-творческих способностей студентов, предлагаемый Н.В.Волынкиной). В то же время в практике преподавания перевода наблюдается недостаток учебных пособий, позволяющих реализовывать новые подходы в переводоведении и готовить «генералистов» (И.С.Алексеева),

способных быстро и качественно осваивать новые для себя области знаний.

Важным представляется также своевременная актуализация предлагаемых учебных материалов и расширение тематики, изучаемой в рамках базового курса освоения иностранного языка. Этой цели может служить интегративный тип учебного пособия, рассматриваемый нами как дидактическое пространство, в рамках которого вербальная компетентность переводчиков достигается через одновременное формирование и совершенствование базовых лингвистических знаний, речевых и переводческих навыков, сопровождаемые интенсивным усвоением социокультурного фона малознакомого дискурса.

Погружение в любой дискурс происходит в первую очередь через усвоение лексических средств, и степень сложности этого процесса во многом зависит от удаленности рассматриваемого лексического пласта от ядра словарного состава. Таким периферийным характером обладают не только социально детерминированные пласты лексики (в том числе, терминология), но и диахронически маркированные лексемы (неологизмы, архаизмы).

Единицы малознакомых для реципиента терминосистем и неологизмы объединяет отсутствие в их когнитивной структуре ясности содержательных характеристик наряду с недостаточно прозрачной внутренней формой. Это обусловлено рядом общих черт — относительно низкой частотностью употребления в сравнении с узуализованными единицами основного словарного фонда, невысоким уровнем сформированности разветвленных парадигматических связей с уже существующими единицами и, как следствие, возникновением трудностей с семантизацией у большинства носителей языка. Г.М.Мандрикова рассматривает такие малопонятные слова, как *агнонимы*, отражающие «недостаточность ментально-лингвального комплекса языковой личности» [Мандрикова, 2011: 4]. Рассматриваемая ниже в качестве примера лексема *an sich vorbei ziehen lassen*, объединяющая в себе специфичные черты фразеологизма, термина и неологизма, являет собой образец «семантической ловушки для переводчика».

Указанные выше черты могут существенно осложнять освоение дискурсивного пространства начинающими переводчиками. Однако единицы терминосистем и неологии объединяет еще одна

характеристика, с одной стороны, снижающая остроту проблемы понимания агнонимов, с другой стороны, позволяющая решать задачи освоения указанных лексических пластов средствами интегративного пособия, — это доминирующий характер медиатекстов как пути вхождения указанных единиц в общеупотребительный словарный состав. Заметим, что терминология является на современном этапе одним из наиболее активных источников пополнения словаря, средства массовой информации в свою очередь способствуют размыванию границ периферийных лексических систем, часто за счет окказионального употребления новых единиц в медиатекстах.

Осведомленность переводчика в данном случае сродни осведомленности журналиста, имеющего достаточно общее представление о процессах в разных видах профессиональной деятельности; на первый план выходит знание ключевой проблематики и особенностей лексики. То есть в общеупотребительный словарный фонд проникают, а главное, закрепляются в нем те лексемы из профессиональных областей, которые могут быть значимы для массового носителя языка. Это дает нам основания рассматривать медиатексты как один из источников специальной информации, необходимой для продуктивной подготовки переводчиков в рамках спортивного, политического и ряда других дискурсов.

Базовый курс обучения иностранному языку включает, как правило, спортивную тематику общего характера, и задача сформировать у обучающегося целостное представление о конкретном виде спорта, его специфике, типах соревнований, подготовки спортсменов и используемого оборудования не ставится. Однако значимость спорта в жизни современного общества существенно возросла, что нашло отражение как в медиадискурсе, так и в увеличении числа прямых международных контактов в рамках разнообразных соревнований.

Данную особенность отмечают не только культурологи и социологи, но и лингвисты, изучающие спортивный дискурс с точки зрения формирования специфической спортивной терминосистемы, лингвостилистики жанра спортивной журналистики, а также структурного своеобразия и взаимодействия с другими дискурсами.

Закономерным видится обращение лингвистов к концептуальным доминантам данного дискурса, а также моделям их репрезентации. Так, Е.Г.Малышева в рамках когнитивного подхода рассматривает русский спортивный дискурс как «особый тип институционального дискурса, дискурсивное пространство, которое организовано по принципу поля и состоит из системы дискурсивных разновидностей, объединенных прежде всего общностью спортивной тематики и концептуальных доминант» [Малышева, 2011: 3]. Автор отмечает разветвленность концептосферы «спорт», включающей в себя концепты разного типа: субъекты (*Спортсмен, Тренер, Судья*) и объекты (*Стадион*) спортивной деятельности, действия (*Игра, Тренировка, соревнование, Судейство*), спортивные события (*Чемпионат, Олимпиада*) и др.

Сказанное выше позволяет утверждать, что теоретические аспекты изучения спортивного дискурса как источника стереотипов национального менталитета находят отражение в актуальной лингвистической литературе; для преподавателей-практиков, обучающих иностранным языкам и переводу, основная проблема состоит, в первую очередь, в недостатке практико-ориентированных учебных пособий, построенных с учетом новых тенденций в переводоведении, современных дидактических принципов и актуальных языковых материалов и направленных на подготовку студентов к работе в востребованных сегментах экономики.

Биатлон является одним из самых зрелищных зимних видов спорта (согласно актуальному интернет-опросу газеты АиФ 34% респондентов чаще всего смотрят по телевидению состязания по биатлону), привлекающий в Россию, в Югру в том числе, большое количество спортивных туристов из других стран. Как известно, в г.Ханты-Мансийске на регулярной основе проводятся этапы кубка мира, чемпионата мира и паралимпийских игр по биатлону.

Студенты переводческих специальностей НВГУ (г.Нижневартовск) участвуют в проведении данных мероприятий в качестве переводчиков. Успешность данной деятельности напрямую зависит от специальной подготовки, выходящей за рамки базового курса по практическому переводу, поэтому подготовка специального пособия была обусловлена прагматическими причинами.

Предлагаемый тип учебного пособия согласуется с принципом перемещения центра внимания с языковой системы как основного объекта изучения на субъекта-билингва, формируемым сегодня в рамках антропоцентричного подхода к переводоведению (А.Г.Минченков). Работа над определенными тематическими областями на основе интегративных переводческих пособий может способствовать формированию индивидуальных фоновых знаний и представления о концептуальной структуре изучаемого дискурса, о новых словах и значениях, объективирующих его концепты, о месте терминологии в его полевом строении, позволяющих добиться инвариантности понимания исходного текста. Ввиду того, что специальные учебные пособия (равно как и словари, в том числе электронные) обновляются недостаточно быстро, медиатексты как трансляторы новых значений и понятий представляют собой существенный источник актуализации усвоенной лексики в определенных областях.

Особое внимание при этом следует уделять этнокультурной специфике как отдельных концептов, так и дискурсивного пространства в целом. Концепт рассматривается некоторыми авторами как некий маркер эквивалентности перевода; так, А.Г.Минченков определяет основной критерий успешности перевода как способность переводчика «объективировать всю совокупность концептов, потенциально актуализируемую исходным текстом, учитывая объективную возможность сделать это в данном контексте» [Минченков, 2008: 38]. В предлагаемой данным автором когнитивно-эвристической модели перевода к первичным переводческим ошибкам относят объективацию концепта, не соответствующего единице исходного текста и отсутствие объективации концепта при наличии такой возможности.

Таким образом, искомая форма дидактического материала должна содержать в себе элементы, направленные на формирование в рамках незнакомого для обучающегося дискурса профессионально ориентированных знаний и умений, представления о культурном контексте, а также системе способов самоорганизации при освоении незнакомой тематики. Придя эмпирическим путем к предлагаемому типу учебного пособия и выявив в ходе апробации его продуктивность как средства формирования ключевых речевых

и переводческих компетенций на продвинутом этапе обучения, мы попытались осмыслить теоретически полученный опыт.

В основу пособия [Новикова, 2011] положен полисистемный подход (включающий лингвистический, дискурсивный и социокультурный анализ) к работе с первичным текстом, рассматриваемым как продуктивное и емкое средство повышения лингвосоциокультурной компетентности студентов и обучения профессиональным навыкам переводчика. Правомерность такого подхода к тексту находит отражение в актуальных работах по теории текста. Так, Т.М.Хомутовой был предложен интегральный анализ смысловой структуры текста (на примере научного текста), включающий языковой, когнитивный, культурный и социальный секторы, которые выделяются в исследовательских целях, не существуют друг без друга и объединяются коммуникативной деятельностью [Хомутова, 2010: 7].

Представляется, что сформированный студентом навык комплексного анализа специального медиатекста позволит ему в дальнейшем переносить полученные знания и умения на все разнообразие возможных профессиональных ситуаций и успешно решать коммуникативные и переводческие задачи. Пособие предлагаемого типа рассматривается как особое дидактическое пространство, позволяющее «притвориться членом профессионального сообщества» по аналогии с принципом «притвориться членом языкового сообщества», предлагаемым Д.Робинсоном [Робинсон, 2005: 164].

Конечным продуктом работы над пособием являются осваиваемые студентом 1) комплекс навыков реферирования, устного и письменного перевода текстов спортивного дискурса; 2) методология работы со специальными текстами на подготовительном этапе, предваряющем осуществление переводческой деятельности в рамках малознакомого дискурса; 3) совокупность спортивных общих и специальных (сфера «Биатлон») концептов и их языковых репрезентантов.

В пособии представлены тексты двух типов: 1) статьи разных жанров (*Nachricht, Bericht, Interview, Kommentar*) небольшого объема (800—4000 знаков); 2) специальные тексты, содержащие сведения о типах и специфике соревнований, инвентаре, подготовке спортсменов и т.д. Источником текстов являются официальные

сайты союзов биатлонистов Германии и России и новостные сетевые ресурсы.

Тексты страноведческого характера (*«Biathlon-Weltmeisterschaften in Khanty-Mansiysk (RUS)», «Ханты-Мансийск», «IBU-Flagge für die Biathlon-WM in Ruhpolding eingetroffen»*) содержат сведения о местах проведения соревнований. Знание подобной фактологической информации, а также соответствующей лексики позволит добиться беглости перевода всевозможных приветственных речей, пресс-релизов, а также избежать затруднений при переводческом сопровождении гостей спортивных мероприятий.

При работе с текстами особое внимание уделяется актуализации дискурсивных пресуппозиций через заголовок. Опыт показывает, что значительная часть студентов на начальном этапе игнорируют заголовок и подзаголовок как при первичном знакомстве с текстом, так и при формировании вторичного текста, что приводит к семантическим нарушениям при когнитивной обработке текста, «прагматическому дефекту» в терминологии С.В.Гусаренко [2009]. Студентам предлагается определить интенциональный характер текста, сформулировать предположения о его содержании и структуре, об отношении автора к сообщаемому и лишь затем приступать к чтению текста. Медиатексты предоставляют для таких упражнений достаточно разнообразный материал, например:

1. Reaktionen nach der Damen-Staffel von Khanty-Mansiysk: «WAHNSINN!»

2. Gastgeber bei Biathlon-WM erstaunlich schwach: Trainer entlassen, Zaitseva tritt zurück.

При переводе заголовков продуктивным представляется подход К.Норд, выделяющей на основе референциальной, экспрессивной и апеллятивной функций заголовка в числе прочих следующие проблемные зоны его перевода:

— оптимальный для языка перевода вариант может уже существовать и использоваться для другого текста, что ведет к не предусматриваемой автором оригинала интертекстуальности;

— реализацию референциальной функции, базирующейся на верном понимании денотатов заголовка, может затруднять полисемия лексем либо отсутствие в принимающей культуре

лингвокультурных смыслов, заложенных в качестве пресуппозиции в исходном тексте заголовка;

— экспрессивная функция заголовка может выступать как осложняющий перевод фактор в том случае, если имплицитная оценка либо эмотивность, содержащиеся в заголовке, носят не универсальный, а культурно-специфический характер;

— трудность передачи апеллятивной функции сопряжена с необходимостью четкого представления у переводчика о реципиенте переводного текста и связанного с этим выбора из спектра возможных языковых средств привлечения внимания (рифма, аллитерации, игра слов, стилистические и синтаксические обороты, метафоры, цитаты и т.д.) [Норд, 2006: 293].

Выполнив перевод заголовка, студенты анализируют предложенные варианты с точки зрения полноты отражения рассматриваемых выше функций заголовков, что способствует формированию у них навыка саморедактирования, одного из ключевых в подготовке переводчика.

После освоения через разнообразные виды работы 5—6 базовых текстов следует приступать ко второму этапу через упражнения, направленные на тренировку навыков устного и письменного перевода текстов изучаемой тематики, транслитерацию имен, сравнительный анализ параллельных текстов.

Данный этап призван добиться автоматизации навыков, при которой «когнитивная нагрузка снижается за счет многократного повторения процессов, что обеспечивает решение новой задачи по восприятию или воспроизведению текста с большей когнитивной отдачей» [Калина, 2006: 333].

Отметим, что отдельные типы заданий были введены нами в тренировочную практику для переводчиков под влиянием работ И.С.Алексеевой.

Далее рассмотрим типы предлагаемых заданий из данного блока.

1. Работа с текстами.

Необходимо ознакомиться с технической информацией о разновидности соревнований в биатлоне, сравнить информацию, полученную из русского и немецкого текстов (тексты являются аутентичными, не переводными). Далее необходимо исправить ошибки а) в перечне утверждений относительно содержания текста,

б) в письменном переводе данных текстов. На заключительном этапе тренируется устный перевод (прямой, обратный) в быстром темпе. Пример текстов:

Спринт.

Участники спринта стартуют также с интервалами от 30 секунд до 1 минуты и преодолевают дистанцию 10 и 7,5 километров (мужчины и женщины соответственно) с двумя огневыми рубежами. На первом огневом рубеже спортсмены стреляют из положения лежа, на втором — стоя, они также сами выбирают себе места на стрельбище. За каждый промах спортсмен должен пробежать 150-метровый штрафной круг. 60 биатлонистов (на чемпионатах — 45), пришедших к финишу первыми, принимают участие в гонке преследования [http://www.biathlonrus.com/biathlon/rules].

Der Sprintwettkampf.

Beim Sprintwettkampf wird ebenfalls einzeln im 30-Sekunden-Abstand gestartet. Allerdings ist die Wettkampfdistanz nur halb so lang wie im Einzel (also 10 Kilometer für Herren und 7,5 Kilometer für Damen) und es wird nur einmal liegend und einmal stehend geschossen. Für jeden Fehlschuss muss eine Strafrunde von 150 Metern Länge absolviert werden. Damit ergibt sich aus der Endzeit im Ziel sofort die Gesamtzeit. Auch hier gilt: Der- oder diejenige mit der schnellsten Gesamtzeit gewinnt den Wettbewerb. Aufgrund der läuferisch zu absolvierenden Strafe sagt man, dass hier sehr gute Läufer leichte Vorteile besitzen und eher als im Einzel ein Fehlschuss wettgemacht werden kann [http://biathlon.xc-ski.de/434--biathlon_von_a-z.html].

Такая интенсивная проработка текстов позволяет студенту за короткий период усвоить на продуктивном уровне большой лексический массив даже в том случае, если тема является для него абсолютно незнакомой. Тексты из переводческого блока различаются как содержательно, так и структурно. Они насыщены когнитивной информацией, формирующей у студента системное представление об изучаемой теме.

2. Медиатексты спортивного дискурса содержат значительное количество прецедентных имен, не все из которых знакомы обучающимся. В данном случае преподаватель стимулирует студентов к поиску дополнительной информации и ее презентации в группе. Следует обращать внимание студентов на формальные репрезентанты прецедентности, например, на употребление

неопределенного артикля с именем собственным, как в нижеследующем тексте:

Magdalena Neuners kann man nicht aus dem Hut zaubern.

*Fritz Fischer, der in dieser Saison in den DSV-Trainerstab zurückkehrte und als Stützpunkttrainer in Ruhpolding Michael Greis, Simon Schempp, Andreas Birnbacher und Toni Lang betreut, dämpfte die Erwartungen auf eine medaillenträchtige Zukunft. «**Eine Magdalena Neuner** kannst du nicht neu erfinden», stellte er fest, auch wenn das Training noch so professionell organisiert sei und jedwede moderne Technik verwendet werde. «**Einen Boris Becker** hat's im deutschen Herren-Tennis auch nur einmal gegeben». Für Medaillen könne man keine Garantie abgeben* [URL: http://www.biathlon-ruhpolding.de/de/news/newsarchiv].

3. Одной из задач пособия является знакомство студентов с концептуальными доминантами спортивного дискурса и овладение вербальными средствами их репрезентации (как на иностранном, так и на родном языках). На данном этапе следует обращать внимание обучающихся на общее и различное в объективации репрезентирующих моделей в сравниваемых языках во избежание лексической интерференции. Так, практика показала, что студенты, не интересующиеся спортивной жизнью, затрудняются с переводом следующего отрывка из биографии известной биатлонистки Торы Бергер:

ERFOLGE

Weltcup:

— *5* ***Siege***

— *17 weitere Podestplätze*.

Само по себе слово der Sieg общеизвестно, имеет переводческое соответствие и в другом контексте не вызывает трудностей в понимании и переводе. В приведенном контексте реализуется семантическая оппозиция «**победа**/золото/первое место» (*Sieg*) — «призовое место/серебро, бронза/второе, третье место» (*weitere Podestplätze*), имеющая место также в русском спортивном дискурсе. Однако семантическое размывание данной оппозиции, характерное для русского бытийного дискурса, в котором все три места на пьедестале рассматриваются как победа разной степени, сыграло роль дезинформирующего фактора и вызвало вопросы у начинающих переводчиков.

4. Спортивный дискурс активно пополняет фразеологический фонд многих современных языков, что обусловлено значимостью для него эмотивной составляющей, находящей отражение в процессах лексикализации фразем с яркой образностью. Такие единицы часто выходят за рамки не только терминосистемы, но и дискурса. Студентам предлагаются задания на словоупотребление спортивной фразеологии за пределами спортивного дискурса, которые предваряет анализ словарных статей, например:

— *die Chance auf den Sieg verpatzten, den ersten Platz in… ausbauen, die Führung übernehmen, j-n an sich vorbei ziehen lassen*;

— *добиться победы, обеспечить себе первое место, лидировать, быть вечно вторым, вырвать победу у к.-л.*

Как правило, студенты ограничиваются в своих примерах описанием повседневных, бытовых ситуаций, достраивая контекст обиходной лексикой. В таком случае уместно обратиться к политическому дискурсу, доминирующие концепты которого во многом совпадают со спортивным дискурсом (ср. концепты «Свои/Чужие, «Победа/Поражение», «Патриотизм», рассматриваемые Е.Г.Малышевой). Следующий контекст содержит несколько идиом, характерных в равной мере для спортивных и политических текстов:

Republikaner ***verpatzt Wahlkampf****: Der Republikaner Mitt Romney hat wieder* ***einen Sieg errungen****: Im ... Doch die Chance auf eine Einigung sind gering, meint Kanzlerin Angela Merkel* [www.focus.de/.../republikaner-verpatzt-wahlkampf-mitt-romney].

Такой тип заданий помогает студенту осмыслить факт интерференции дискурсов через анализ языковых средств, манифестирующих общие для взаимодействующих дискурсов компоненты социокультурных ситуаций.

Кроме того, интерес представляют полисемичные фразеологические единицы, чей семантический объем включает в себя отличные друг от друга значения, объективируемые в разных дискурсах. Рассмотрим лексему *j-n an sich vorbei ziehen lassen*, используемую в спортивных текстах в значении «уступить кому-либо в борьбе»:

1. *Michael Meyer, dem kurz vor dem Ziel der Sprit ausging, musste Marco Dostler* ***vorbeiziehen lassen*** *und wurde nur Dritter* [www.sd-pressedienst.de/?p=14600].

2. *Mit diesem kurzen Stillstand in einer der letzten Steigungen musste er einige Konkurenten* ***vorbeiziehen lassen*** [www.fanclub-cologna.ch/.../WM-in-Oslo-2011.aspx]

В то же время в бытийным дискурсе реализуется значение «упустить что-либо, отказаться от чего-либо»:

1. *Ja, ich war schon wieder unterwegs — ein paar freie Tage um Ostern herum kann ich Reiselustige doch nicht einfach so* ***vorbeiziehen lassen*** [t-tally.blogspot.com/.../fang-das-licht-ein-catch-light.html].

2. *Vor 3 Tagen* ***...*** *Das Leben ist zu kurz um es unzufrieden an sich* ***vorbei ziehen*** *zu* ***lassen****. Deshalb machen Sie es sich schön und genießen Sie Ihr Leben* ***...*** [gallazzo.blogspot.com/].

Большинство словарей содержат только последнее значение, в то время как в спортивных текстах находит отражение процесс развития семантики, где внутренняя логика переноса может рассматриваться двояко: 1) от исходного сложного вербального конструкта с прямым значением «пропустить мимо себя любой объект» → пропустить мимо себя противника/конкурента → *уступить в борьбе конкуренту* (переносное значение); 2) от уже существующего значения переносного значения идиомы *an sich vorbei ziehen lassen*, «упустить что-либо» → «упустить победу». Формальным критерием разграничения значений может служить категория одушевленности («уступить в борьбе конкуренту») / неодушевленности актанта («упустить что-либо»), при этом в прямом значении реализуются обе возможности («пропустить человека, машину»).

Таким образом, данный пример позволяет продемонстрировать студентам одновременно не только значимость дискурса для перевода, но и процесс развития нового значения у существующей ранее лексемы под влиянием структурных элементов дискурсивной концептосферы (в нашем случае оппозиция концептуальных доминант *субъект — противник*).

5. Переводу новой лексики из разряда пассивной в активную способствуют задания на словоупотребление в рамках/вне рамок изучаемого дискурса: *Bilden Sie die Sätze mit folgenden Redewendungen:*

Ein bestmögliches Resultat zu gewährleisten, aus elastischem Material bestehen, über Sieg oder Niederlage entscheiden, Auge vor Kälte und Schnee schützen, die richtige Ausrüstung, individuelle Präferenzen,

etwas verhindern, wenig Windwiderstand bieten, größtmögliche Bewegungsfreiheit gewährleisten.

6. Усвоение лексики проверяется не только собственно переводом, но и тестами открытого типа:

Die Athleten starten hierbei im _ von 30 Sekunden und _ vier Schießübungen, in _ Reihenfolge liegend, stehend, liegend, stehend. _ jeden Fehler bekommt der Skijäger eine _ zu seiner Laufzeit _.

_ Wettkämpfen der Seniorenklasse _ Damen und Herren finden auch regelmäßig _ der Junioren _, unter anderem im _ des IBU-Cups. Für Jugendliche _ 13 und 17 Jahren wird _ zwei Jahre noch _ weiteres Großereignis _: Das European Youth Olympic Festival.

Отметим, что использование такого типа заданий в международном экзамене по немецкому языку onlineDaF (DAAD), требующего регулярной и продолжительной тренировки на разнообразном языковом материале, также побуждает нас использовать данный вид упражнений.

7. Своеобразным тестом и одновременно продуктивной тренировкой служит задание, при котором необходимо дополнить начатое предложение, сохранив стилистику спортивных комментариев. Упражнение следует выполнять устно в довольно высоком темпе:

— *Die Internationale Biathlon Union ist der Dachverband…*

— *Die Athleten starten hierbei im Abstand von 30 Sekunden…*

— *Für die Austragung von Europameisterschaften, IBU-Cups und Junioren-/Jugendweltmeisterschaften…*

8. Умение четко, компактно и полно формулировать мысль является безусловным преимуществом для переводчика. Однако не все обучающиеся склонны к лаконичному изложению мыслей. Таким студентам следует как можно чаще давать задание сформулировать дефиницию новых понятий, предметов по изучаемой теме, например: *der Biathlet, der Skilanglauf, wasserabweisend, hitzebeständig, die Witterungsbedingungen, der Teller, die Vorschrift, der Leistungssportbereich*.

Выполняя данное задание, студенты работают преимущественно в парах: один студент устно формулирует определение, второй записывает его, далее, в сопоставлении со словарной статьей, выявляются недочеты в дефиниции студента. Основными требованиями, предъявляемыми к качеству формулировки, являются:

1) указание на родовое понятие; 2) перечисление всех значимых признаков; 3) краткость.

На начальном этапе выполнения данного задания студенты часто используют так называемое *тавтологическое определение* (*Zirkelschluss*), базирующееся на использовании однокоренных слов и апеллирующее к исходному понятию, встречающееся также в словарях. Так, например, универсальный нормативный словарь Duden (1996) определяет термин der *Biathlet* как ein Sportler, der *Biathlon* betreibt. Соседство словарной статьи к термину Biathlon (Kombination aus Skilanglauf und Scheibenschießen als wintersportliche Disziplin) нивелирует недостаточный характер такой дефиниции, однако при устном переводе отсутствие в определении базовых признаков денотата ведет к недопониманию адресанта.

К другим недостаткам дефиниций относят неверный выбор родового понятия, неполный перечень видовых отличий, избыток отличительных признаков, использование в определении образности, затрудняющей понимание, неясность, обусловленную плохим пониманием предмета либо неудачным выбором языковых средств, наличие редких слов, терминов, отрицания в определяющей части, несоответствие стилю текста [Евтушенко, Гулова, 2011: 82].

Регулярное выполнение данного типа заданий позволяет одновременно добиваться в подготовке переводчика решения ряда задач: во-первых, у студента вырабатывается привычка к определению места словарной единицы в иерархической системе понятий изучаемого дискурса, что обуславливает лучшее понимание передаваемого денотата; во-вторых, формируется навык излагать мысль емко и кратко одновременно, отсеивая несущественное, что особенно важно для устного перевода; в-третьих, данное упражнение приучает студентов на ранних этапах обучения к работе с одноязычным словарем, что существенно убыстряет переход от пассивной фазы владения языком к активной. Кроме того, умение формулировать дефиниции является одним из факторов успешного устного перевода, ведь данная форма перевода сопряжена с необходимостью спонтанных разъяснений/уточнений в случае недопонимания, использовании в выступлении незнакомой терминологии и т.д.

9. Аутентичные тексты спортивной тематики ввиду выраженной экспрессивности (в какой-то мере, даже напряженности) служат прекрасным материалом для продуктивного усвоения языковых единиц с размытой семантикой, к примеру, модальных слов. Для решения данной задачи подходят тексты — комментарии спортсменов и спортивных журналистов, например:

Andrea Henkel (GER)

Im Liegendschießen dachte ich ***schon****, das gibt's* ***doch gar*** *nicht, dass es hier* ***nun gar*** *nichts wird. Ich bin dann* ***ganz*** *froh, zum Schluss noch vorne gewechselt zu haben. Ich finde die Bedingungen jetzt* ***eigentlich*** *nicht* ***zu*** *schwer, ich habe* ***nur schon*** *ein paar Mal den Wind falsch eingeschätzt über die ganze Woche und das macht* ***nicht unbedingt sicher****. Es war* ***natürlich sehr*** *spannend und das ist* ***auch*** *gut für den Biathlon und* ***natürlich auch*** *gut, wenn es* ***noch so*** *gut ausgeht für uns. Das war Wahnsinn, was in der letzten Runde* ***noch*** *los war* [http://biathlon.xc-ski.de/interviews/reaktionen].

После первичного ознакомления с текстом студентам предлагается переформулировать его, переведя в нейтральный регистр через процедуру удаления модальных слов (иллокутивных маркеров). Анализ работ студентов показывает, что интенции автора часто интерпретируются ошибочно, кроме того, студенты затрудняются с подбором синонимичных оборотов. На заключительном этапе, после обсуждения предложенных вариантов, студентам предлагается выполнить обратный перевод текста. Заметим, что своевременная работа над языковыми средствами, отражающими модус, способна предотвратить грубые переводческие ошибки.

10. Важным аспектом при работе с пособием является снятие грамматических трудностей, которые возникают у студентов при чтении и переработке специальных текстов медиадискурса. Особое внимание обращается на специфические синтаксические структуры:

1) In der Mixed-Staffel warf Svetlana Sleptsova das Team durch zwei Strafrunden schon aussichtslos zurück, Olga Zaitseva ***ließ*** *noch* ***eine weitere folgen.*** *2) Die beiden Laufstarken Verfolger Ferry und Fourcade* ***musste*** *er dann aber* ***an sich vorbei ziehen lassen*** [http://biathlon.xc-ski.de/615--biathlon-wm_khanty_mansiysk.html].

После грамматического анализа подобных конструкций студентам предлагается переформулировать предложение, подобрав

не менее двух грамматических синонимов и далее самостоятельно воспроизвести новую для них структуру.

Значительное внимание уделяется распознаванию **косвенной речи** в тексте. Немецкий язык обладает широким набором вариативных лексических и грамматических средств передачи косвенной речи, незнание которых иногда ведет к существенным ошибкам в понимании медиатекстов:

«Eine Magdalena Neuner kannst du nicht neu erfinden», stellte Fritz Fischer fest, auch wenn das Training noch so professionell organisiert sei und jedwede moderne Technik verwendet werde. «Einen Boris Becker hat's im deutschen Herren-Tennis auch nur einmal gegeben». Für Medaillen ***könne*** *man keine Garantie abgeben* [http://www.biathlon-ruhpolding.de/de/news/newsarchiv].

11. Следует обращать внимание студентов на лексические и грамматические средства ввода прямой речи, которыми, как правило, насыщены статьи:

1) «Ich wollte meine Karriere eigentlich positiv beenden. Dennoch ist nun Schluss», ***so Zaitseva****. 2) Noch während des Rennens wurde Damen-Trainer Anatoly Hovantsev gefeuert — «das logische Ende einer hässlichen Saison»,* ***wie*** *russische* ***Medien die Verantwortlichen zitieren****. 3) "In dieser Saison hat er sich weiter verstärkt»,* ***erklärte*** *Zaitseva* ***gegenüber*** *Eurosport.* [URL: http://biathlon.xc-ski.de/615--biathlon-wm_khanty_mansiysk.html].

Следует заметить, что типы предлагаемых в пособии упражнений отбирались под влиянием семантических, стилистических и структурных особенностей текстов, а не программного материала. Так, журнальные статьи являются благодатной почвой для составления тренировочных упражнений на пассивный залог, причастные обороты, сослагательное наклонение в косвенной речи — темы, традиционно вызывающие затруднение у студентов. Акцент на данные грамматические явления в процессе работы над статьями позволяет, в первую очередь, снять нежелание студента вникать в «трудный» материал, так как, с одной стороны, он получает представление о степени частотности данных конструкций в актуальном дискурсе, с другой стороны, получает дополнительную возможность потренироваться на современном, «говорящем» материале.

Таким образом, предлагаемый тип пособия не ограничен каким-либо одним языковым уровнем и интегрирует в себе продуктивные приемы формирования базовых билингвальных и переводческих навыков вкупе с усвоением когнитивных структур спортивного дискурса. Межпредметный и практико-ориентированный характер пособия способствует активизации механизмов самоорганизации студента через так называемое «погружение в профессиональную среду», позволяя формировать и актуализировать как общекультурную, так и профессиональную компетентность будущих переводчиков, включающую в себя информационные, интерпретационные, операционные компетенции.

Интегративный подход обеспечивает непрерывность и взаимосвязанность этапов обучения, и осознанное отношение студента к решению задач, встающих перед ним в моделируемом процессе перевода, приближенном к практическим условиям. Тем самым закладывается операционный цикл деятельности обучающегося по развитию и коррекции своих профессиональных компетенций в условиях вынужденной работы с малознакомой когнитивной областью. Кроме того, студенты имеют возможность оценить не только поступательно возникающие трудности и «подводные камни» перевода как профессиональной деятельности, но и степень своей готовности к профессиональной самореализации на текущем этапе.

Успешная апробация пособия «Über Biathlon auf Deutsch / О биатлоне по-немецки» на курсах практического перевода и речевого общения со студентами НВГУ, обучающимися по специальности «Перевод и переводоведение», свидетельствуют о продуктивности описываемого типа пособий. Отметим также целесообразность планирования работы над таким пособием до производственной практики.

Оптимальным для освоения студентами предлагаемых материалов представляются 7—8-й семестры (при обучении второму иностранному языку), так как сформированные ранее базовые лингвистические компетенции студента позволяют ему работать с актуальными аутентичными текстами без чрезмерного напряжения, приводящего, как правило, к снижению мотивации и потере интереса к изучаемой теме. В то же время работа с материалами пособия позволяет корректировать отдельные аспекты грамматических

навыков, формировать у него лингвокультурные компетенции в новой области, а также существенно расширяет общий и специальный тезаурус студента.

Литература

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: Учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб., 2001.
2. Гусаренко С.В. Системное взаимодействие и энтропия когнитивно-семантических структур дискурса: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Ставрополь, 2009.
3. Евтушенко О.В., Гулова И.А. Литературное редактирование: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение». М., 2011.
4. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Омск, 2011.
5. Мандрикова Г.М. Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: категории агнонимии и таронимии: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2011.
6. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2008.
7. Новикова Л.В. Über Biathlon auf Deutsch / О биатлоне по-немецки. Практикум по переводу: Учеб. пособие. Нижневартовск, 2011. Ч. 1.
8. Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Пер. с англ. М., 2005.
9. Хомутова Т.А. Научный текст: теоретические основы интегрального подхода: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2010.
10. Duden Deutsches Universalwörterbuch/ hrsg. Und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. Bibliographisches Institut & F.Brockhaus AG, Mannheim, 1996. 1816 S.
11. Kalina S. Kognitive Verarbeitungsprozesse / S.Kalina // Handbuch Translation. Herausgeber:Mary Snell-Hornby, Hans G. Hönig, Paul Kußmaul, Peter A. Schmitt. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH. S. 330—335.

12. Nord C. Funktionale Probleme der Titelübersetzung / C.Nord // Handbuch Translation. Herausgeber:Mary Snell-Hornby, Hans G. Hönig, Paul Kußmaul, Peter A. Schmitt. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH. S. 292—294.

Источники примеров

1. Правила мероприятий и соревнований IBU // Сайт союза биатлонистов России, 2011. URL: http://www.biathlonrus.com/biathlon/rules

2. Biathlon. Interviews // XC-ski.de-Seite, 2011. URL: http://biathlon.xc-ski.de/interviews/reaktionen-nach-der-damen-staffel-von- khanty-mansiysk-wahnsinn

3. Biathlon von A bis Z // XC-ski.de-Seite, 2011. URL: http://biathlon.xc-ski.de/434--biathlon_von_a-z.html

4. Biathlon-wm in Khanty-mansiysk // XC-ski.de-Seite, 2011. [URL: http://biathlon.xc-ski.de/615--biathlon-wm_khanty_mansiysk.html

5. Blog gallazzo. URL: gallazzo.blogspot.com

6. Blog t-tally. URL: t-tally.blogspot.com/.../fang-das-licht-ein-catch-light.html

7. Fanclub-cologna. URL: www.fanclub-cologna.ch/.../WM-in-Oslo-2011.aspx

8. Focus. URL: www.focus.de/.../republikaner-verpatzt-wahlkampf-mitt-romney]-der-herausforderer-der-die-massen-verstoert_aid_82322 3.html

9. Ruhpolding. Nachrichten // XC-ski.de-Seite, 2011. URL: http://www.biathlon-ruhpolding.de/de/news/newsarchiv.php? we_object ID=496

10. SD-Pressedienst Klub Motoroller. URL: www.sd-pressedienst.de/?p=14600

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 08.07.2014
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 8,5
Тираж 300 экз. Заказ 1537

Отпечатано в Издательстве
Нижневартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru